

Из книги
“Учение о Пастыре,
Пастырстве и Исповеди”

Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого).

Том 13, стр 55-207

Содержание:

Пути Пастырства.

Свойство лучших Православных пастырей.

О Пастырском призвании.

Приготовление к пастырскому званию.

Важность предмета. Значение русского характера для пастырского звания. Средства для приготовления к пастырству. Нравственная неустойчивость общества. Вытекающая отсюда обязанность будущих пастырей. Действительность противоположная этим обязанностям. Отступления общества от христианской нравственности. Последствия таких отступлений для пастыря. Последствие верности кандидата священства своему знамени.

Принятие священства.

Первые искушения.

Примеры из жизни.

Значение молитвы для пастыря.

Значение молитвы; содержание общецерковной молитвы. Значение молитвы для внутренней жизни. Значение молитвы для пастырства. Достоинство русских пастырей в отношении дара молитвы. Уклонения: отчужденность, превозношение и местничество. Практические советы о стяжании молитвенного дара. Самопринуждение. Противостояние господствующей страсти. Исполнительность. Возражение против исполнительности. Уклонения от исполнительности. Внимание ума. Высшая степень молитвенного дара и средства к ее стяжанию. Различение прелести от благодатного дара.

Свойство пастырской совести. Благодать хиротонии.

Испытания пастыря.

Непонимание испытаний. Исход Пастырского делания.

Проявление пастырской жизни в деятельности.

Почва для пастырства в России.

Исповедь пастыря пред Крестом Христовым.

Пути Пастырства.

Свойство лучших Православных пастырей.

Если мы спросим, каковы же ближайшие свойства применения к людям пастырей истинной Церкви, требуемые Словом Божиим, и пожелаем дать ответ на основании практики нашей отечественной церкви: то некоторые слушатели наши заткнули бы уши с громким заявлением о том, что наша практика есть отрицание всякой близости пастыря к своему стаду. В виду такого возможного отношения изменим способ наших разъяснений, доселе указывавший на приемы общие почти всему латинскому духовенству и в уме каждого образованного человека имеющие множество подтвердительных примеров. Переходя к описанию наших православных понятий и обычаев, остановимся просто на картинах жизни лучших, т.е. наиболее глубоко и широко влияющих пастырей, но притом же и глубоко церковных, выражающих в своей личности и деятельности не какую-либо новую, дотоле невидимую в церковной жизни идею, а напротив преемственно повторяющих в своей жизни, при самых незначительных личных особенностях, явления *“того же единого Духа”* (1 Кор. 12:4), Который на протяжении веков все тот же, или, как учит Церковь, *“все подает Дух Святой, источает пророчества, священников поставляет... и весь собирает собор церковный.”* Итак, читатель, пойдем к таким пастырям со мною и с огромным множеством русских людей, стекающихся туда изо всех мест, сословий, положений и даже убеждений или безубежденности, освобождающихся здесь от всяких разделений. Подобное общество спутников уже учит тому, что нас ожидает нечто, совершенно противоположное латинским приспособленцам, влияние которых рассчитано именно на определенный народ, сословие, партию. А здесь, как видите, **“все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались, как прах на летних гумнах”** (Дан. 2:35); — так исчезло всякое разделение между различными положениями людей и поистине единое стадо спешит к служителю единого Пастыря. Как же удалось ему такое превращение, для которого казались бессильными мудрейшие из повелителей совести и сердец?

Ксендз так устраивает свой быт и вырабатывает себе такое обращение, чтобы с самого первого впечатления очаровать своего собеседника. Напротив, наши духовные руководители всего менее заботятся о создании для себя подобной обстановки и подобного обращения. Если вам попадались восторженные рассказы их почитателей о первой встрече с ними, то в огромном большинстве их вы найдете повествования о том, с какими препятствиями рассказчик добирался до монастыря, с каким трудом добился и дождался очереди для уединенной беседы со старцем и наконец, с каким разочарованием вместо ожидаемой благолепной красоты, встретил невзрачного и невнушительного по речам старичка, поразившего его простотою своего приема почти также неприятно, как некогда пророк Елисей вельможного Неемана.

Если вы далее станете читать подобные рассказы или сами доберетесь до жилища старца, то увидите, что его беззаботное отношение к первому впечатлению на посетителей происходит вследствие совершенной переполненности его жизни внутренним аскетическим и внешним, пастырским содержанием: к нему обращается столько народу, что ему не до приемов и не до импонирования, столь чуждых ему и по самому их существу. Он не ищет расширения своей деятельности, но еле-еле успевает освоиться с тем количеством дел, которые на нем висят.

В чем же заключается та духовная мощь, которая влечет к нему сердца? Во внешней ли удобопримяемости ко всем нуждам людей? Вовсе нет. Правда, если вы пришли к старцу с определенным запросом, горем или сомнением по поводу не вполне выяснившегося жизненного плана, то вам, конечно, ответят на ваш ближайший вопрос; но та духовная сила, которая войдет в вас, просветит и примирит с жизнью, будет заключаться не столько в самом содержании ответа, сколько в том обстоятельстве, что светящаяся в облике и речи душа старца перельет и в вашу душу совершенно новое, дотоле вам неведомое содержание. Пришелец ощутит близость к нам Бога и Христа Спасителя, сладость служения Ему и к этим началам всего сильнее начнет тяготеть его дух. Волновавшие его сомнения сами собой представятся ему смешными, оплакиваемая новая потеря растворится блаженным утешением, одним словом он получит Христа в свое сердце, — и вместе с тем разрешение всяких затруднений, подобно Закхею, который сам собою понял, что надлежало ему сделать по принятии Господа под свою сень. И замечательно то, что в беседах с нашими старцами — монахами или иереями, подобное настроение испытывали не только все приходившие к ним с желанием каяться и назидаться, все и знатные, и простолудины: но мало верующие, которые являлись к ним больше ради их искушения, нежели ради научения, — если только им было бы свойственно хотя бы малое стремление к добру и искание правды.

Откуда же стяжали себе подобную широту и терпимость эти старцы, знающие разве Библию и несколько отеческих творений? Как объяснить, что с ними находили общую почву такие не церковные мыслители, как Л. Н. Толстой, — что их изречения приводятся в сочинениях и других публицистов философского направления, не признающих, подобно первому, никакого научного и нравственного значения за нашей учебно-богословской литературой?

Неужели о. Иоанн Кронштадтский или о. Амвросий знают все блуждания современной мысли и жизни, или сами они обладают своего рода философским камнем духовного врачевания? Да, именно последние слова — “духовное врачевание” и определяют ту силу, которой они превосходят книжную ученость: прежде всего они содержание всей нашей св. Веры вслед за отцами своими — лучшими ее истолкователями — изучали именно со стороны того духовного врачевания наших немощей и грехов, со стороны того назначения, которое истины Откровения и все слова св. Библии и церковные постановления имеют в происходящей у каждого из нас борьбы добра и зла — воссоздании в нас нового человека. “Для сего рождение и Дева, для сего ясли и Вифлеем,” как говорит св. Григорий Богослов, объясняя истину нашего искупления. В этом целостном разумении св. Веры нашей первое преимущество наших учителей перед инославными.

Познав при свете учения церковного по опыту собственной борьбы законы нашей нравственной природы православные учителя добродетели тем самым легко могут определить и нравственное состояние своего собеседника, хотя бы и не зная тех отвлеченностей, которые вводят душу его в помыслы сомнения? За то учитель сразу покажет тебе, какие именно греховные стремления твоей собственной воли прилепляют душу твою к сомнениям, делают безутешною в горе, лишают надежды, повергают в гневливость. К этому часто присоединяется в беседе старца и немудреное, но замечательно здоровое и сильное замечание, разбивающее хитро сплетенные возражения против истин веры, и, конечно, если б к ясному, чистому уму присоединялась бы и ученость, по крайней мере в таких размерах, чтобы располагать философскою речью, то победа их над сомнениями первых двух-трех пришельцев привлекла бы к дверям их кельи и целые толпы сомневаю-

щихся русских людей, как известно, в зрелом возрасте, всегда возвращающихся к исканию веры, но уже живой и сознательной. Они бы не ошиблись в своем стремлении к этим дверям, ибо нашли бы в той келье главное, чего не доставало для прояснения их ума, нашли бы в себе самих давно утраченную и не воссоздаемую путем чтения способность быть искренним пред самим собою, вернуть доверие голосу собственной совести и разума, различать, что говорит мне последний и что внушается со стороны упрямого и нередко беспричинного озлобления против жизни, людей и Бога. Мы сказали, что средством к разъяснению людям их заблуждений служит у старцев знание природы человеческой и духовного врачевания с помощью св. веры: но этого было бы достаточно для пришельцев, исполненных уже покаяния и искреннего самоосуждения, а для тех, особенно из полу верующего общества, которые еще нуждаются в усвоении такой настроенности, указанных средств мало. Но у наших старцев и лучших пастырей есть еще средство, некая благодатная способность того “усвоения” себе, своему сердцу каждого ближнего, которое дается пастырю, достигшему высшего дара христианской любви и делает его подобным Пастыреначальнику, о Котором сказал пророк и затем евангелист: **“Он взял на Себя наши немощи и понес болезни”** (Мф. 8:17). В силу этого благодатного усвоения каждая душа, болящая грехами или унынием, или неверием, чувствует, что она не чужая для учителя, что дух его с любовью и состраданием объемлет ее и как бы сообщает ей собственную жизнь, свои собственные силы, даже не собственные личные, а некоторые высшие ему присущие, и уже не словами, а непосредственно передаваемыми ощущениями говорит: **“умолю вас, подражайте мне, как я Христу”** (1 Кор. 4:16). Ощущения эти подобны тем, которые испытывает изнемогающий путник, когда встретивший его бодрый силач возьмет его под руку и дружески начнет побуждать к окончанию пути, указывая на виднеющееся вдали теплое пристанище. — Нужды нет, что церковный, по-видимому, столь замкнутый в известных формах, дух старца привлекает к себе душу еще не очищенную, т.е. или лютого грешника, или неверующего, или воспитанного совершенно в иных понятиях, нежели его новый руководитель: старец получил дар добираться в каждом “до человека,” относиться к нему помимо всех личин сословности и разных условностей и усвоенных в жизни заблуждений, но прямо к его “внутреннему человеку,” которого этот прежде и сам в себе, пожалуй, не знал, а ныне вдруг почувствовал под усладительным влиянием святой и сострадательной любви, которая сияла в очах и речах, например, Серафима Саровского, тем сильнее, чем более тяжкий грешник к нему приходил. Конечно, этот духовный подъем, который обнаружился в грешнике или в отрицателе, еще не есть его полное обращение, но он возвратил ему теперь полную возможность последнего. О, конечно, он теперь найдет возможность и греховную свою жизненную обстановку переменить на другую, более соответствующую подвигу исправления, — и свои сомнения принести на суд здравой мысли и науки, поискав соответственные книги или живых учителей истины, которых прежде он предубежденно избегал.

Но вы требуете полной святости от пастыря для его успешного делания? — спросит меня читатель. Для полного успеха, конечно, необходима святость, почему во всех неуспехах пастырь должен не уклоняться от самоукорения своей духовной неполноты. Но скажем, что еще на самом пути к святости, для пастырей, еще не вполне совершенных, отчасти возможно “усвоение” себе душ своих духовных чад. Именно в “усвоении” заключается сущность пастырства. Мы видим, что действенность наших лучших пастырей обуславливается тремя началами и направляет мысль на четвертое. Начала эти:

- 1) знание Божественного учения и установлений церковных не в сухо догматическом изложении, но со стороны духовного врачевания, в них содержащегося,
- 2) знание человека в его борьбе между добром и злом,
- 3) способность к сострадательной любви.
- 4) Если к этому присоединилось: знание человеческих заблуждений общественных и ложно-научных, т.е. знание жизни и науки опять же не только со стороны фактической, но именно со стороны их заманчивости для современных характеров, а равно и их влияния на нравственную жизнь человека, — то мы получим образ совершенного пастыря.

Из этих четырех начал, необходимых для пастырского совершенства, ближайшее значение собственно для пастырского применения или “усвоения,” как **внешнего обнаружения** духа пастырского, имеют конечно второе и четвертое, хотя оно и невозможно без первого и третьего, но этими последними началами определяется прежде всего **внутренняя жизнь** пастыря. О них скажем только то, на этот раз, что пренебрежительное забвение этих начал в современных курсах Пастырского Богословия, сказавшееся в совершенном опущении целого отдела науки, т.е. “**Пастырской Аскетике**,” достойно искреннейшего сожаления, и притом особенно в настоящее время, когда есть к тому прекрасные руководства преосв. Феофана, преподававшего Аскетикку в Духовной Академии. И если некоторые авторы по Пастырскому Богословию оправдывают свое опущение тем, что “нравственные свойства пастыря” излагались у нас без специального приложения к пастырям, и применимы ко всякому христианину, то это можно отнести лишь к недостаткам прежних курсов, а не к излишеству самого предмета. Задача Аскетики не столь в раскрытии христианского совершенства и христианских обязанностей сколько в указании пути к их постепенному достижению. Для пастыря всякая хорошая Аскетика, даже обще христианская, имеет двоякое значение: во-первых, она научит его, как стяжать в себе дар этой благодатной всеобъемлющей любви к людям, которая не дается ему без нарочитых к тому духовных упражнений; во-вторых, она поможет ему раскрывать само учение христианское с той, нужной для пастыря точки зрения, с которой она не раскрывается в богословских учебных пособиях, с точки зрения духовно-врачебной силы, содержимых Церковью истин и установлений. Вот почему известный Никодим Святогорец, издавая аскетическую книгу учителей 6-го века Иоанна и Варсонофия, писал в предисловии, что читать ее необходимо для руководства Архиереям, Игуменам и Иереям, ради врачевания душ.

Но представим себе, что пастырь имеет и знание Божественного закона и христианскую любовь к людям: как теперь ему научиться, во-первых, распознаванию людей со стороны происходящей в них духовной борьбы, а, во-вторых, в чем должно заключаться его освоение с жизнью и мыслью современного ему общества или порученного прихода, дабы он знал, какие именно начала должен он восполнять или заменять благодатными христианскими врачеваниями. В этом-то ближайшем образом будет заключаться то истинно пастырское применение или усвоение, которое ставил себе в заслугу св. Апостол Павел. Как научиться познавать человека, где путь к тому глубокому и непосредственному прозрению во внутренний мир, которое стяжали духовные старцы? Конечно, главное условие сего дара — **любовь**, достигаемая внутреннею духовною жизнью, о которой мы теперь не будем говорить. “Любовь сыщет слова, коими может созидать ближнего. Она представит способ и ум, и язык твой направит и дело сие не требует красных речей, единого напоминания требует.” Этим изречением св. Тихона Задонского (II, 319) подтверждаются наши

слова о том преимуществе в деле пастырского усвоения, которое получают учителя, достигшие дара благодатной любви, но мы постараемся указать и некоторые прямые способы обучения духовному прозрению, которые доступны пастырям, еще только начинающим духовную жизнь.

— Первым условием такого обучения является все-таки внутреннее делание — внимание к себе, т.е. внимательная оценка своих движений и помыслов, постоянное прозрение в себе самом борьбы двух начал — доброго и злого, по большей части укрывающегося за добрыми же намерениями, но на самом деле наполняющего душу похотью или гордостью. Имея всегда пред очами совести своей собственный внутренний мир, пастырь церкви, по аналогии с ними, быстро начинает осваиваться с борьбой, происходящей в душах, ему вверенных. Более широкое проникновение в эту область даст ему исповедь, если он имеет возможность и желание совершать ее не торопясь. Тогда он будет раскрывать своими вопросами не отдельные падения своих духовных чад, но именно эту их внутреннюю борьбу, постепенное зарождение в них помыслов и страстей, свойства их жизненных интересов и стремлений, и, конечно, только таким образом получить возможность давать им по руководству Отцов полезные советы, на что он будет вовсе не способен, если ограничится только выслушиванием их грехопадений, как это, к сожалению, обыкновенно бывает. Неправда ли, что гораздо легче дать совет, добившись посредством вопросов, какова главная внутренняя страсть грешника, нежели узнав, сколько раз он поссорился, солгал, отказал в милости и пр.? После такого сухого перечисления едва ли какой-либо духовник и решится дать совет, а если его попросят, то разве скажет что-нибудь наобум, приказав например, читать ежедневно ту молитву, которая сейчас случайно пришла ему на память. Во всяком случае, пастырь указанным способом исповеди приобретает познания в духовных болезнях человека. От него зависит большую часть своих бесед с прихожанами делать распространением беседы исповедальной. Наши русские христиане, если только надеются встретить в пастыре духовного врача и советника, то с полной готовностью будут сами направлять все свои беседы с ним на предметы духовной жизни. Напротив они очень тяготеют теми священниками, которые по незнанию условий общественной жизни, стараются показаться пред мирянами знатоками светскости и торопятся засыпать их доказательствами своей разносторонности. Говорунов на светские темы светские люди встречают достаточно среди своих, а редко видимый ими священник доставит им гораздо больше утешения, если представит себя своему прихожанину, как участливый руководитель его духовной жизни. Одним словом, поприще для изучения последней всегда открыто русскому пастырю; было бы у него желание ее изучать.

Достигнув возможной для живущего среди мирской суеты пастыря нравственной чуткости, по которой он может определить по крайней мере основные черты характера каждого человека, священник лишь в том случае будет в состоянии пользоваться этим даром для спасения душ, если будет ставить свою собственную душу и свою беседу в определенное отношение к разным сторонам в душе ближнего, т.е. вызывать к жизни его нового человека и побороть с ним ветхого. Представим себе столь обычный в русской жизни тип доброго, искреннего юноши с горячим сочувствием к добру, но бесхарактерного и страстного. Окружающая его жизнь, направляемая лишь к исканию каждым выгоды и удовольствий, затягивает его в пучину страстей и беспечности; но вот он встречает пастыря, ясно прозревающего его немудрую психологию, со скорбью вззирающего на его беспечную личность и падение и с сердечным сострадательным сочувствием желающего сохранить и возжечь едва уже мерцающий в нем огонек высших, святых стремлений; для

сей цели пастырь предлагает ему участие в приходской благотворительности, в школе и т.п. простом смиренном, но святом деле. Юноша сразу откликается на призыв и дотолер меркнувшие, святые упования возвращаются к жизни и развитию. Вероятно, однако, что эта прививка деятельного добра не избавит его сразу от дальнейших падений, но внутренняя борьба обострится, а священник будет с того времени ему представляться как ангел-хранитель, как всегдашняя нравственная опора и утешитель.

Когда подобное же отношение к пастырю усвоят все сыны его прихода, так что он будет на самом деле, а не по званию только, представлять собою воинствующую церковь, — то задача истинно-пастырского применения исполнена. Нелегкая задача, но нам пришлось видеть ее осуществление и законоучителями и духовниками заведений благотворительных и приходскими пастырями; все они несвободны от врагов и лжебратьев, но и в их жизненной общественной борьбе, и во внутренней личной борьбе каждого прихожанина эти пастыри занимали место как бы второй совести: к ним шли за советами, их слова ждали в горе, на их слова опирались в борьбе.

Доселе мы говорили о людях непредубеденных против религии и церкви, а много ведь предубежденных, у которых жизнь осложнена заблуждениями и вместо истинных христианских понятий их разумом владеет толстовщина или позитивизм, или иное увлечение, а православия они даже не знают и знать не хотят. Вот здесь-то и нужно пастырю вникать в эти лжеучения и смотреть, какие именно оболещения увлекли неразумное сердце христианина. Почти всегда подобное увлечение не было лишено какого-нибудь призрака добра, который в принятом им лжеучении; как многие толстовцы готовы были думать, что их “учитель” впервые сказал о святости и высоте девства, что только от Некрасова появилась у людей образованных любовь к простолюдинам, что Церковь учит ненависти ко всем народам, кроме соотечественников и т.п. При внимательном взгляде на вещи, можно заметить, что в России самое-то принятое лжеучение выросло и приобретало известную силу всегда на подобном же недоразумении и, монополизировав себе какое-нибудь доброе начало, тем привлекало к себе неутвержденные в христианском разумении сердца. Только самозванцы могли создавать в России народные восстания; так и восстания мысли созидались всегда у нас на обмане. Чтобы снова вернуть заблудших к истине, нужно конечно показать им, что **добро**, искомое ими на стороне, гораздо обильнее, светлее и чище **сияет в венце Церкви**. Нужно с полной научной и задушевной убедительностью применить к заблуждающимся краткое творение Св. Тихона: “Христос грешную душу к Себе призывает.” В этом творении Святителя Господь представлен упрекающим человека за то, что он забыл, оставил Его и возлюбил мир, — и объясняющим падшему, что у Него только имеются в полноте и совершенной красоте те сокровища, за тщетным разысканием которых человек бросился в житейское море: искал ли он богатства, красоты, славы — все это во Христе только обретается, и притом, очищенное от греха и соединенных с ним внутренних мучений.

— Задача современных просвещенных пастырей миссионеров, а особенно писателей, нарочито занимающихся апологетикой и духовной публицистикой заключается именно в том, чтобы не ограничиваясь внутренней критикой лжеучения или раскрытием содержащихся в нем противоречий и ошибок, указать и тот положительный магнит, который привлекает к нему добрые, но нерассудительные сердца и затем раскрыть эту привлекательную идею в том лучшем совершеннейшем виде, который он приобретает в учении христианском, например, сравнить сухую любовь толстовщины, выражающуюся в вещественной и трудовой помощи ближнему, с любовью христианской не устранивающейся и от подоб-

ных же обнаружений, но имеющей высшею целью общее духовное совершенство (— “да все едино будут в Боге” Иоан. 17 гл). и выражающуюся не в деятельности только, но в живом, нежном чувстве ко всем без исключения людям. Такой полемист будет достойным учеником божественного Павла, проповедовавшего афинянам того самого Неведомого Бога, Которому они не зная поклонялись, но в совершеннейшем христианском представлении. Вы спросите, как же сумеет пастырь церкви уловить привлекательную силу лжеучения, когда оболыщенные этим учением от пастыря удаляются? Ему здесь поможет то самое, что помогло и Апостолу Павлу приблизить истинное учение о Боге к потемненно-му сознанию афинян — народная словесность, народное творчество, называвшее еще тогда людей родом Божьим (Деян. 17:28). Такое же значение имеет и русская изящная словесность для светского общества и юношества: в их настоящем положении она заменяет им и мораль и философию. Изучая литературу нашу, пастырь будет как бы введен в самую сердцевину русской общественности и нравственной жизни: он по ней увидит, какими именно нравственными побуждениями русские люди вовлекаются в те или другие направления мысли и жизни; поняв же это, он, при ясности и широте собственного христианского мировоззрения, уже без труда может показывать его нравственное превосходство перед всеми заблуждениями и таким образом явится для заблудших прежде всего занимательным, далее — близким, наконец — полезным, утешительным и просветительным собеседником. Тут-то он и будет для подзаконных, как подзаконный, и для не подзаконных — не подзаконным, подобно Верховному Апостолу.

Обращенные им к истине слушатели и собеседники будут обращены не случайно, не через вторичное недоразумение, как у католиков с их угождением вкусам, но именно через утоление их духовной жажды, о которой сказал Господь применительно к своему учению: **“кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня , у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой”** (Иоан. 7:37-38).

Старые люди говорили мне, что знаток святоотеческой литературы А. С. Хомяков, когда его знакомые, увлекавшиеся разными последними словами западной гуманности, приносили ему иностранные книги с высокими идеями, всегда умел находить у Отцов Церкви те же мысли, но в еще более светлом раскрытии, и победоносно противопоставлял их своим собеседникам. Вот истинное применение христианства, вот какого глубокого разума веры и сочувственно-сострадательного понимания мысли и жизни должны достигнуть пастыри православной Церкви, чтобы осуществить ее цели на земле и, осуждая католиков за применение неискренних и лживых средств, самим не остаться осужденными за безучастие к духовным нуждам паствы.

О Пастырском призвании.

Как часто мы слышим от семинаристов и академиков следующие речи: “я не собираюсь идти в священники, потому что у меня нет **пастырского призвания**.” По-видимому, говорящие так могут оправдывать себя с полным удобством ссылкой на св. Отцов, а также и на современных учителей пастырства, православных и инославных. Действительно, из всех предметов Пастырского богословия едва ли не наиболее подробные и убедительные разъяснения св. Отцы посвящали учению о пастырском призвании и при том преимущественно с этой отрицательной стороны. Не они ли писали о том: “Кто не должен приступать к пастырскому служению, а тем более принимать на себя начальственное в этом

управление?” Так обозначена 11 глава “Правила Пастырского” св. Григория Двоеслова. О том же писали и св. Иоанн Златоуст в книгах “О священстве,” и св. Амвросий Медиоланский в книге “О должностях,” и св. Григорий Богослов в своих Словах и стихотворениях, и др. св. отцы. Любят говорить о пастырском призвании и современные богословы, и светские люди, при чем само понятие призвания определяется различно; впрочем, почти все они сходятся в том, чтобы наиболее достоверным признаком последнего считать **желание** богословски образованного искателя священства носить это звание и любовь к последнему. Естественно, что и такого рода суждения могут служить достаточным основанием в глазах воспитанника духовной школы не только к оправданию своего уклонения от священства, но и к нежеланию слушать какие-либо доводы в пользу иного направления его воли, хотя бы в виду тех напряженных нужд в добрых пастырях, которые ныне с такой силой сказываются в русском народе и обществе. “Оставьте меня в покое,” — скажет он: “ведь я прямо погрешу, если, не имея призвания, т.е. сердечного желания быть священником, все-таки решусь искать священства, хотя бы ради духовного сострадания к родному краю и народу. Лучше ли сделали мои старшие братья, поступившие в священники без призвания и теперь справедливо оправдывающие этим единичным грехом свое нерадение к делу и возникающий отсюда вред для прихожан и вообще для Церкви?” Действительно, подобного рода самооправдание можно слышать нередко. “Ведь я пошел в священники по нужде, без призвания, а потому не считаю себя виноватым в своем равнодушии к молитве и учению.” Отсюда ясно, что в принятом понимании отеческих слов кроется какое-то недоразумение, — иначе пришлось бы считать св. отцов виновниками двух печальных явлений церковной жизни — уклонения от пастырского звания и небрежного отношения к принятому сану.

Подобные недоразумения, впрочем, имели место и во времена самих отцов, сопровождаясь тоже печальными последствиями, хотя и противоположного характера: тогда искатели священства обольщались словами Библии, применяя их к себе без внимания к переменившимся условиям. Но стараясь о стяжании пастырского духа, они оправдывали свое стремление к священной власти словами апостола: **еще кто епископства хочет: добра дела желает** (1 Тим. 3:1). Таковым св. Григорий Двоеслов отвечает: “апостол говорил в то еще время, когда каждый представитель Церкви своей первый делался жертвою мучителей. Значит, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что с ним соединялась и явная опасность подвергнуться тягчайшим страданиям” (гл. 8). “Но так как теперь, при содействии Божьем,” говорит он в 1-ой главе: “всякая уже власть нынешнего века преклоняется под иго веры, то вот и находятся люди, которые в самой Церкви святой, под видом управления ею, домогаются суетной славы и почестей.” Домогание это и связанные с ним предостережения св. Отцов имели место со времени торжества христианства и до введения в России Петрова преобразования, а в прочих православных странах — до освобождения от турецкого ига и введения европейской образованности и конституции. Напротив, в настоящее время те, которым принадлежит выбор между служением пастырским или гражданскою службою, кажутся, находятся в условиях, более близких ко времени Тимофея, нежели Григория, и потому не слова последнего, но Павловы должны они применять к себе: кто желает священства, доброго дела желает, а кто не желает священства, от доброго отказывается. Насколько эти условия далеки от тех, которые имелись в виду учителями IV или VI века, это выяснится пред нами со всей силой, если мы вспомним, что они имели в виду всех христиан мужского пола в качестве возможных искателей священства, а мы только питомцев духовной школы, помимо которых Церковь ни откуда

не получает пастырей, за немногими допускаемыми исключениями. Питомцы духовной школы могли бы применять к себе рассуждение о нравственных качествах пастыря, но не при окончании в ней своего учения, а перед решением поступить в церковный питомник, из которого Церковь берет себе пастырей. Правда, окончивая курс на 21-м году жизни, они не могут перенести свой выбор на шесть лет раньше, чем совершают его ныне, но так как обязательства перед Церковью и народом остаются все же во всей силе, то не лучше ли вопрос о принятии или отвержении пастырского жребия переменить на другой — **о созидании в себе того настроения духа и вообще тех качеств**, которые требуются Церковью от принимающего священный сан. К принятию сего сана **призваны** самою жизнью, самим Помыслом Божиим все питомцы духовной школы, ибо каждый из них не только взял себе те полномочия, которые требуются церковной властью от кандидатов священства, но и вытеснил собою из семинарии другого, быть может достойнейшего претендента. И если все это у нас мало сознается, то единственно по равнодушию к нуждам Церкви; но чтобы быть убедительнее, разберем принятую точку зрения на “призвание.”

Что это за призвание, которого будто бы лишены сами призванные?

Признаки призвания к пастырскому служению указывают двоякого рода: 1) объективные, лежащие в условиях внешней действительности, 2) субъективные, имеющие основание во внутренней жизни призываемого к священству. Главный и существенный из внешних признаков — избрание Церковью. О нем и спорить нечего — этот признак показан верно. Под вторыми признаками подразумевается внутреннее влечение юноши к священническому званию. Думаем, что эти внутренние признаки явились в нашем богословии извне. Так прежде всего, что касается до того ощущаемого в сердце человека голоса Божия, о котором любят говорить католические богословы, то нам кажется, что в большинстве случаев, если не всегда, этот голос есть не что иное, как плод самообольщения. Богословы утверждают, будто каждый кандидат священства должен услышать его, но мы думаем, что этот голос может ощущать только тот кандидат, который предуказан Церковью. Самооценка, самочувствие готовящегося к священству должны иметь ничтожное значение. Нельзя считать способным к священству молодого человека только потому, что у него есть желание быть непременно священником. Многие с малолетства чувствуют в себе “призвание” и жаждут священства, но часто оказываются самообольщенными мечтателями, прельщающимися внешней красотой, величием и важностью христианского богослужения. Но если даже некоторые решаются принять на себя пастырские обязанности с более серьезной, по-видимому, целью — влиять на души своих будущих пасомых, то и это не есть еще ручательство достойного пастырского служения. Человеческое самолюбие может выражаться в разнообразных видах: грубых и тонких; людям с тонким развитием могут доставлять удовольствие те нравственные преимущества, которые связаны с именем пастыря. Их может прельщать, например, право давать советы, поучать, исповедовать и т.д. Подобного рода явления можно наблюдать среди юношей и, конечно, они менее всего ручаются за духовную пользу их пастырской деятельности, хотя желание принять священный сан было в них непоколебимо. Напротив, если это желание имеет характер бескорыстный и при том, как это часто бывает, безотчетный, то оно редко бывает постоянным и устойчивым; человек, прислушивающийся к собственному настроению, колеблется, считает себя то достойным, то недостойным высокого служения, как это видно из известных “Писем” Стурдзы. — В последнее время мы встречаем иного рода типы с сознательными стремлениями к священству, считающие себя потому безусловно “призванными” — быть проповедниками просвещения среди своих пасомых. Пример подобного

рода пастырей представлен в повести Потапенко “На действительной службе.” Подобный же тип показан и в “Миражах” Забытого. О нем разумеется и говорить не стоит, а можно только возмущаться.

Не много надежнее и тот тип кандидата священства, который мечтает о пользах церковно-административного характера, ставя на второе место намерение духовного врачевания душ ближних и своей собственной. Правда, мечтания о преобразованиях увлекательны, но едва ли могут быть ручательством того, что их носитель останется добрым пастырем, а не разовьется в праздного человека, вносящего только путаницу в духовную жизнь. Св. Григорий Двоеслов сказал о таких людях, что особенно ненадежны те, которые жаждут иерейских повышений для того, чтобы “приносить пользу”; их, говорит он, нужно спросить: приносили ли они пользу в своем прежнем скромном положении?

Вообще, кто основывает свою решимость принимать или не принимать священный сан, опираясь на оценку различных качеств своей души, тот поступает неправильно, и намерение приносить пользу в указанном выше смысле не имеет существенного значения. Да и сам прием и привычка современных людей до тонкости изучать самих себя, щупать беспрестанно пульс каждому своему ощущению, говорит о слабых характерности, нерешительности действий, неспособности господствовать над своими настроениями. “Не чувствую призвания,” “недостойн” — в словах этих заключается противоречие заповеди послушания и смиренномудрия. Если бы ты сказал: “чувствую призвание,” “достойн.” То ты — неспособный и недостойный гордец. Суждение о твоём достоинстве и недостойнстве принадлежит Церкви. Твое дело созидать в себе настроение, соответствующее твоему будущему служению, к коему ты призван Церковью. Если ты маловерный лжец и т.п., то исправься, поработай над собой, очисти себя, и с этого начнется твоя христианская деятельность, которая не только в начале, но в своем продолжении и даже на высоте христианского подвига требует непрестанной борьбы и покаяния.

Таким образом, вопрос о принятии пастырского служения, предлагаемого Церковью, может быть отклонен духовными воспитанниками только в смысле временном, до большего укрепления себя в борьбе с самим собою. Да и все рассуждение **о пастырском призвании** должно быть смещено с той почвы, на которой оно стояло и заменено рассуждением **о пастырском приготовлении. Пастырское Богословие**, как наука о саморазвитии и самосовершенствовании пастыря должно поставить одну из важнейших своих задач научить своих учеников такому приготовлению; оно должно представить пастырское дело во всей его высоте и красоте, чтобы всякий, усердно изучающий эту науку, не мог не проникнуться сочувствием и любовью к пастырству и не мог не пожелать сам быть добрым пастырем.

Богословие наше должно разъяснять, что жизнь земная представляет море страданий, горя и слез. Время ли, место ли заниматься бездеятельным созерцанием наличных своих сил и способностей и уклоняться от служения ближнему под предлогом собственного несовершенства? Когда горит дом, то присутствующие, имеющие средства тушить пожар, не остаются праздными зрителями, не оправдывают праздность своим бессилием, неумением и проч., а по мере сил бросаются на помощь: так точно и молодые люди, призванные Церковью готовить себя к пастырскому служению, не должны оставаться равнодушными к духовным нуждам ближних. Единственное возражение, которое представляют против соznающих себя недостойными кандидатов священства, состоит в требовании самой Церкви того, чтобы посвящаемый был достоин, как это видно из произнесения над посвящаемым слова “аксиос.” Но нужно помнить, что это возгласение произносит отнюдь не сам по-

свящаемый, а Церковь. Удостоение это, конечно, не безусловное, а сравнительное, так как тот же самый посвящаемый именуется в молитве причащения недостойным.

Отрицая мысль о **личном** призвании Богом каждого кандидата священства **в смысле какого-то таинственного “голоса Божьего”** в его сердце, мы готовы все-таки признать, что существуют лица, наделенные Творцом исключительными свойствами, особенно ценными в пастырском служении. Бывают люди, которые могут равнодушно проходить мимо красоты природы, но не мимо горя и пороков человеческих. О них говорит с большим одушевлением св. Иоанн Златоуст в словах о священстве.

Менее известно следующее изречение преп. Симеона, Нового Богослова о таких избранных: “кто имеет такую любовь к Богу, что от одного слышания имени Христова тотчас возгорается любовью и источает слезы, а кроме сего плачет о ближних своих, и чужие согрешения вменяет как свои, и себя от души считает грешнее всех... и, зная немощь человеческого естества, уповает на благодать и на укрепление от нее и, будучи побуждаем горячностью той, от усердия решается на сие дело (т.е. принятие священства), отвергая всякий человеческий помысел и с готовностью рад положить самую душу свою ради единой заповеди Божьей и любви к ближним” (12 слово изд. 1869г.).

Это, так сказать, вожди народа по своему душевному строю, конечно, не в смысле государственном, а в смысле водворения любви и правды в сердцах людей и в своих собственных душах. Если бы человек, даже светский юноша, ощутил в себе такое настроение, то он должен бы посвятить себя духовному образованию и изучению пастырского служения. Но люди с таким природным дарованием чрезвычайно редки, при том же они не предохранены от самообольщения, если не будут работать над собою; так что и для них учение **о приготовлении** себя к священному званию сохраняет свое полное значение.

Приготовление к пастырскому званию.

Учение о пастырском призвании в настоящих условиях нужно заменить учением о пастырском приготовлении. Последнее можно начинать с различных степеней, соответственно естественной подготовленности кандидатов священства. Если взять в качестве примера великого пастыря церкви, бл. Августина, в первый период его жизни, то учение о пастырском приготовлении нужно бы начать с увещания к нравственному исправлению, с увещания оставить прежнюю греховную жизнь и начать жизнь новую. Это повело бы нас, конечно, слишком далеко, но во всяком случае должно признать, что начальная ступень в изложении данного предмета — вещь условная. Она может быть выше и ниже. Естественнее всего поведи речь о таком кандидате священства, который, получив богословское образование, сам желает быть священником и священником хорошим.

Важность предмета.

Важность учения о пастырском приготовлении для такого кандидата конечно понятна; ведь мы знаем, что священство в большинстве случаев принимается в молодые годы и что вполне безупречных и беспорочных людей нет. Даже если согласимся с тем возражением, будто истинно добрым пастырем может быть лишь тот юноша, который обогащен мистическим даром **призвания**, как бы некий пророк, и потому для него не нужны человеческие усилия для усовершенствования, то все же пред нами остается то громадное большинство обыкновенных смертных, призываемых Церковью к священству и желаю-

щих не быть наемниками, но не одаренных этим неопределенным вдохновением. Ужели же и им вступать в священное звание без предварительной работы над собой и при предполагаемой возражателями невозможности быть совершенными в пастырстве, оставаться вовсе неприготовленными? Конечно нет. И обыкновенный смертный может нечто прибавить к своим естественным силам и воспользоваться ими в избранном направлении.

Значение русского характера для пастырского звания.

Духовная природа русского человека имеет, кроме общечеловеческих, еще и некоторые частные черты, весьма благоприятствующие приготовлению к служению пастырскому. Каков центральный тип русского образованного юноши по указанию опыта и по изображению литературы? Это — молодой человек, ищущий нравственного обновления, с чуткой совестью, тяготящийся средою и своей испорченностью, стремящийся выйти из нее. Правда, в конце концов они оказываются большею частью неудачниками, но причиной этого является именно их беспочвенность. Молодые люди, хотя руководились благородными стремлениями, но увлеклись непрактичной фантазией и не имели для осуществления ее достаточных нравственных сил. Потому они и кончали так печально. Но если бы эти стремления к лучшей жизни подчинить правильному руководству, то можно бы развить из них высокие христианские качества, особенно важные для пастыря церкви. Главная черта пастырского духа — это сострадание к греховной немощи людей, скорбь о грешных людях и пламенное желание о приближении их и себя к Богу. Подобное свойство пастырского духа может выработаться в человеке из совокупности вышеуказанных черт русского характера, из его недовольства собою и мировой скорби, если их поставить в тесную связь с Церковью.

Задача Пастырского Богословия, как науки, — преподавать теорию этого пастырского аскетизма, т.е. средства направления внутренней жизни к созиданию в себе пастырских чувств к людям. Подвизаться в таком делании должен пастырь в продолжении всей своей жизни, как монах — в развитии качеств монашеских.

Средства для приготовления к пастырству.

Теоретические:

а) Чтение. В чем же должно состоять это руководство? Руководство к выработке пастырского духа есть двух родов: 1) теоретическое изучение законов духовной жизни через чтение и наблюдение и 2) деятельная работа над самим собою. Первейшим средством к пастырскому самообразованию прежде всего служит чтение Слова Божия, при котором особенное внимание нужно сосредоточить на уразумении борьбы добра со злом, излагаемой во всех книгах Св. Писания. Пастырь Церкви всю жизнь свою должен употребить на борьбу со злом и потому ему всего нужнее знать законы этой борьбы и средства для ее успешности. Все это он может почерпнуть из Слова Божия. Особенного его внимания с этой точки зрения заслуживает Евангелие Иоанна Богослова. Отличительный характер этого Евангелия, как и всех писаний Иоанновых, заключается в том, что в речах Христо-

· Таковы — Онегин, Печорин, Чацкий, Райский у Гончарова, Рудин у Тургенева и др.

вых, им содержимых, везде излагается борьба христианства с духом мира сего. О внутреннем же настроении пастыря в отношении к ближнему особенно сильно говорится во втором послании ап. Павла к Коринфянам и в толкованиях на него Св. Иоанна Златоуста. — Кроме чтения Слова Божия средством приготовления к пастырству служит чтение святоотеческих творений и между ними особенно творений Св. Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В творениях их точно также раскрываются законы борьбы добра со злом в жизни церковно-общественной.

Что касается до изучения той же борьбы в обстановке современных нам нравов, то пособием для этого может служить чтение изящной литературы, особенно русской. В ней очень много говорится о нравственной борьбе человека, о его падениях, о развитии порочных склонностей, наконец, о покаянии и возрождении; последнего рода картины написаны в достояние векам Достоевским.

б) Изучение жизни. Но одной книжной начитанности недостаточно, как средства для приготовления к пастырству. Правда, человек, усердно читающий Библию, сам собою делается философом и так или иначе обсуждает все явления жизни с точки зрения Божественного Промысла. Но пастырю Церкви необходимо изучать жизнь непосредственно, изучать ее явления со стороны их внутреннего содержания, лицом к лицу наблюдать жизнь, где она перестает тщательно скрывать свое содержание под личиной вежливости или практических забот. Для этого особенно важно посещать больных, присутствовать при умирающих (Письма о священстве Стурдзы). В этих случаях один день часто бывает для пастыря полезнее целых десятилетий книжного чтения. Полезно, хотя и очень тяжело, наблюдать душевнобольных. Вообще же, скажем словами Екклесиаста, для пастыря полезнее “ходить в дом плача, нежели в дом веселья.”

Раскрытие внутреннего содержания жизни, т.е. обнаружение религиозных чувств, наполняющих русского человека, и его нравственной борьбы можно наблюдать среди богомольцев наших религиозных центров. В этом отношении кандидату священства полезно жить в монастыре, наблюдать за его жизнью, за паломниками и т.п.

Кроме чтения и наблюдения, одним из лучших средств приготовления к пастырству служат беседы с добрыми пастырями и старцами, опытными в духовной жизни. Но все эти наблюдения будут полезны для кандидата священства только тогда, когда он будет сосредотачивать все свое внимание на внутреннем настроении людей. Без того же от наблюдений внешне бытового характера пользы будет мало. Известно, что лица (хоть напр., торговцы, коммерсанты), изъездившие чуть не всю вселенную, видевшие немало различных людей, так или иначе вступавшие с ними в сношения, обладают иногда немалым психологическим опытом. Но так как наблюдения их бывают большей частью односторонне-утилитарными, то и сердцеведами они оказываются лишь в некоторых явлениях общежития, напр., в угадывании человека скупого, щедрого и т.п.

в) Проповедь слова Божьего. К какого рода упражнениям — теоретически познавательному или внутреннему, должно отнести упражнение в проповедовании? К тому и другому. Оно может быть названо средством внутреннего приготовления, потому что проповедование есть борьба человека с самим собою, со своим самолюбием, застенчивостью и т.п. С другой стороны, проповедь тесно связана с теоретическим себе самому уяснением и разумением истин веры. Так как я считал себя несведущим, говорит приблизительно бл. Августин, то я удержал бы слово. Но так как Слово Божье, когда бывает внутри, то бывает сравнительно мало действенно, а будучи передаваемо другим, растет и для учащего, как

пять хлебов, когда их начали раздавать народу, то и я решаюсь делиться с тобою крохами своего раздумья. — В жизни современной, когда малочисленность пастырей требует от каждого великих даров учительства с первого же дня их священнослужения, это упражнение в проповедничестве является более необходимо, чем когда-либо.

Деятельные средства.

Переходим к средствам чисто внутреннего, деятельного приготовления к пастырству; таких средств два вида: а) выработка чисто индивидуальных черт христианских добродетелей, как то: нравственной чистоты, благочестия и т.п., и б) выработка тех черт духа, которые сказываются в отношении пастыря к ближним, основанных на любви и сострадании к ним. Должно различать эти две области духовного саморазвития. Бывают глубоко религиозные и благочестивые аскеты, но мало одаренные пастырским духом. Они смотрят на пастырское служение не как на духовное сочетание пастыря с паствой, а как на подвиг послушания, в смысле только исполнения известных обязанностей и правил без усвоения духа пастырского, а потому при всей ценности своих нравственных качеств, они являются для пасомых тяжелыми чиновниками. Прав был Златоуст, говоривший, что многие пустынножителю, достигшие высших созерцаний, могут оказаться совершенно жалкими и непригодными, когда ставятся на пастырское служение. Ныне, т.е. в жизни русской, подобные явления возможны еще гораздо скорее, потому что наше духовное подвижничество, хотя бы и мирянами проходимо, имеет склад чисто монашеский, монастырский, а монастырский склад современный несравненно уже и ниже древнего. Поэтому и всякий ревнитель благочестия, желающий возвысить свой дух к приятию полноты пастырских даров, не достигнет своей цели, если ограничится тем, чтобы отдать себя руководству современных книг по подвижничеству. При всех своих несомненных достоинствах они едва ли дадут ему все желаемое, а лишь одну его половину, т.е. укажут путь к чистоте, к богомыслию, но не к тому, чтобы душа его стала отзывчива на все духовные нужды ближнего, чтобы уподоблялась по духу ревности Ильи и Павла, — какова и должна быть душа истинного пастыря, — для этого в современном подвижничестве руководящих правил не преподается. Правда, их можно бы найти не только в Библии и у св. Отцов, учивших о христианском благочестии вообще, но даже и у учителей монашества, напр., у св. Василия Великого, рассуждавшего о монашестве, как о жизни созерцательной и вместе с тем как об общественном служении. Однако, к сожалению, правила св. Василия очень мало прививаются к русскому современному византийскому монашеству: их даже вовсе не позволяют читать новоначальным, хотя св. Василий и почитается учредителем и законодателем нашего восточного монашеского общежития. Из русских монахов-пастырей наиболее отзывчивые люди были до периода 60-х годов, по преимуществу Киевские монахи, более северных подходившие под воззрения святителя Василия Великого. В белом духовенстве дух пастырства воспитывается более в семейной жизни, или через непосредственное общение с прихожанами и добрыми людьми, нежели путем нарочитого духовного чтения.

Между тем, сознательное воспитание духа пастырского и прежде всего любви и отзывчивости к людям — дело весьма важное и в теоретической своей обработке настолько новое, насколько лично-аскетическое воспитание есть дело старое и известное для читателей духовных книг. Посему первого мы можем коснуться лишь в виде самых общих указаний.

а) Молитва. Прежде всего главным средством для стяжания какого бы то ни было духовного дара является молитва. Для пастыря православного молитва есть не только сред-

ство к получению духовных даров, но и цель его стремлений; сама молитва для него есть один из ценнейших даров. Православный пастырь путем долговременного подвига должен создать в себе молитвенную стихию, — способность возноситься к небу в загробный мир и быть там как бы своим человеком и это уже потому, что в противном случае он не окажется способным с вниманием и усердием исполнять все многосложные священнослужения и будет обманщиком, ремесленником, а не богомольцем.

б) Борьба с замкнутостью. Теперь нужно сказать о средствах, благодаря которым создается способность соединения с ближними, любовь и сострадание к ним. Эта способность может создаваться также только на попрании самолюбия и самозамкнутости в сношениях с людьми. Хотя бывают люди любвеобильные и открытые по природе, но редко, и это люди большею частью из святых семей. Обычным же смертным должно много работать над собою для развития этих качеств. Чтобы развить в себе искреннее участие к ближним, нужно прежде всего воспитать в себе убеждение в необходимости и возможности этого дара. Препятствием к нему служит ложный стыд и черствость; не легко при нынешнем развитии самолюбия и замкнутости раскрывать всегда таящиеся в неиспорченной юной душе зачатки сочувствия к ближним, и тем развивать и укреплять их, но все же подобную борьбу с ложным стыдом начать необходимо. Первые шаги такой работы над собою могут заключаться хотя бы в том, чтобы, по крайней мере, пользоваться подходящими случаями жизни, хотя, правда, и здесь нельзя обойтись без борьбы и усилий над собою. Случается, например, что ближние сами напрашиваются в тяжелые минуты на нашу откровенность и участие; случается, что сама жизнь тяжелыми картинами страданий или приближающейся к кому-либо из близких смерти, поневоле охватывает нас порывом участия к ближним. Должно по крайней мере в этих случаях не подавлять ложным стыдом сердечного участия к ближнему, но раскрывать его в словах и делах. Затем, уже менее труда будет постепенно расширять круг дел и слов любви и вместе с тем умножать в себе душевную **мягкость и открытость сердца**. Совершенствование в подобном направлении вскоре пойдет дальше и дальше, почти без всяких уже усилий со стороны человека, ибо душа, вкушающая сладость бескорыстной любви, уже сама будет искать случаев ее приложения.

Кроме того, и окружающие побуждают сострадательного человека укрепляться в избранном направлении. Все высоко ценят эти чувства любви и сострадания в наш век скудности искренних и задушевных людей. Нарочитая необходимость для пастыря искренности обуславливается еще тем, что без нее он неспособен будет быть проповедником, так как только искренность и сострадание к ближним сближают пастыря с его пасомыми настолько, что он начинает хорошо понимать их душевную жизнь и настроенность. Отсюда у него появляется способность угадать настроение слушателей, дать ответ на их душевные запросы, а особенно в этом и заключается отличное достоинство проповеди в отличии от учебного преподавания закона Божия.

Печальным последствием отсутствия у многих пастырей духа задушевности и искренности является разобщенность между нашим духовным и светским миром в области мысли. Когда происходит обмен мыслей между представителями того и др. мира, то причиной сухости отвлеченного номизма и схоластического содержания различных откликов духовной литературы на то или иное учение светских писателей бывает именно эта замкнутость, так сказать, застенчивость ума писателей духовных, а вовсе не действительное отсутствие у них искренних убеждений, как это думают их литературные противники.

Итак, чтобы быть истинным пастырем и нравственным руководителем, нужно предварительно раскрыть в себе путем указанных упражнений способность совершенно открыто и искренне входить в общение с ближними, отстранять от себя привычную застенчивость и замкнутость.

в) Исповедание религиозных убеждений. Второе свойство пастыря — постоянное и неуклонное исповедание истин христианской веры. Недостаточно только иметь известные убеждения, нужно быть **человеком идеи**. О постепенном созидании в себе такого качества надлежит сказать особенно подробно, потому что оно отсутствует в наших духовных питомцах, не смотря на многие их нравственные достоинства.

Как человек, пастырь Церкви не будет свободен от грехов и ошибок, и хотя миряне очень строго судят его за это, но они все-таки понимают, что иерей еще не ангел. Зато они совершенно неумолимы по отношению к тому священнику, ошибки и грехи которого представляются им не как слабость или падение воли, но как колебание его убеждений, как отступление сознательное. И, конечно, не только суд человеческий, на сей раз совершенно справедливый, но и суд собственной совести, и суд Божий требует от священника, чтобы он был прежде всего человеком идеи, чтобы ни на минуту не покидал того знамени христианской истины и добродетели, которое защищать он призван. Несомненно и то, что между молодыми людьми, готовящимися к принятию священного сана, можно встретить такие цельные души, которые во всяком месте и во всяком обществе говорят и ведут себя так, как свойственно проповеднику Евангелия, не отступая от своего исповедания ни перед кем. Но большинство из них подчиняется свойственной нашему веку условной точке зрения на все, подчиняющей ум и волю человека данной обстановке, обществу или моменту и оставляющей на его долю лишь разнообразные порывы и увлечения, а не твердые, непоколебимые устои.

Нравственная неустойчивость общества.

Никто не будет отрицать, что далеко не все стороны жизни и мысли нашего общества и даже нашей духовной школы проникнуты религиозным началом, как это было в первые века христианства. В настоящее время началами, господствующими в жизни всего общества, а также любого кружка бывают самые разнообразные явления. Человек, добровольно поддающийся общему течению, — а таких большинство — меняется по возрастам жизни, по временам календарного года, наконец, по часам дня. В воскресенье утром он — молящийся христианин, в послеобеденное время — светский сплетник, вечером в театре — непринужденный поклонник искусства, а после театра — нередко грубый циник и кощунник. В некоторых натурах, более цельных, это лишь падение, в прочих — прямое отступничество. Отступничество это более тонкое, нежели прямо выраженное пренебрежение к предметам веры, но равно лишаящее душу той внутренней устойчивости, которая, как увидим, не дается без предварительного закала духа в единстве исповедания.

В древних святоотеческих руководствах пастырям вы, может быть, не найдете подобных указаний и предостережений; но то время не знало современного колебания умов. Правда из проповедей Златоуста нам известны увлечения столичных жителей зрелищами в ущерб молитвословиям, но, повторяем, то было падение слабых сердец, а не отступничество. Тем не менее не только пастырь, но и каждый христианин того времени не решался сознательно отступить от исповедания истин христианской веры, или как-нибудь отказать от признания обязательности христианских заповедей, не решался считать догматы

за нечто только терпимое и вовсе не переносить упоминаний о некоторых добродетелях, напр., о смирении. Тогда шла речь о правильном разумении истин и о **выполнении** заповедей самым делом: а теперь хотя бы — о неуклонном, энергичном, благоговейном и возторженном их **признании**. Целые общества, особенно при соединении обоих полов в неслужебных, а светских или товарищеских собраниях, не будучи отрицателями и скептиками по профессии, прямо или подразумеваемо соглашались в отрицании или пренебрежении то самой христианской веры, то отдельных ее истин.

Вытекающая отсюда обязанность будущих пастырей.

Ввиду таких печальных колебаний одной из задач юноши готовящегося к священству, должно быть усвоение себе **исповеднической** настроенности. Мы не требуем, чтобы кандидат священства всегда выступал обличителем и заводил споры в таких случаях, когда говорят о разнице в учении Св. Писания с церковным (при скрытом выводе о ложности церковного), когда безоговорочно восхищаются гениальностью философа-атеиста, говорят о гуманности и превосходстве культуры, о том, что и не веруя в Бога, можно иметь все христианские добродетели, (что уже является бессмыслицей); с сознательным, но умолчанным соглашением о ненужности и ложности христианства. Все, что мы требуем от кандидата священства, это то, чтобы он не соглашался, не сливался, не объединялся с такими речами, с господствующим в данную минуту настроением общества. Хорошо, конечно, он сделает, если будет посылить вразумлять заблуждающихся, если выразит свое несогласие; но он будет не извинителен в том случае, если, как может случиться, он прямо станет под выброшенный флаг пренебрежения или полу неверия, если, забыв цель своей жизни, — хотя бы на один час перейдет в лагерь, враждебный Евангелию. Мы здесь не говорим о самом грехе отступничества, о том, что некогда Христос постыдится его перед Ангелами, мы не говорим о соблазне других и о “мельничном жернове,” который будет повешен его шее: мы только напоминаем ему, что, не закаляя своей души в постоянно-целостной преданности религии, он не сделает себя той нерушимой стеной, той скалой, разбивающей морские волны, какою должен быть пастырь в наше маловерное время, дабы мирянин, ищущий опоры, тонущий в сомнениях, хотя бы в ком-либо видел веру, а полный отрицатель — хотя бы в ком-либо увидел постыжение самого себе.

Проповедник-пастырь, согласно отеческим толкованиям, должен всецело относить к себе слова, сказанные к пророку: **“Ты препояшь чресла твои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе, не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их. И вот Я поставлю тебя ныне укрепленным городом, и железным столбом, и медною стеной на всей этой земле против царей Иуды, против князей его, против священников его, и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо я с тобою, говорит Господь, чтобы избавить тебя”** (Иер.1:17-19). Прибегать к Богу иногда — это очень легко: трудно — никогда не прибегать к Нему, но едва ли многим легче — всегда исповедывать Его неуклонно и во всем среди волнующегося маловерия и пренебрежения. Только созданная упражнениями устойчивость в искусительных обществах маловеров может удержать пастыря на высоте своего положения, чего не дает одна теоретическая убежденность. Одна убежденность слабее, чем заразительное отсутствие ее в окружающей толпе. Вспомним прекрасное изображение этой бессознательной заразительности окружающей ложью у Иеремии: **“Вы увидите в Вавилоне богов серебряных, золотых и деревянных, носимых на плечах, внушающих страх язычникам. Берегитесь же, чтоб и вам не сделаться подобными иноплеменникам, и**

чтобы страх пред ними не овладел и вами. Видя толпу спереди и сзади их, поклоняющуюся пред ними, скажите в уме: Тебе должно поклоняться, Владыко!” (Посл. Иер. 4-5).

Действительность противоположная этим обязанностям.

Вот это-то постоянство в исполнении первой заповеди десятизакония и должен в себе создать кандидат священства. Но увы, часто при искренней религиозности он не только не остается верен хотя бы принципиальному предпочтению пред всем веры и благочестия, — но с особенной тщательностью печется поаккуратнее пригнать себе тот духовный мундир, тот нравственный облик, который господствует в данном обществе. Он охотно будет поддакивать речам о превосходстве науки в смысле писания разных компилятивных монографий — пред апостольским служением, но даже с униженною благодарностью будет радоваться, если за священством признают право на существование в числе последних жребиев в жизни, если его уравниют хотя бы со службой в консистории или в хозяйственном управлении, где служат люди “образованные.” Недавно еще в одном столичном духовном журнале какой-то горький апологет священства умолял читателей приравнять это служение к прочим интеллигентным профессиям!!! Есть книжка священника Громачевского о задачах сельского духовенства, написанная с той же точки зрения. Здесь, впрочем, кроме интеллигентности рассудочной идет речь о культурности светской, усваивать которую наши богословы средней и высшей школы тоже охотно соглашаются до самого открытого ее предпочтения своим не религиозным только, но подчас и ученым задачам, — лишь только попадут в соответствующую среду. Недавно отпечатан рассказ в каком-то иллюстрированном журнале о студенте академии, попавшем на урок к пошлой и развратной барыне, но с благоговением преклонявшемся перед ее непринужденной светскостью и презиравшем перед нею себя со своей наукой.

Мудрено ли после этого, что наши пастыри, поступив в военное ведомство, нередко делают почти офицерами плохого пошиба, служащие в женских учебных заведениях уподобляются по манерам и взглядам типу классных дам, а законоучители высших учебных заведений нередко стараются отыскать в неоспоримой якобы материалистической космологии Дарвина хоть какой-нибудь свободный промежуток для включения туда хотя бы двух-трех, конечно, извращенных при этом, истин христианской веры. Конечно, не умственное сомнение, но нерешимость противостать с истиной в устах обществу и веку, т.е. миру, — вот причина этих грустных измен пастыря своему призванию, своему долгу.

Отступления общества от христианской нравственности.

Серьезность рассматриваемой задачи священника представится для нас еще яснее, когда мы вспомним, что жизнь — общественная, народная, товарищеская — не так часто восстает против истин веры, сколько подвергает сознательному изгнанию ту или другую **нравственную** обязанность, прямо даже осмеивает ее. А между тем выдержать преданность истине теоретической легче, нежели держаться неуклонного исповедания какой-либо добродетели. Не тем ли сильно мусульманство, и иудейство, и папизм, что своими обрядовыми постановлениями делает последователей своих непременно исповедниками и таким образом закаляет их в преданности своей религии. Книжники и фарисеи никогда не решались усомниться в бытии Божьем или в исполнении пророчеств, но Господь называл их сынами дьявола и чуждыми Отца (Иоан. 5:37), потому что они хотели творить похоти исконного человекоубийцы. Потому они и возненавидели Христа, не приняли Его,

что не искали славы, которая от Бога (Иоан.5:44), хотя и не изменяли верности Его имени. Они ненавидели Христово смирение, смеялись над ним, потому что были корыстолюбивы (Лук. 16:14), стали Его врагами, потому что ненавидели его добродетель. Напротив, псалмопевец с особенною силою прославляет того мужа, который ненавидит путь нечестивых (Пс.1), почитает себя противником кровожадных (Пс.138:19), ужасается при виде оставляющих закон Божий (Пс.118:53) и не забывает закона, когда сети нечестивых окружают его (ст. 61).

Последствия таких отступлений для пастыря.

Блажен, конечно, тот пастырь, который не только умом и волею поклоняется Христову закону, но и делом его исполняет: но велик соблазн и проклят путь того, кто отступает от самого исповедания заповедей, кто глумится над богомольностью, над обычаями Церкви, кто похвально пренебрежением к церковным правилам, выражает полшутя сочувствие циничной жестокости или пьяным подвигам беззаконников и т.п. Такое отступничество соблазнительнее маловерия, которое не для многих даже понятно, а между тем постоянный запрос самой жизни к той или другой нравственной оценке различных явлений является постоянным испытанием и искушением пастыря в верности исповедания заповедей. В семейной, исполненной столкновений и ссор жизни, в постоянных встречах с множеством разнообразнейшего люда, только тот пастырь не изменит себе в этом отношении, кто заранее старался созидать в себе гармоничную целостность настроения, благодаря которой его душа, как верный компас, всегда могла бы, если не заставить, то хотя бы указать всем на правильный путь в том или другом вопросе и явлении нравственной жизни. Эту-то целостность готовить должен кандидат священства, помня, что неверность в исповедании христианских добродетелей и заповедей отмщается человеку его природой строже, чем сомнение в истинах созерцательных. Осмеянное целомудрие, попранный сознательно и пред другими молитвенный восторг или оправданное в принципе самолюбие, оставляют на душе отступника дегтярные пятна и делают ее гораздо более дряблой в следовании пути Христову, нежели самые грехи, допущенные по слабости и покрываемые покаянием. Славянофилы наши справедливо почитают себя в праве называть русский народ богоносцем потому только, что народ сей никогда не назовет зло добром и не поклонится какой-либо нравственной грязи. Но по этой же логике подобного названия никак нельзя приложить к интеллигентному обществу, потому что оно, увлекаясь ветрами учения в верованиях догматических, в своих нравственных отклонениях старается прежде всего о том, чтобы их не только оправдать, но и представить чем-то похвальным. Крестьянин, согрешая, говорит: мы ослабели; и наоборот — весь строй жизни светской есть провозглашение законности и одобрения всякому пожеланию нашей злой природы. Апостол говорит: **“они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающий одобряют”** (Рим.1:32). Христианин, согрешив и каюсь, укоряет себя, и единственное утешение находит в мысли о том, что не сознательное ослушание воли Божьей, а лишь слабость собственной воли ввергла его в грех. Между тем современный быт проникнут и в речах и в самих манерах нескрываемым желанием показать свою полную независимость не только от дисциплинарных, но и от чисто нравственных требований святой веры. Зло нашего времени состоит в том, что люди при развитии самолюбия не только грешат, но говорят и ведут себя так, чтобы показывать всякому, что греха своего я не стыжусь, но его хвалю, горжусь им. Подчиняется ли подобному же раздвоению жизнь духовенства? Слава Богу, нет, по крайней мере, не часто. Пре-

красное изображение почти светского времяпрепровождения, но не изменяющего духу Христову, можно видеть в недавнем рассказе Потапенко — “Именины.” Священники с семьями пируют, шутят, некоторые даже допускают излишества, но ни вера, ни добродетель не сдвигаются никем со своих престолов ни разу. Напротив, как горько бывает видеть пастырей или кандидатов на это служение, стыдящихся перекреститься перед храмом, старающихся смягчить свое отличие от людей светских манжетами и воротничками, прямо или косвенно извиняющихся за свое священство в безрелигиозном круге и т.д. В пастырских руководствах говорят о необходимости создать себе церковную выправку, неоспоримо, что это важно и связано с внутренним содержанием пастыря. Но неумение или незнание, даже самое примитивное, во сто раз менее соблазнительно, чем сознательное пренебрежение своею задачей или стыд за христианские обязанности, особенно за пастырское смирение, столь ненавистное современному “культурному” человеку, создавшему себе кумир из чувства собственного достоинства. Трудно избавиться от таких грехов тому пастырю, который в студенческие годы с глупою беспечностью становился под любое нравственное, или точнее, — безнравственное знамя. В таких грехах бывают виновны кандидаты священства в тщетной надежде на то, что когда они станут священниками, то будут говорить и поступать иначе, забывая, что самый взгляд на священство, как на внешне принятую профессию, лишает посвящаемого того благодатного обновления, которое дается духу пастыря в дарах священства. Горькими, но, может быть, поздними слезами и воплями отплатит он за свои уклонения, когда впоследствии при всем желании неуклонно прославлять добродетель, душа его останется суха и черства, *яко земля безводная* (Пс. 142:6). Сознание внесет лишь диалектические доводы в пользу того, что зло предосудительно, а добродетель почтенна, но доводы эти никого не подвинут к добру.

Кто не со Мною, тот против Меня и кто не собирает со Мною, тот расточает (Лук. 11:23), — сказал Господь. Труден путь к Нему, невозможным и невероятным представляется тесное с Ним общение для того, кто много раз от Него отрекался. Именно к такому человеку относятся слова Апостола: **“невозможно отпавших опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божьего и ругаются Ему”** (Евр. 6:6). Конечно, Бог простит омытый раскаянием грех, но мысль та, что одно покаяние еще не возвратит человеку прежней духовной целостности, а восстанавливать ее придется многими трудами и долгими скорбями, как Мария Египетская. Апостолы, покинувшие Иисуса Христа, не могли долго поверить Его воскресению, а верные Мироносицы сразу признали Явившегося.

Последствие верности кандидата священства своему знамени.

Если уклонение от исповедания веры приводит будущего пастыря к таким печальным последствиям, то наоборот, — постоянная верность слову Истины сообщает ему неоценимое сокровище духовных благ. Постоянное следование одному знамени прежде всего создает в человеке христианине ту целостность нравственного характера, то гармоничное взаимное соглашение всех его сторон, по которой вы сразу можете узнать человека религиозного без фанатизма, без болезненной раздражительности или бездеятельного оцепенения, квиэтизма. Правила христианской добродетели и истин веры служат для него неизменным мерилем при оценке и явлений жизни, и произведений мысли, и самих людей. Но этого мало: постоянная привычка давать себе отчет в нравственной качественности всякого, воздвигаемого в общественной жизни знамени, развивает в нем чуткий вкус для иногда мгновенной оценки людей или явлений трудноопределимых или лицемерных.

“Думаю, — говорит греческий мудрец, — что не последняя часть мудрости заключается в том, чтобы распознавать, каков каждый человек.” Иисус сын Сирахов, советуя каждому по силе своей узнавать ближних его (9:19), научает судить о них по себе самому и рассуждать о всяком действии (31:17). Но начало этой духовной мудрости есть страх Божий, противопоставляемый всякому другому страху: “бойся Господа, и кроме Него не бойся никого.” Пока Ап. Петр не освободился от изменчивого страха, то не имел дара ясного познания вещей и отговаривал Спасителя от крестного подвига. Неутвержденные в вере Самаряне не понимали личности Симона волхва; но тот же Петр, просвещенный Духом Святым и исповедничеством, стал говорить ему: **“вижу тебя исполненным горькой желчи и в устах неправды”** (Деян. 8:23). Точнейшее изречение о связи между верностью и разумом духовным суть слова Господни: **“прежде всего возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая вас в синагоги и темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое. Будет же это вам для свидетельства. Итак, положите себе на сердце и не обдумывайте заранее, что отвечать; ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам”** (Лук. 21:12-15). Христианская совесть, поставленная в несколько раз высшей целью наших дел и слов, приобретает ту исключительную ясность и чуткость, которая при содействии Божественной благодати учит людей читать в сердцах, а в явлениях жизни, встречах или предприятиях — сейчас же усматривать пользу их или вред для спасения.

Как далеко должна простираться верность христианскому знамени в делах и в мыслях? Ответ: должно распространять религиозно-нравственную точку зрения на все области жизни и мысли, все сверять с истиной и благом. В этом состоит, может быть, главное условие приобретения пастырских дарований, условие к тому, чтобы христианин посвящая себя сему служению, не по имени только, но на самом деле был способен вещать как бы “уста Божия” — чтобы каждый вопрос христианской совести находил в нем верный и твердый ответ и совет. Наше малодушие уклоняется от такой постоянной верности слову истины, боясь прослыть фанатиком, узким, нетерпимым, ненавистным для всех человеком, но эти опасения напрасны. Ненавидят тех религиозных людей, которые вносят в свою религиозность какую-либо страсть, недоброжелательство, злобу и т.п., а тип истинного, любящего и неуклонно верного христианина есть тип наиболее любимый людьми, чем всякий иной. С другой стороны, Божественная истина так широка и всеобъемлюща, что ради нее ничто доброе в жизни не может быть отвергнуто или умалено. Верность истине и применение ее ко всем жизненным явлениям расширит в его уме самые религиозные понятия и создаст цельное и стройное религиозное мирозерцание.

Важность этих благих последствий от неуклонного следования знамени истины и гибельность последствий его изменников побудило нас поподробнее остановиться на раскрытии этих житейских истин, обыкновенно просматриваемых в курсах Пастырского Богословия.

Принятие священства.

Предназначившие себя к пастырскому служению молодые люди любят спрашивать о том, принимать ли священный сан тотчас по окончании духовного образования или же побыв несколько в звании светского человека. Мы не имеем ничего против последнего желания многих юношей: пусть юноша, только что выпущенный из стен учебного заведе-

ния приглядится к действительности, познакомится с живыми людьми, вообще с жизнью; пусть юноша приобретет некоторую жизненную опытность, которая ему пригодится в его будущем служении, предохранив его от многих ошибок. Но только желаем, чтобы это знакомство юноши с жизнью в звании светского человека продолжалось недолго, из опасения, чтобы не охладел его молодой пыл к ревностной пастырской деятельности, чтобы не исчезла у него обычная у юношей молодая жажда бескорыстной деятельности, чтобы не заглохло его еще неиспорченное чувство правды. Такого рода опасения внушаются тем обстоятельством, что годы жизни по выходу из школы для большинства бывает не годами развития нравственного, но упадка, лености к молитве, охлаждения к подвигам, потери целомудрия, развития корысти и вообще временем очерствения души. В виду всего этого для молодого человека, не отличающегося особенно силою воли, лучше принять священный сан без жизненной опытности, т.е. по окончании курса непосредственно, или через год, нежели с теми свойствами человека пожившего — чиновника, которые столь часто остаются на священнике неизгладимым пятном до самой смерти и делают из него вместо пастыря стада Христова просто переодетого бюрократа.

Переходим к описанию тех чувств и деяний, которые должны быть свойственны назначенному на священническое место кандидату.

Приготовление к принятию таинства священства должно состоять в благоговейном созерцании, в сердечном переживании величия, важности служения иерейского и той ответственности за паству, которую берет на себя будущий пастырь.

Каким же образом должно утверждать себя в подобном настроении?

Прежде всего не тем способом времяпрепровождения, какой допускают многие кандидаты священства, которые стараются воспользоваться последними неделями своей светской жизни для увеселений, уже недоступных священнику, свадебных пиршеств и т.п. Неудивительно, что душа и тело, утомленные разного рода излишествами, оказываются затем совершенно неспособными к умиленной молитве. Образ жизни молодого человека, готовящегося к принятию священного сана, должен быть сосредоточенный, богомольный, почти монашеский. К сожалению, при современных порядках к такого рода упражнениям встречаются существенные недоумения, с которыми должно посильно считаться. Они лежат и во внешних условиях принятия священства. — Первое из этих условий — женитьба и соединенные с нею сомнения по поводу необходимого быстрого выбора невесты вместо воспетых стихотворцами и прозаиками таинственных исканий, встреч, романов. Нам, впрочем, кажется, что человек идеи вообще и в частности служитель идеи религиозной, не может питать того мистического обоготворения своей невесты, о которой пишут романы. Да искать этой мистической любви и не нужно по нашему мнению потому, что браки основанные на ней в большинстве случаев бывают несчастны, вследствие пресыщения беспочвенными чувствами. Поэтому сообразнее с будущей религиозной деятельностью пастыря, прочнее для счастья будет брак, основанный на прочном взаимном уважении и любви спокойной, сознательной.

Второе внешнее условие принятия священства — **избрание места для пастырской деятельности.** Теперешняя практика столь мало напоминающая прежнее избрание пастыря, не должна однако служить для бескорыстных ревнителей Церкви причиной соблазна. При рассуждении о выборе места нужно принять во внимание следующее. Если церковная власть в лице архиерея, по знанию нужд паствы известной местности, заинтересована из-

вестной личностью нового пастыря и найдет его полезным, особенно на известном посту или месте, то, конечно, ставленник, по долгу послушания, должен принять его, как волю Божию, взирая на себя, как на орудие Церкви. Если же духовная администрация выбор места предлагает на волю ставленника, то желательно, чтобы побуждения последнего в этом случае были бескорыстны. Ни прихода богатого, ни такого места, в котором житье беспечальное, должен искать ставленник, но он должен дать себе отчет, какое дело влечет его к себе наиболее, какой род служения пастырского находит наиболее сочувственный отклик к его сердцу. Места или должности пастырские различны. Может пастырь идти в село — служить простому народу, или в город к образованным людям, или в законоучители и миссионеры.

Каждое из названных назначений требует приложения различных даров ума и сердца, каждое имеет свои привлекательные стороны и свои затруднения. Бывают такие отзывчивые, широкие натуры, которые могут быстро освоиться с любой средой и с пользой служить на самых разнородных должностях; случается также, что молодой кандидат священства не умеет дать себе отчета, к чему именно он наиболее способен. В этих двух случаях, да, пожалуй, и во всех прочих, хорошо поступит искатель священства, если предоставит свою участь кому-нибудь из своих духовных руководителей, т.е. духовнику или инспектору, или ректору, или епархиальному архиерею, смотря по тому, от кого из них он может встретить наиболее внимательное отношение к своему запросу. Значение такого послушания заключается в том, что всякое послушание есть распятие своей воли, подвиг, а дело, начатое с подвига, всегда можно считать наполовину уже сделанным, потому что первый подвиг, соединенный с лишениями или стеснениями, развивает в человеке готовность и к дальнейшим, новым подвигам.

Путь первоначального послушания есть путь прямой, но не единственный: не погрешит, как сказано, и тот, кто направил себя к какому-либо определенному виду пастырского служения.

Какие же могут быть основания к предпочтению каждого из этих видов?

Свободное предпочтение пастырства в селе может основываться на свойственном христианству, особенно восточному, искании подвига и отрешения от всяких преимуществ общественного положения, желание жить в бедности и труде, чтобы являться неукоризненным утешителем бедняков. Подобное настроение, конечно, весьма похвально, если оно чуждо помысла гордости и осуждения всех товарищей, поступающих в города, и кроме того, если оно не соединено с презрительным взглядом на крестьян, как на людей, будто бы наиболее далеких от христианского совершенства, а на себя, как на их культиватора. Молодой пастырь, настроенный самостоятельно и горделиво, останется навсегда чужд и духа пастырского и самого народа. Если он желает быть близким к последнему, то должен проникнуться духом благочестия народного, взирать на устои жизни народной с уважением и сочувствием, а не быть в глазах крестьян ученым иностранцем. При всем том напрасно некоторые студенты семинарий или академий думают, будто жизнь сельского священника сравнительно с городской совершенно неблагоприятна для того, чтобы держаться на уровне образованного человека, будто она влечет пастыря к огрубению. Подобная опасность грозит на самом деле гораздо сильнее тем настоятелям городских купеческих приходов, которые, если поддаются течению жизни, то через 15-20 лет по вступлении в клир настолько поглощаются сытой жизнью среди семейных торжеств своих прихожан, что по содержаниям своих интересов ничем не отличаются от своих мало ученых псаломщиков, хотя и были магистрами богословия.

Напротив того, священник сельский, если он сам не подавлен крайней нуждой, взирая на окружающую его жизнь сверху вниз и, принимая волей-неволей участие во всех явлениях общественной, семейной и личной жизни своего тесно сплоченного по быту прихода, являясь деятельным свидетелем самых разительных страданий и смертей, переживает постоянные подъемы своего нравственного настроения. Поэтому, если он и не богат разнообразным чтением, если даже постоянно ограничивается Библией, беседами Златоуста, Церковными Ведомостями, да Нивой, все-таки может находить для своего ума весьма разнообразную и обильную пищу и быть философом, моралистом, каковых действительно, гораздо легче найти среди сельского духовенства, нежели среди городского. Не мало среди первого — и искренних идеалистов, до старости лет сохраняющих самый живой интерес к науке и общественной жизни.

Еще более побуждений к духовному развитию, особенно умственному, встречает пастырь, избравший для себя местом служения **окраины** отечественной Церкви, например в Польше или Остзейском крае. Там религиозная борьба побуждает обогащать ум познаниями, да и бытовое положение духовенства гораздо благоприятнее, чем внутри России, как со стороны обеспечения, так и со стороны отношения к нему общества, в данном случае чиновнического. Пастырь, желающий быть полезным не для себя только, но и для прихода на окраине, должен ознакомиться с ее положением, с историей и непременно изучать местные языки. Его самой печальной, хотя и наиболее часто повторяющейся ошибкой будет то, если он поставит свою задачу в уподоблении служилому люду и в старании ввести только внешность церковно-государственного строя внутренних губерний через обезличение данной местности со стороны религиозно-бытовой и со стороны наречия. Поступая так, он явится в глазах прихожан не пастырем, но волком не шадящим стада. Житие св. Стефана Пермского убеждает нас в том, что духовное слияние русского пастыря с инородной паствой есть не только единственное средство к ее благодатному просвещению — этой главнейшей задачей служителя Божьего, но и ее бытовому сближению с русским народом, чего тщетно стал бы он добиваться путем стеснительных мер.

Третий род служения пастырского бывает в приходе городском, например, в своем родном городе или в городе столичном. Полезно и почтенно и такое служение, если избирается не ради корысти, не путем предосудительных происков и борьбы с достойнейшими кандидатами. Нужно помнить и то, что “никакой пророк принят в отечестве своем,” и жизнь молодого священника среди многочисленной родни, если и бывает приятна, то редко полезна; разве если человек обладает сильным характером, умеет не подчиняться обстановке, но себе подчинять последнюю. Во всяком случае, такой кандидат должен готовить себя к тому, чтобы быть пастырем всесловным, а не домохозяином только и богатым квартирантом, как это часто бывает. Чтобы объединить в одно действительное общество свой приход, он должен прежде всего полюбить чердаки и подвалы, явиться туда с рукою помощи, и тем подать пример всесловного приходского братства благотворения, без которого городской приход останется чисто отвлеченным понятием.

Не должен он, однако, отвратить взор свой и от маловерной и нравственно-немошной интеллигенции, но быть, по возможности, хозяином и в области предметов, занимающих людей образованных, чтобы и эти считали его своим, а не каким-то почтенным архаизмом, с которым приходится встречаться на Рождество и Пасху. Приготовив себя к такому все объединяющему призванию, священник сразу станет в глазах прихода выше всех и будет способен к самому серьезному нравственному влиянию.

Четвертый род служения иерейского есть **звание законоучителя**. Ошибается тот кандидат богословия, который считает это звание как наименее бесправное, наиболее свободным среди прочих служений священника. На самом деле, зависимость законоучителя от местного начальства гораздо крепче, чем приходского священника. С особенной силой почувствует эту разницу законоучитель, желающий внести что-либо новое, живое в свое дело. Если же он избрал такую службу лишь для того, чтобы его никто не мог трогать, чтобы быть, так сказать, быть менее священником и менее выделяться по жизни и деятельности от чиновников, то, конечно, кроме зла он ничего не внесет в жизнь школы, так как влияние законоучителя — и преподавательское и чисто религиозное — обуславливается всецело тем условием, когда измученные формальным отношением светских преподавателей ученики, хотят в священнике встретить отца, ценящего не внешность, а вносящего в жизнь законы правды внутренней, взывающего не к внешней исправности только, а прежде всего к совести. Одним словом, законоучитель должен быть прежде всего священник и отец, а затем уже преподаватель. Только тогда изучение его предмета будет совершаться усердно и старательно, без ненависти и кощунства.

Звание законоучителя должно быть избираемо любителями воспитания, педагогами по призванию, но при том людьми с миссионерским огнем, готовыми с ревностью противостоят множеству противохристианских влияний на учащуюся среду, и также различным увлечениям последней, например, светскостью, чувственностью, удалством, рационализмом и т.п. Это удастся только такому священнику, которому не чуждо знакомство и понимание модных веяний, научных и особенно литературных материй, кто обладает способностью увлекать молодые души в сторону подвига религиозного взамен разрушительных стремлений. Законоучитель должен еще уметь презирать и осмеивать разврат и фанатовство и в то же время сохранять всегда мирное, чуждое фанатизма настроение и преуспевать в добродетели терпения.

Так разнообразны и многочисленны умственные и нравственные расположения, необходимые для спасения разнородного стада Христова. Дарования эти лишь в зачатке могут вырабатываться путем духовных упражнений будущего священника, а в полноте своей даются благодатью священства, если ее принимают достойно. Было сказано, что для достойного ее принятия должно готовиться к ней, несмотря на вышеуказанные неблагоприятные условия — свадебных праздников и напряженного искания места. За всем тем на совести каждого лежит возможное отдаление хиротонии от свадьбы и предварение первой — 1) предварительным говением, 2) чтением слова Божьего и аскетических писаний, 3) удалением от мирских дел и беседами с духовными старцами. Несколько дней, проведенных в подобной обстановке, оставляют глубокий след на всю жизнь человека. Особенно к исповеди перед поставлением нужно отнестись благоговейно и искренно. Эти первые шаги духовной жизни не повторяются и если их творить неправильно, то исправиться в дальнейших шагах будет несравненно труднее и останется повод к позднему раскаянию может быть на всю жизнь. Худо делают и те руководители ставленников, которые побуждают их к благоговейному поведению и вычитыванию правил “дабы не соблазнить ближних.” Последнее опасение важное, но далеко не существенное. Таковым, важнейшим побуждением должно быть попечение о собственной душе, о собственной нравственной настроенности. Если непривычный молиться ставленник не иначе, как с большим самопуждением может выстаивать час или два на молитве, то подобная неподготовленность и испытывается во время молитвы; сухость настроения и скука не должны быть побуждением к критике самых установлений Церкви и их оценке, а к сознанию того, что ты стоишь

ниже предполагаемой в христианине духовности, что тебе надо до нее развиваться, ибо молитвенное правило и церковный обычай держания себя выработаны практикой духовной жизни великими столпами веры и любви, которых перерастить, конечно, не мог бы легкомысленный студент, богатый только внешними познаниями, но не дарами духа. При таком образе мыслей и при старании следовать ему, дар умиления не замедлит явиться у ставленника. Душевная сухость и утомление молитвой будет в нем пробуждать печаль о своем очерствении и смиренное, покаянное настроение, последнее же есть достаточное условие духовного подъема и услаждения молитвой, которое вдруг сменяет собою прежнюю печаль о своем очерствении. О стяжании и сохранении такой молитвенной настроенности во время хиротонии ставленники должны заботиться с тем большим усердием, что последние дни перед посвящением способны сильно расстроить душу при теперешних порядках, которые как будто нарочно, установились так, чтобы окружать ум и сердце посвящаемого самыми соблазнительными столкновениями, неуместной совершенно суетой и беспокойством, — подразумеваем выполнение бумажной формы дела, сопряженное подчас с многократным беганием из консистории к иподьякону и духовнику, получением выговоров от них за опоздание, смущение от незнания священных обрядов хиротонии и т.п. Если ставленник допустит раздражение в своем сердце, то повредит только своей душе и повредит надолго. Во избежание таких смущений и, вообще, для того, чтобы достойно приступить к таинству священства и получить его спасительный дар, а не осуждение, ставленник должен подготовить себя к нему надлежащим говением, чтением слова Божьего и Отцов и исправным исполнением молитвенного правила. Поступая так, он проникнется сознанием важности предстоящего ему служения, своей собственной греховности и слабости, и той страшной и великой ответственности, которая от него потребует. Тогда он будет проникнут всецело этим сознанием и на окружающую его обстановку, на грубое обращение с ним клириков во время пострижения он не будет оскорбляться. Если и заметит он недостойное обращение в алтаре клириков, то предоставит их суду Божьему и собственной совести, будучи сам подавлен сознанием собственного недостойнства и греховности. Церковное, скажем — монашеское — поведение ставленника перед хиротонией есть внешнее условие к достойному восприятию благодатного дара. Другое условие есть внутренняя решимость всего себя отдать Богу, посвятить Ему самоотверженно всю свою жизнь, с полной готовностью принять смерть за слово истины. Такой решимости требовал Господь от апостолов, просивших первенства в церкви. **“Можете ли пить чашу, которую Я пью, и крещением, которым Я крещусь, креститься?”**

Если приступающий к посвящению благоговейно приготовит себя к нему, то благодатный дар таинства изменит его и он выйдет после епископского руковоплощения действительно другим человеком; если не выполнит, то благодать Божья будет ему в осуждение.

Можно указать признаки, по которым легко узнать принявшего священство недостойно. Такой священник сразу же совершенно свободно возвращается к прежней своей жизни и привычкам, хотя бы и недостойным его нового сана, и старается всем показать, что он остался таким же человеком и что может делать то же самое, что делал и раньше; или же он показывает вид всем и каждому, что он тяготится рясою, жалуется на то, что ему нельзя теперь делать то или другое, что дозволено мирянам; в служении он туп и неодоушевлен; когда нужно преподать благословение или совет, то стесняется, совершает это неохотно, с понуждением; или же, напротив, он все достоинство своего нового звания поставляет в том, чтобы всюду напоминать, что он теперь власть, лицо с начальственными

полномочиями; прикрикивает на своих клириков, хотя бы и почтенных старцев, не терпит от них никаких указаний богослужебных ошибок своих; бывает груб и неуступчив. Таковы проявления недостойного принятия дара.

Достойное принятие сана изменяет человека, если не в той степени, как апостолов — снисхождение языком огненных, или Савла — видение Христа, то все же изменение это существенно и чудно. Вступив в духовный брак с Церковью, пастырь приобретает свойство духовного отца — свойство любви и мудрости, дерзновенной решимости и одухотворенной молитвы и силы слова. Таковы и подобны им внешние проявления благодатного дара, но его первоначальные действия бывают внутренние и преимущественно следующие: 1) в области его сознания и 2) в области чувства.

Благодатное прикосновение производить в человеке то, чего он никак не может достигнуть путем теоретических рассуждений. С глаз человека спадает как бы некая, мешавшая ему прежде ясно видеть, завеса и он совершенно ясно определяет всю окружающую жизнь в одном созерцании — борьбе добра со злом, которой исходы бывают в руках Божьих. Отсюда путь к той величавой невозмутимости и незнающему уныния постоянству, которыми сияют пред нами образы великих пастырей от Моисея и до святителя Тихона. Неудачи деятелей внешних повергают их в отчаяние и понуждают удаляться от общественной борьбы; напротив, жизнь пастыря, как бы не изменялись ее положения, остается неумолкающим свидетельством истины и любви христианской.

В области чувства благодать производит двоякого рода действие — положительное и отрицательное. Положительное состоит в водворении в человеке новых благодатных чувств, отрицательное — в победоносной борьбе с себялюбием, с содержанием ветхого человека.

Облагодатствованный в таинстве священства человек является вполне равнодушным к себе и уже не себя любит, но свою паству, как Божье дарование, как благословенную семью свою и притом прежде, чем увидит ее. Своей любовью он обнимает не только достойных, но и тех, которые, как недужные, требуют врача, не только отдельных лиц, но всех вообще; на всех смотрит, как на детей, порученных Отцом Небесным для руководства их на пути к спасению. Такой благодатный дар самоотречения и любви к ближнему говорит о хорошем настроении священника и дает надежду на успех его пастырской деятельности. Раскройте книгу Деяний апостольских и вы увидите, что оба эти настроения в их положительных и отрицательных раскрытиях охватывали собою умы и сердца святых апостолов при их восторженно благодатных озарениях; такова речь св. Апостола Петра в пятидесятницу, и вторая по исцелении хромого, таково содержание молитвы двенадцати, такова и старческая исповедь ап. Павла к Филиппийцам, 1:16-28, и 2-е к Тимофею 4:6-9.

Если же мы примем во внимание, что речь у нас о самоотречении не пустом и бессодержательном, но во имя Христово на земле, ясно нам представляемое, то понятно, что насколько само наше религиозное чувство из рабского переходит в ощущение друзей Христовых, согласно с Его обетованием тем, кому Он открыл Свою волю (Иоан.15:15), насколько и та часть Его духовного царства, которая вручена Духом Божьим нашему отеческому попечению, становится уже тем самым столь же дорогим нашему сердцу достоянием, как матери ее новорожденной дитя, прежде чем она успела его увидеть, и только потому, что это ее дитя. Так же точно и пастырь: прежде чем узнать свою паству, уже горячо ее любит, любит не разбирая добрых от злых и даже последних больше, ибо **“не здоровые, но больные требуют врача,”** как сказал Христос Спаситель. Исполнял же Его слово известный праведник Серафим Саровский, с тем большей нежностью принимавший

приходившего к нему, чем более тяжким грешником тот оказывался. Вопреки свойству естественных филантропов, откровенно признающих, что питая любовь к отвлеченному человечеству, они именно ближних-то, окружающих, не только любить, но и переносить-то часто не могут, — вопреки этому естественному взаимному отвращению людей, подверженных греху себялюбия, — самоотверженный пастырь весь исполняется любовью к своим духовным детям и общение с ними предпочитает всякому иному утешению, по слову Пастыреначальника, Который однажды: **“обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать”** (Марк. 3:34-35).

Чтобы привести еще подобие, могущее объяснить зарождение этой благодатной любви из решимости умереть для плоти и жить для Христа и Церкви, укажем на девицу, доверчиво преданную родителям и расположенную любить, но жившую в уединении, как это было в древнерусской жизни. Отец обещает ей привести жениха и обещает ей с ним супружеское счастье: нужно ли говорить, что душа ее сразу же присоединится к жениху и даже раньше, чем она его увидит? Подобное бывает со служителем Слова. Он любит свою будущую паству не за ее добродетели, не одевает ее в своем воображении ореолом святости, но знает, что она есть порученный для его благодатного возделывания Божий виноградник, он верит, что здесь будет действовать благодать; он уже заранее предвидит могучие движения последней, он видит во врученной ему местной Церкви ее истинного жениха — Христа, видит Христову домостроительную десницу, открывающуюся ему во всех явлениях, во всех слышащихся на исповеди признаниях. Может ли он не любить паству до самозабвения, до совершенного отказа находить себе счастье в чем-либо другом?

Говоря о зарождении в нас пастырской жизни, Божественное Откровение и здесь обращается к сравнению с чувством материнским, состоящим из тех же двух элементов: самоотречения или страдания и любви, как и пастырство, причем оба эти элемента взаимно обуславливают друг друга, так что при появлении одного, возрождается к жизни и другой. Материнская любовь, предваряемая муками рождения, в них, конечно, получает свой источник. Эти муки побуждают женщину, жившую, быть может, весело и беспечно, вдруг потерять всякий вкус к лично своей жизни и жить единственно своими детьми. Подобное именно явление приводится св. Писанием для объяснения духовного пастырского возрождения учеников слова: **“Женщина, когда рождает терпит скорбь — говорит Господь: потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир”** (Иоан. 16:21).

Первые искушения.

Всякий человек, становясь на поприще новой деятельности, если только он привык давать себе отчет в своих чувствах и настроениях, старается мысленно обозреть весь предлежащий ему путь и наметить себе наилучшую стезю по этому пути. Тоже делает, конечно, и новоначальный пастырь. Небезразлично, на чем теперь остановится его мысль и чувство. Правда, юношеские планы как будто бы для того только и существовали, чтобы разлетаться как дым, при первом соприкосновении с действительностью, но если мы повнимательнее присмотримся к дальнейшей жизни различных деятелей, то увидим, что их положения, мечтания и стремления, если они только были искренни и глубоки, хотя и не осуществляются в полноте, оставляют более или менее глубокий след и на душе и на дея-

тельности своих носителей. Пусть немного доброго и бескорыстного исполнит человек в своей жизни, но и это немного не было бы сделано, если бы не святые мечты юности.

По отношению к пастырю эти стремления в самом зарождении своем отражаются различными **искушениями**. — Как великому пастыреначальнику, пред выступлением Его на проповедь, дьявол предлагал в пустыне разные греховные средства для выполнения Его просветительного дела, так и здесь — дьявол будет расстраивать высокие планы и смущать мысль пастыря разными оболъщениями и искушениями.

Во-первых, искушается тот священник, который, исходя из горделивой мысли о своем образовании, единственной задачей своей деятельности считает возводить народ до себя через преподавание отвлеченных катехизических истин и вместо того, чтобы изменять человеческие сердца из злых в добрые, целью своей ставит одно заучивание догматов. Добиться он этого не добьется в сельском приходе, а будет только возмущаться невежеством и непонятливостью своих прихожан, может возненавидеть их и будет презирать как язычников, думая будто все христианство состоит в знании богословских формул.

Во-вторых, заблуждается священник тогда, когда он ставит своей задачей со всеми “поладить.” А заблуждение это замечается у нас особенно часто. Поступает священник на приход и первым делом наводит справки, с кем ему нужно тут поладить... Конечно, он не должен ссориться, но и человекоугодничество действительно бывает основным началом жизни мирской, гражданской, но никак не церковной. Правда, оно замечается теперь и в католической церкви, но это признак ее безблагодатного состояния и разложения. Папа, по требованию обстоятельств, склоняется то на ту, то на другую политическую сторону. Если сильна монархия, он производит самодержавие от Бога — если берет верх республика, хвалит республиканское устройство. Он пишет энциклики на восток о преступности латинизировать униатское богослужение, а в Галиции усиленно его латинизирует.

Достоинство Церкви истинной и истинно церковного деятеля в том и состоит, чтобы говорить подобно Ап. Павлу: **“если бы человекам угождал, Христов раб не был бы.”** Библейская история постоянно дает нам противопоставление тонкой лести и человекоугодничества властителей земных с неустрашимой правдой служителей Божьих и народа Божьего. Навуходоносор, Артаксеркс, Олоферн, Филопатор (3 Мак.), Феликс и Фест, лживый пророк Седекия и священник Пасхор с одной стороны, а с другой — Даниил, Мардохей, Иеремия, Амос и Иудиф и весь народ еврейский, наконец, Апостолы и сам Спаситель, сказавший: **“как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?”** — вот достойные обличители пастыря, желающего созидать дело церковное на человекоугодии.

Третье искушение пастыря составляет стремление производить на своих пасомых впечатление своей личностью. Еще не водворившись в своем приходе, молодой священник готов бывает предаваться горделивым мечтам о своем будущем влиянии на народ, о том впечатлении, которое будут производить его голос, его жесты, его речи. Настроение в высшей степени предосудительное и вредное. Оно, конечно, быстро переходит в действительность и доходит до крайних проявлений. Так, иногда под его влиянием даже все богослужение направляется к тому, чтобы произвести эффект. Этому служит сентиментальный голос, ненужные воздеяния рук, лишние поклоны и т.п. Сюда же, т.е. к воздействию на людей не истиною Слова Божьего и искреннею молитвой, а оболъщением собственной личности, нужно отнести и пастырскую практику папистов, совершенно подавляющих ум и совесть своей паствы и приучающих ее к слепому повиновению вместо нравственного совершенствования. Такие приемы тем оболъстительнее, что на первых порах они сопро-

вождаются кажущимся успехом, а противоположное ведение пастырского дела — скорбями, о чем не мало говорит Св. Писание. Так, Господь Иисус Христос говорил, что Он пришел во имя Отца и Его не приняли, а кто придет во имя свое, того примут. Последнее не даром относится многими к Магомету, который в учении своем льстит чувственности и др. страстям азиатов и тем приобрел себе миллионы последователей.

Подобные примеры встречаются в жизни общественной и в области литературы. Немногие писатели обращаются непосредственно к совести человеческой, а, наоборот, стараются или подавить, запугать или обольстить рассудок человека во всех случаях, когда не имеют убедительных доводов. Так поступают писатели террористы и многие наиболее популярные философы; гр. Толстой употребляет глумление и брань там, где требуются особенно сильные доказательства, например, в искреннем уверении, будто Символ Веры противоречит нагорной проповеди.

Апостол Павел с горечью говорит о том, как он чужд искусственных способов возбуждать к себе уважение через самопревозношение и как этот способ удавался другим. **“Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас?.. Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо. К стыду говорю, что на это у нас не доставало сил; а если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я”** (2 Кор. 11:7, 20-21) **“чего у нас недостает перед прочими церквями, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину. Вот в третий раз я готов идти к вам и не буду отягощать вас; ибо я ищущий не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. Я охотно буду издерживать, свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что чрезмерно любя вас, я менее любим вами”** (там же 12:13-15). Св. Григорий Богослов в прощальной речи к своей пастве просит прощения у своих пасомых, что он не величался перед ними, не старался соревноваться с вельможами в роскоши, не высился на колесницах, заставляя разбегаться народ, как пред страшным зверем. Поэтому, паства осталась к нему холодна, предпочитая людей эффекта. **“Они ищут не иереев, но риториков, не строителей душ, но хранителей имуществ”** (Слово 42). Однако, успех притворщиков и человекоугодников не долговечен. Истина эта раскрывается в книге Судей, в истории Авимелеха, подговорившего жителей Сихема помочь ему в убийстве 70 братьев и воцариться над городами Иудеи. Три года благополучно было его царствование, но затем, согласно предсказанию Иофама, злой дух ненависти поселился между ним и жителями, они восстали и Авимелех был позорно убит. **Сборище нечестивых** — говорит Писание — **как скопление пакли, а конец их пламень огненный.**

Власть и влияние, основанные не на началах правды и любви, а на обмане, возбуждают впоследствии вместо доверия ненависть. Так, в государственной и церковной администрации и в жизни прихода водворяется ненависть между служащими в одних учреждениях, при постоянных разговорах о единении и взаимной дружбе; причина тому горделивое желание своею личностью привлекать сердца. Самое психическое развитие человека, создающего свое влияние путем человекоугодничества, извращается, потому что другой оценивается им не по имеющимся у того достоинствам, а со стороны его понимания самим оценивающим. Человек становится тяжел: требователен, тщеславен и всегда беспокоен; напротив, идущий путем правды и любвеобильного самоотвержения всегда поступает сознательно.

Когда Господь шел на страдания и ученики удерживали Его, Он сказал: **“не двенадцать ли часов в дне? Кто ходит днем, тот не спотыкается, ибо видит свет мира се-**

го”; человек, идущий путем света, путем правды, не ошибается. Апостол Петр осуждает путь лести и насилия, заповедуя пастырям пасти стадо, не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. Правильно начатое дело пастырства, свободное от помощи со стороны хитрости и лукавства, получает себе в помощники Промыслителя. В этом смысле сказано: **царствие Божье подобно тому, как если человек бросит семя в землю; и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе** (Мр. 4:26-28). Пророк Илия убежал от своего народа думая, что все оставили его, и жаловался Господу на попрание правды Его, но получил утешение от Бога в том, что 7000 не преклонили колена пред Ваалом. Апостол Павел о правильном пути пастырского воздействия говорит следующее: **“В учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства, но как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши. Ибо никогда не было у нас пред вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель. Не ищем славы человеческой ни от вас ни от других. Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы из усердия к вам восхотели передать вам не только благовестие Божье, но и души наши, потому что вы стали нам любезны”** (1 Фесс. 2:3-8). Конечно, такой путь проповеди и пастырства не может обойтись без огорчения пастыря, но оно не должно быть предметом страха, оно необходимо для достижения исправления. Так, Апостол говорит: **“Если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною** (2 Кор.2:2). **Если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем — на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога; так что нисколько не понесли от нас вреда, ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть”** (Там же 7:8-10). Пастырь не для себя пасет паству, но для Христа. Конечно, любовь его просила бы взаимности, но пастырь должен любить духовною любовью: чем более он будет любить своих пасомых, тем менее будет искать скорой взаимности. Если он не находит взаимности, то скорбит только о черствости пасомых, но не о себе. Лесть и прославление со стороны пасомых даже тяготят его; потому некоторые христиане и епископы бежали в пустыню от этой славы. В Филиппах служанка прославляла Апостола Павла, но он запретил ей делать это. Иисус Христос, когда удивлялись Его чудесам, “не вверял Себе вере их.” (Ин. 2:24), и там, где не надеялся на понимание проповедуемой истины, воспрещал проповедовать о чудесах Своих исцеленным.

Еще иного рода искушение бывает тогда, когда молодой пастырь начертывает себе внешнюю, строго определенную программу действий и мечтает об осуществлении ее. Такая программа, может быть полезна для политического деятеля, не должна иметь места в деятельности пастырской. Различные внешние предприятия — общества трезвости, попечительства, постройка храмов и школ — предприятия добрые, но они не должны быть главнейшими, всепоглощающими предметами его забот, как это часто случается, когда подобные предприятия заставляют пастыря забывать главный предмет своего служения, — а главный предмет — это богослужение и пасение душ, — делают его лихорадочным дельцом, но в тоже время лишают его благоговения и внимательного сострадания и любви к ближним. Пастырю не возбраняется иметь светлые упования и так или иначе готовить условия к началу большого предприятия, но они не должны всецело захватывать

его и отвлекать от ежедневного духовного делания, ибо при правильном, спокойном ведении последнего сами собою начнут выясняться наиболее насущные нужды данного прихода, может быть, взамен тех, о которых любил мечтать священник до ознакомления своего с паствою. Так, например, если служба его и проповедь привлекает массы народа в храм, то мысль о расширении последнего будет принята с общим сочувствием и осуществляется без напряжения и суеты.

Примеры из жизни.

Один современный психолог (Рибо), изложив разнообразные болезни ума и воли человеческой, надеялся найти в остатке этих аномалий раскрытие тех законов, которым следует правильная жизнь души. В науке пастырского богословия может быть подобный метод скорее приведет к успеху, нежели в психологии. Так мы видим, что с одной стороны допущение злого начала в число средств пастырской деятельности (т.е. лесть и ложь) ведет к непоправимым ошибкам с другой стороны, себялюбие и тщеславие, поставленные как цель своей деятельности, делают пастыря врагом паствы, наконец, устремление любви и ревности не на свою паству, а на внешние предприятия, хотя бы и почтенные, также далеко отводят его от своей задачи. Здесь были перечислены самые обычные искушения пастыря, простирающиеся на всю жизнь его. Теперь мы можем легко усмотреть, что эти искушения суть не что иное, как постепенное попрание трех внутренних даров благодати священства; первое искушение нарушает собою правильное созерцание жизни, как борьбы добра и зла, исход которой у Бога, и понуждает пастыря забывать слова Премудрого — “не говори: ради Господа я отступлю, ибо Бог не нуждается в муже грешном”; второе искушение нарушает собою даруемое благодатью равнодушие к себе, а третье растлевает благодатную любовь к пастве. Чтобы избежать этих и иных искушений, новопоставленный пастырь Церкви свою юношескую энергию должен направлять не на дела внешние, а на охранение и умножение той благодатной **внутренней настроенности**, которая дарована ему в хиротонии. В этом смысле следует понимать слова апостольские: **напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе чрез мое рукоположение.**

В этом пастырском завете апостола указывается не на прием общественной деятельности, но на духовное делание. Отсюда видно, что главное внимание и жизненная энергия пастыря Церкви должны быть обращены не на предметы деятельности внешней, но на сохранение и развитие тех даров Св. Духа, которые составляют сущность хиротонии. В дальнейших словах ап. Павла к Тимофею: “**Ибо дал нам Бог духа ни боязни, но силы и любви и целомудрия. Итак не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня узника Его: но пострадай с благовестим Христовым силою Бога... Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас**” (2 Тим. 1:7-14), находится полное подтверждение вышесказанной мысли. Здесь успех пастырской деятельности обуславливается его старанием об усовершенствовании жизни внутренней.

Впрочем, чтобы окончательно убедиться в справедливости этого положения, рассмотрим те отклонения от него, которые нам показывает современная действительность. Наше время, есть время **обмирщения** пастырского служения. Толстовская реформа, ставшаяся о сближении Церкви с жизнью, немного успела в этом добром намерении, но зато утратила немало сокровищ духовной жизни в школьном и священническом быте. Ее государственно-бюрократический дух сказался прежде всего в пренебрежительном отно-

шении ученой мысли к сущности пастырства. Труды по пастырскому богословию почти перестали появляться. Взамен его появилось Практическое Руководство для пастырей, в котором служение пастырское рассматривается как сумма церковных, канцелярских и хозяйственных обязанностей — не объединенных ни внутренним настроением священника, ни раскрытием в нем божественной благодати. Толстовская реформа исходила из того установившегося в обществе мнения, будто русское духовенство прежде всего должно быть освобождено от византизма, замкнутости и сближено с общественной жизнью, чтобы оно не представляло из себя какой-либо касты ни по своему сословному быту, ни по содержанию своих умственных интересов. Вот почему и в область практического богословия был внесен характер государственный, но не столько общественно-этический, сколько бюрократический. Пастырское богословие, да и, вообще, духовная жизнь, оставлены были в пренебрежении. Спрашивается теперь, достигнуты ли были благие цели нововведений, овладело ли духовенство общественной жизнью настолько, чтобы свободно вести ее к нравственному усовершенствованию? Увы, мы видим, что жизнь русского духовенства осталась по-прежнему в стороне от тех нравственных интересов, которыми жило общество, так что последнее стало от своих пастырей еще дальше, чем от прежнего дореформенного духовенства. Нововведения прошлых царствований не оказались проникнутыми духом пастырско-нравственным, но совершенно обмирщились. Так, на епархиальных съездах пастыри занимаются лишь обсуждением вопросов имущественного характера и вместо объединения духовенства между собою и с обществом, сословное начало, обнаружившееся на этих съездах, привело как раз к противоположным последствиям. Жизнь умственная, для развития которой приложено так много стараний, тоже редко идет у пореформенного духовенства дальше интересов насущных, практических и остается замкнутой от воздействия на теоретические интересы общества. Богословская литература в светских домах читается ныне, кажется, меньше, чем в прежнее время — людьми старого воспитания. Да и в жизни самих русских пастырей, именно под влиянием этих реформ, стало обнаруживаться пренебрежение к духовно-нравственным интересам, небрежение богослужением, несоблюдение постов, стыд своего звания, выражающийся в стрижке волос, ношении манжет и т.п.

Сглаживая свою бытовую разность от мирян, такие представители духовенства, видимо, старались подольститься к светскому обществу, но оно относится к такого рода типу обмирщившегося священника еще с меньшим уважением, нежели к патриархальному, старому типу. А это обмирщение, этот чисто бюрократический дух сказывается все сильнее и сильнее, даже среди тех пастырей, которые самым положением своим поставлены в особенно тесное отношение к внутренней духовной жизни людей, к их убеждениям и советам. Разумею миссионеров. Собравшись на миссионерский съезд в 1891 году, они, кажется, ни одного слова не сказали о том, каким образом, подействовать на душу и сердце раскольников и сектантов, какими книгами пользоваться для их обличения. Все рассуждения направлены были к решению того, к каким карательным мерам против отпадших должно расположить светское правительство. Влияние бюрократически-экономического направления духовенства отразилось и на монастырях. Современные монастыри, не говоря об их чисто нравственных несовершенствах, ими вполне сознаваемых, даже в области своих положительных проявлений приближаются к тому, чтобы сделаться чем-то вроде вольно-экономических обществ, объединяющих людей на почве имущественных отношений, обладания капиталом, получения доходов с него, расходования его на предприятия экономического характера и пр. Административный взгляд на монастыри, как на экономические

учреждения, сказывается даже в подборках начальников этих монастырей — людей обладающих хозяйственными и вообще экономическими способностями; с подобной же точки зрения и настоятели ценят своих подчиненных. Если оказывается честь инокам с дарованиями духовными, то все-таки по тем же имущественным видам: на них смотрят, как на источник доходной статьи. Конечно, среди монастырей есть и исключения (монастыри: Валаамский, Соловецкий, пустыни: Оптиная, Глинская), но и туда имущественное начало проникает все сильнее и сильнее, а по мере развития этого грустного явления наблюдается и другое — охлаждение к ним христианского народа.

Итак, говоря вообще, сближения духовенства с обществом, предполагавшегося вышеназванною реформою, в настоящее время вовсе не достигнуто в желательном смысле: вместо сближения явилась утрата духовного облика и приобретение бюрократического; но последний никогда не был по сердцу русским людям, сложившим поговорку: нет никого лучше русского человека и нет никого хуже русского чиновника. Кто хочет построить свои отношения с людьми на чиновнических началах, тот никогда не приобретет их сердец. Чтобы иметь право сказать с Апостолом: **“не ищущего вашего, но вас”** (2 Кор. 12:14) должно иметь право сказать и другие слова его: **мы восхотели передать вам не только благовестие Божье, но и души наши** (1 Солун. 2:8). А чтобы передать души, чтобы живыми непрестанно предаваться **на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей** (2 Кор. 4:11) и действовала в пастве, — нужно, конечно, предаваться постоянному внутреннему деланию, как главной цели жизни. Итак, главный предмет внимания и деятельности пастыря есть жизнь внутренняя — возгревание даров Св. Духа. Это положение имеет свои основания и в Св. Писании. Кроме известных уже нам, можно указать еще на слова св. Ап. Павла к Тимофею: **не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден. Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя** (1 Тимоф. 4:14-16); здесь ап. Павел успех пастыря полагает в зависимости именно от внутренней жизни, от развития пастырем пребывающего в нем дара. **Вникай в себя**, говорит Апостол (ст.16), в свою нравственную жизнь, **ибо так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя** (16). **Не хорошо нам, оставив слово Божье, пещись о трапезах, но мы пребудем в молитве и служении слова** (Деян. 6:2,4). Поступавшая так евангельская Мария более угодна Господу, чем Марфа, предавшаяся внешнему деланию. Посылая апостолов на проповедь, Спаситель говорит им: **не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои... ни двух одежд, ни посоха** (Мф. 10:9-10), и с особенною силою воспрещает им какую бы то ни было дипломатию и политиканство: **когда будут предавать вас, не заботьтесь, как, или что сказать** (19), говорит Он им. Своим последователям, пренебрегшим внешними жизненными удобствами и привязанностями, Спаситель обещает награду во сто раз большую того, что они оставили (Мф. 19:29), и при том не только со стороны внутренней удовлетворенности, но и со стороны изобилия друзей.

Действительность вполне подтверждает эту мысль о зависимости общественного влияния от внутренней жизни. Кто из пастырей известен особенно благотворною практической деятельностью? — Люди внутренней духовной жизни, люди молитвы и нравственных подвигов. Таков из древних — отшельник Стефан Пермский, великий подвижник и замечательный миссионер, пересоздавший целые народности; из недавних — Макарий Алтайский, Иннокентий Пензенский, выдающийся богослов, — оба великие Богомольцы. Подобное преуспевание внутренней духовной жизни в воздействии на жизнь об-

шественную имеет объяснение в самом характере русской религиозности. Русский человек постольку религиозен, поскольку наличная действительность не удовлетворяет его. Русский человек ищет в религиозной жизни того, чего нет в мире, и потому он готов подчиниться только тому религиозному деятелю, который является гостем в этом мире, пришедшим как бы из другого мира, равнодушным ко всем внешним переменам, остающимся всегда самим собою, довольствуясь полностью своей внутренней жизни, своего внутреннего содержания. Влиятелен Иоанн Кронштадтский, основатель домов трудолюбия, примеру которого следует теперь повсюду и общество светское; влиятелен был и остается после кончины своей Амвросий Оптинский, который много лет пролежал в болезни и кажется первый разрешил женский вопрос в России, устроив женский монастырь более чем на 700 человек, где принимаются все увечные, бессильные, малолетние; обитель эта совершенно чужда практического, материального начала. Укажем еще на двух духовных деятелей, петербургских протоиереев Дмитрия Соколова и о. Константина Стефановича, — первых строителей наиболее важного при современном общественном строе учреждения — приютов для раскаивающихся блудниц. Начали они это дело также с малого, не из отвлеченного теоретического замысла, а просто через изучение быта жертв разврата и спасение их из когтей его путем частной благотворительности, впоследствии оформленной в учреждение, обогащенное добровольными пожертвованиями и теперь совершенно упрочившееся, как все то, что основано на личном внутреннем подвиге, как в том нас убеждают откровение и опыт.

Отсюда понятно, что и пастырское руководство должно сосредоточиваться в изучении жизни внутренней, жизни духовной. Таков правильный путь пастырского действия, который не только оградит его от всех искушений, но и всегда покажет ему настоящее его дело. Впрочем, должно помнить, что жизнь духовная не остается всегда на одном и том же месте, но или идет вперед, или ниспадает к худшему, и в характере своего движения отличается вообще постепенностью. Посему учение о духовной жизни есть изучение законов духовного развития, духовного усовершенствования человека, чем и занимается **аскетика**, наука, которой в прежнее время отводилось довольно видное место в богословии вообще и в пастырском, в частности. В настоящее время она утрачена из учебных курсов, но зато стала удобоприобретаемым сокровищем для всего русского читающего люда, благодаря творениям и изданиям святителя Феофана, к которым мы и предлагаем обращаться, всем, кто желает изучить самое важное в жизни человека.

Значение молитвы для пастыря.

Значение молитвы; содержание общецерковной молитвы.

По учению Отцов только тот иерей есть истинный пастырь православной Церкви, добрый борец и победитель, который духом своим живет в мире горнем, а здесь является как бы гостем оттуда. Сила или средство, переносящее человека из одного мира в другой, есть молитва.

Между тем, молодые люди, готовящиеся к священству, бывают готовы ко всякого рода подвигам самоотвержения, но к молитвенному подвигу относятся обыкновенно с отягощением. Он представляется для них чем-то устарелым, скучным, почти бесполезным. Их влечет подвиг общественный, борьба и жизнь. Быть может этим именно свой-

ством их настроенности обуславливается иногда и предпочтение светской службы пред священством с его религиозными церемониями, с бесконечными службами, правилами и поклонами.

На самом деле подобное противопоставление общественного и молитвенного подвигов есть плод заблуждения: добрый христианин не стал бы разобщать первого от второго. В св. Писании говорится о молитве именно в таких случаях, когда противопоставляются два борющиеся друг против друга мира. Таковы: молитва пророка Илии в его борьбе с жрецами Ваала, чудесная победа трех отроков в Вавилоне, одержанная посредством молитвы в огненной печи, молитва Анны, пророка Ионы, Есфири, Иудифи, Елеазара, Ездры; содержание молитвы Господней сводится именно к уничтожению жизни мира и замене ее жизнью Божественной, Его именем, Его царством, Его волею.

Наше богослужение, то есть ектении, возгласы и другие богослужебные молитвословия содержат в себе указание, с одной стороны, на богатство жизни божественной, а с другой на ничтожество земной. Преклоняясь в сознании собственного ничтожества перед величием Божьим, верующие, излив устами священнослужителя свои прошения Богу, выражают всецелую готовность предать себя и друг друга Христу Богу, ибо у Него во Святой Троице слава, держава и жизнь.

Указанное противопоставление раскрывается с особой силой при подаянии полноты Божественных даров, т.е. в важнейших частях дневного и годичного священнослужения. Тогда воспевается величие существа Божьего, Его промысления и домостроительства и тут же сострадательным взором охватывается жизнь нашей бедной земли и призывается милость на всех нуждающихся в разнообразной помощи Божьей — живых и мертвых. Таковы молитвы евхаристические, особенно Василия Великого, а также важнейшие молитвы главных праздников — Богоявления и Пятидесятницы. Итак, молитвы и богослужение не есть нечто отрешенное от жизни, но самая жизнь, мысленно возносимая перед лицом Вседержителя.

Но скажут: все это было достоянием первых веков христианства, а дальнейшее творчество богослужебных молитв говорит нам о чисто личном подвиге молящихся. В таком выражении справедлива только та мысль, что литургическое творчество имеет свою историю. Известно, что в первые века христианства молящаяся Церковь стремилась все стороны жизни личной и общественной проникнуть духом благодати; таково содержание молитв, вошедших в служебник и требник. Затем, после V века, преимущественным содержанием молитв сделалось толкование слов св. Библии и догматизм (догматы в христианской поэзии Иоанна Дамаскина); эта вторая низшая ступень богослужебного творчества, хотя все еще исполненная высоких созерцаний и духовного восторга. Наконец, в дальнейший, византийский период церковной истории, в религиозном сознании начинает преобладать более мрачный, исполненный рабского страха характер и содержанием молитв становится исповедание ужаса загробных мучений и моления к Богу и особенно к Богородице об избавлении от них. Несправедливо, однако, было бы думать, что подобная характеристика исчерпывает собою молитвенный подвиг эпохи. Нет, Церковь не оскудевает в своем духовном богатстве, и в этом мы убеждаемся, если посмотрим, насколько древнейшие молитвословия продолжают одушевлять умы и сердца молящихся. Дерзновенная песнь воскресения, евхаристический памятник Василия Великого, гимн “Свете Тихий” и во времена Византии и теперь продолжают приводить в трепет христианское сердце точно так же, как и в века вселенских соборов. Содержание нашего богослужения только обогащалось в разные эпохи, но, слава Богу, ничего не утратило из своих сокровищ.

Значение молитвы для внутренней жизни.

Мы сказали, что молитва переносит пастыря Церкви в другой, неземной мир, и, постоянно напоминая ему о загробной жизни, постепенно делает благоговейного священника жителем нездешнего мира. Подобное воспарение в мир небесный, совершаемое при помощи богослужения, а равно и келейной молитвы, имеет значение не только для личной, внутренней жизни пастыря, но и для его стойкости в своем **общественном служении**, как нас убедило в этом слово Божье и рассмотрение самого содержания нашего богослужения. Изучение жизни доброго пастыря со всю силою подтверждает для нас подобный вывод. Оно покажет нам, что молитва есть прежде всего единственное **подкрепление** пастыря в самом опасном для него состоянии того духовного **одиночества**, которое ему нередко придется испытывать среди своей маловерной и малодушной паствы. Это одиночество тем мучительнее для пастыря, чем более он соответствует своему предназначению носить в своей душе всю паству. Тяжесть этого настроения высказывали еще ветхозаветные пастыри. Так, любвеобильный Моисей, видя народное ожесточение, жаловался Богу, говоря: **“я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего”** (Числ. 11:14-15); таков же смысл слов пророка Илии (3 Цар. 19:10) и Иеремии (15:17-20); жалуется на одиночество свое и ап. Павел (2 Тим. 4:16-17); указывает на тяжесть его и на средство облегчения последней и Христос Спаситель, говоривший ученикам в час предания: **“вот наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, ибо Отец со мною”** (Иоан. 16:32). Для человека сухого и замкнутого отчужденность от жизни общества, пожалуй, не будет тяжелым бременем, но для призванного пастыря, любящего народ свой, эта отчужденность грозила бы отчаянием, если бы он не имел против такого недуга духовного врачевства или противоядия, каковым и является молитва, переносящая пастыря в торжествующую Церковь, которая восполняет его душу, созерцающую колеблющихся сынов Церкви воинствующей. Христианин, пребывающий в молитве, приближается к состоянию такого же прозрения, как пр. Елисей, который при нападении сириян на Дофаим говорит слуге своему: **“не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: Господи, открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея”** (4 Цар. 6:16-17). Так и всякий истинный пастырь христианин, и даже отшельник, возносящийся в молитве душою в мир небесный, постоянно сознает себя окруженным обществом святых и бывает менее одинок в своем уединении, чем городской житель, ходящий по улицам столицы среди знакомых. Самая возможность отшельничества именно и объясняется полнотою, общения с миром святым и блаженным. Это-то общение деятелей Церкви и убеждает их в истине слов Христовых: **“блаженны будете, когда возненавидят вас человеки и разлучат вас.”**

Так, из слов св. Григория Богослова видно, что и в окончательном изгнании пастырь Церкви, возносясь в мир божественный, духовный, — через непрестанное пребывание в молитве, может иметь полноту жизни и утешения при одиночестве. Вот эти слова: **“Поставьте над собою другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога. Ему одному ужоу даже простотою жизни... Нет, нет, не буду говорить приятного слуху, председательствуя в священных местах или один, или в совокупном со-**

брании многих; не отрину глаголов Духа из заботливости снискать любовь у народа, не стану тешиться рукоплесканиями, ликовствовать в зрелищах... Владей всем этим, кому угодно, и кто хитер. А я бестрепетно буду исполняться Христом... Вот, я дышащий мертвец, вот, я побежденный и вместе (не чудо ли?) увенчанный, взамен престола и пустой внешности стяжавший себе Бога и божественных друзей!.. Стану с ангелами. Какова ни будет моя жизнь, никто не причинит ей вреда, но никто не принесет и пользы. Сосредоточусь в Боге.”

Но постоянное молитвенное настроение не будет ли служить препятствием к исполнению общественных обязанностей священника? Как деятель общественный, не виноват ли будет пастырь, если, вместо общения со своими прихожанами, он все время будет посвящать на молитву и богомыслие? Напротив, именно непрестанное богомыслие является необходимым и наиболее ценным залогом плодотворной деятельности пастыря, так как только оно может поддерживать и возгревать в сердце священника постоянную благоснисходительную и исполненную упования любовь к людям, к роду неверному и жестоковыйному, на что признают себя совершенно неспособными народники или демагоги мирского настроения, так как всякому общественному деятелю вообще, а священнику, пожалуй, преимущественно, приходится постоянно встречать неблагодарность, холодность, а то и пренебрежение и недружелюбие со стороны общества. Поэтому для того, чтобы самому избежать взаимного ожесточения на людей, ему необходимо обладать в сердце таким источником внутреннего богатства, при помощи которого он мог бы применным оком взирать на род людской с каменными сердцами. Таким источником для него и служит молитва, вводящая его в общение с миром горним: чем сам пастырь совершеннее в молитве и духовной жизни, тем снисходительнее и терпеливее бывает он к духовным недугам паствы. Так, например, “старцы” тем больше оказывали внимания и участия к приходившим к ним, чем величайшими грешниками были последние. О Серафиме Саровском известно, что никто от него не встречал такого сочувствия, как злодеи и преступники.

Значение молитвы для пастырства.

Обладание даром молитвы, кроме дара любви, имеет еще другие важные последствия для пастырской деятельности. Не говоря уже о том, что пастырь молитвенник обладает способностью научить и других молиться, — молитвенное настроение пастыря есть важнейшее условие для возвышения его авторитета среди паствы. Если вникнуть в отношение пасомых к пастырю, то мы увидим, что главное требование со стороны первых к последнему — требование дара молитвенного. Народ и оценивает пастыря с этой именно точки зрения. Когда в народе говорят о священнике, то первый отзыв касается того: хорошо или худо служит он. Под хорошим разумеется здесь не музыкальность голоса, не громкость и чистота речи, а то, что в возгласах и ектениях священника слышится дух искренней молитвы. Подобных священников любит и уважает народ, их-то, по преимуществу считает своими наставниками и руководителями, к ним спешит за советом в затруднительных случаях своей жизни. И все это доверие и любовь единственно за подвиг молитвенный. Наш русский народ особенно высоко ценит пастырей-молитвенников. Он готов все простить, даже закрыть глаза на все недостатки и пороки пастыря, будь только одно в нем качество — молитвенность. При отсутствии же этого качества, мягкость и элегантность в обращении ставятся ни во что: на все увещания священника будут смотреть, как на бездушное разглагольствование.

Достоинство русских пастырей в отношении дара молитвы.

Спросим теперь, имеют ли отечественные пастыри это высокое качество молитвенного духа? К счастью, о нашем духовенстве с точки зрения приведенной оценки нельзя сказать худо. Свой долг, долг молитвенника, русское духовенство не оставляет в пренебрежении и имеет в своей среде многих достойных представителей: среди наших пастырей много людей весьма грешных, но нет неверующих и мало — нерадящих о молитве. Л. Толстой является преступным клеветником, объявляя духовенство наше лицемерами, поддерживающими суеверие ради государственных целей: русское духовенство верует и с верою молится Богу. Но так как совершенства на земле нет, то нельзя не указать на некоторые, довольно распространенные среди нас, отклонения от правильного прохождения этого подвига.

Уклонения: отчужденность, превозношение и местничество.

Первый недостаток — это **обособленность** (индивидуализм) в вере и молитве, когда молящийся только о себе мыслит в деле спасения, а не о всех, боится Бога, но к ближним бывает суров и чужд духа братолюбия в своей духовной жизни. Если такой священнослужитель молится о своем собственном спасении или о родственниках, молитва его бывает тепла и воодушевлена; за то его благословения народу, его молитвенные благожелания и молитва об обновлении мировой жизни, о призвании благодати на людей — бывают как бы чужды для его сердца: он произносит их вяло, бездушно. Часто такие священники не считают нужным внимать возвышенным прошениям ектений и предпочитают, стоя у жертвенника, совершать поминовение своих присных, в чем полагают главное значение литургии, составив на нее столь чуждое православию воззрение, почти, как на индульгенцию.

Другое, весьма предосудительное явление — это взгляд на богослужение как на **средство величаться** перед народом и друг перед другом. Поэтому некоторые пастыри стараются в ущерб духовной красоте молитвы избегать соборной службы, где всем, кроме старших приходится менее фигурировать перед другими. Этот взгляд в высшей степени греховный, лишаящий служащего благодатных благословений. Чтобы произвести впечатление на народ, священник допускает не положенные ни уставом ни обычаем, коленапреклонения и воздевания рук, придает искусственную чувствительность своему голосу и т.п. Правда, нехорошо поступают и те священнослужители, преимущественно монашеские, которые во избежание прелести, подавляют в себе чувство умиления и стараются только о том, чтобы внятно вычитать положенные молитвы. Но если предосудительна одна крайность, то не извинительна и другая.

Всего же предосудительнее нередко замечаемое у нас местничество во время соборного служения, обнаруживающее печальное духовное ослепление священнослужителей, которые иногда до того увлекаются этим грехом, что задолго до какого-либо праздника волнуются и ухищряются достать себе высшее место в служении и, в случае неудачи, становятся на много лет врагами своим соперникам. Сюда же относится и общая нелюбовь некоторых священников к соборным и архиерейским служениям, которая в больших городах у заслуженного духовенства становится иногда настолько всеобщей, что совершенно разрушает глубоко церковный и справедливо любимый народом обычай украшать престольные праздники приходом торжественным служением иерарха или старшего в городе иерея с братией. Так местничество и самолюбие разобщает пастырей даже в святейшем

деле молитвы и удаляет от них Христа, обетовавшего быть посреди сходящихся во имя Его. Чтобы возненавидеть эту глупую страсть, должно вспоминать и то назидательное совпадение событий, как ученики Христовы, спорившие между собою о старшинстве, о наибольшей близости к Учителю, через несколько часов после этого, не вразумившись “вечерею умовения ног,” все разбежались от Него, а первый между ними отрекся от Него с клятвой.

Практические советы о стяжании молитвенного дара.

Что должен делать молодой пастырь, чтобы не остаться без дара истинно-христианской молитвы? Прежде всего, в виду приведенной довольно высокой оценки нашего духовенства со стороны этого качества духовной жизни, начинающему пастырю не следует смотреть на старших собратьев и на народ сверху вниз, как это свойственно самоуверенной юности, и не считать себя среди народа религиозным реформатором; скорее ему следует укрепиться в мысли, что в области молитвы он — невежда, и что ему, для успешного прохождения пастырского служения, нужно почитать себя хуже и малоопытнее всех, — не жизнь возвышать до себя, но себя до уровня религиозной жизни братьев и лучших прихожан. На это указываем в виду того, что в настоящее время у кандидатов священства наблюдается полная неосвоенность с законами духовной жизни, с учением о молитве и предписанной христианину внутренней борьбой. Курсы пастырского богословия вовсе не рассматривают этих предметов, а в богословии нравственном они задеваются лишь мимоходом, так что не оставляют никакого впечатления на слушателях. Естественно поэтому, что от студентов семинарий и академий можно слышать самые несообразные суждения о молитве, в роде, например, таких слов: зачем молиться, когда нет соответствующего внутреннего настроения?

Очевидно, люди не знают даже того, что охранение и возгревание молитвенной настроенности есть плод борьбы: без борьбы с собою христианин никогда не стяжает дара молитвы, а если имел раньше, то утратит. Полное непонимание молитвенного подвига молодым пастырем описано в повести Потапенко “На действительной службе,” где новопоставленный пастырь-идеалист, стоя пред престолом “**проникся уважением к себе, к своему общественному подвигу,**” с недоумением перечитывает совершенно чуждые его сердцу слова молитвы: “никто же достоин от связавшихся плотскими похотями или страстями приближаться ...” Эта столь глубокая исповедь христианского сердца ученому академику казалась непонятной, застарелой формулой. В подобное заблуждение герой повести впал вследствие того, что приготавливая себя к служению народу, никогда не понуждал себя к главнейшему условию сего служения — к стяжанию дара молитвы.

Самопринуждение.

Самопринуждение — вот второе средство к усвоению этого дара. На это могут возразить, что хотя молодые священники и не подготовлены к молитве, но все-таки к старости по большей части привыкают к ней сами собой, без заметных усилий. Действительно, кому неизвестны примеры, когда равнодушные в молодые годы иереи, потом приобрели дар молитвы путем невольной бытовой привычки, научившись у своих пасомых. Такое взаимообучение между пастырем и пасомыми в Русской Церкви указано было еще покойным Моск. Митр. Иннокентием, говорившим, что, уча паству, он в свою очередь у нее учился. Остановимся несколько подробнее на этом свойстве русской церковной жизни. Взаимообучение пастыря и пасомых само по себе явление не предосудительное, а даже

отрадное, когда причиной его бывает сознательное убеждение, а не имущественная зависимость священника от прихода, понуждающего первого применяться к нуждам и вкусам последнего. Между тем, в обучении молитве именно такая зависимость и является обыкновенно несознательным первоначальным побуждением к стяжанию этого св. Дара; молодой священник в Великороссии поневоле старается быть богомольным, потому что иначе он останется в скудости, — затем постепенно входит в дух молитвы и нередко достигает высоких дарований в прохождении этого подвига. Но можно ли удовлетворяться таким положением вещей и не прилагать подготовительного труда к тому, чтобы быть достойным пастырем богомольного прихода не в конце дней своих, а в начале? Притом, у многих ли столь восприимчивая, мягкая душа, чтобы произвольно усваивать религиозную стихию народной жизни? Нужно помнить при этом, что подобное усвоение чаще встречается в Великороссии, где священник зависит от прихода, а в Малороссии и особенно в Западной России, где обеспеченное духовенство может безнаказанно для своего благосостояния держаться вдали от народа, пастыри часто не научаются молиться, небрегут о богослужении. Отсюда — всякого рода отступничества, штунда и др. секты. Итак, нужда в самом деятельном усвоении дара молитвы остается во всей силе, и кто не хочет сознать чисто нравственного долга научиться молиться, тот, по крайней мере, должен согласиться с мыслью об общественной нужде иметь такой дар и понять, что рано или поздно сама жизнь и особенно разные несчастья понудят его пожалеть о своей лености и приняться поздно за то, с чего следовало бы начинать. Отсюда-то и возникает в науке пастырского богословия особая речь о молитве.

Противостояние господствующей страсти.

Какие же средства для самого зарождения дара молитвы? Жалуются обыкновенно на сухость и рассеянность, как на главное препятствие к молитве. Поэтому, первее всего необходима борьба с теми причинами, от которых происходят эти нежелательные свойства. Причины эти двоякого рода. Во-первых, многозаботливое настроение, особенно когда оно соединяется с согласием ума, признающего те или другие заботы главнейшими в жизни, и взирающего на молитву, на сосредоточенность в Боге, как на дело второстепенное сравнительно с усовершенствованием себя в науках и искусствах или — достижением целей земного благоустройства. **Если в чьей душе есть какой суетливый помысл, поглощающий его внимание и энергию, то к молитве такой человек бывает не способен.** Второе препятствие к молитвенному настроению — непобежденная чувственная или иная преступная страсть. Когда дурное, похотливое желание беспрепятственно владеет человеком, он не способен молиться. Дух Божий отошел от Саула, когда у последнего сложилось преступное завистливое отношение к Давиду. Для борьбы с указанными препятствиями молитве должно прежде установиться в том убеждении, что возношение духа к Богу, молитва, есть **главное в жизни**, а все прочее второстепенное. Доколе человек не придет к сознательному убеждению, что хранение сердца, сосредоточенность в Боге — главное в жизни, до тех пор он никогда не будет усовершеншаться в молитве. Вышеприведенные и дальнейшие указания могут служить для пастыря Церкви основаниями для желательного отношения к молитвенному подвигу. Но и убедившись всем сердцем в жизненном значении этого подвига, должно помнить, что пока христианин, обуреваемый чувственною или иною страстью, не возненавидит ее и не вступит с нею в борьбу, дара молитвы он не стяжает.

Также точно и против рассеянности, даже чуждой грубых страстей, последователь молитвенного подвига должен предпринять нарочитую борьбу, отвлекая свою мысль от всяких внешних впечатлений и полагая узду на свое воображение, и проходить подвиг молитвенный от низших ступеней его до высших.

Учителя благочестия различают три вида молитвы: молитву воли, молитву ума и молитву сердца, чувства.

Исполнительность.

На первых шагах нравственного совершенствования подвижник обладает только желанием молиться, что и составляет **волевою молитву**. На этой ступени новоначальный, не имея в своем сердце молитвенного настроения, ни даже в уме богатства духовных помыслов и религиозных представлений старается упражняться в внешне исправном исполнении молитвенного правила. В этом случае он должен начинать с исполнения лежащего на каждом христианине, вообще, долга прочитывать положенные молитвы утром, вечером неуклонно выстаивать церковное богослужение, не взирая на скуку и усталость; здесь-то и является **потребность в самопринуждении**, о коем мы говорили. На священника церковный устав налагает обязанность вычитывать накануне каждой, совершаемой им, литургии еще особые каноны и акафист, а утром — правило к причащению. Вот этих обязанностей пастырь отнюдь не должен уменьшать, а скорее ему следует их расширять прибавлением канонов, акафистов и молитв не обязательных, но предложенных в правилнике на произволящих.

Пусть священник не извиняет себя недосугом — молитва его важнейшее дело, — ни внутренним холодом или рассеянностью: исправность в исполнении правила есть лучшее и неизбежное средство против них; пусть не слушает и помысла лени и самосожаления. Чем более пастырь будет себе полагать, сокращая положенные правила, тем более будет тяготиться их выполнением. Известно, что чем поспешнее совершается священниками богослужение, тем более оно тяготит их и заставляет их считать себя мучениками. Чтобы избавиться пастырям от этой тягости, им должно раз и навсегда установить взгляд на приходскую практику, не как на предметы, которые можно видоизменяя применять к своему настроению, а наоборот — как на норму, которой следует подчинять свое настроение, не уступая ни лени, ни неразумению, ни горделивым мыслям о своем кажущемся превосходстве. В этом заключается первая ступень молитвенного подвига — молитвы волевой. Но против него возможны возражения.

Возражение против исполнительности.

Говорят: богослужение наше, если его петь по уставу, очень продолжительно, и молитвы его далеко не приложимы к современному настроению мирян. В этом возражении есть доля правды. Прежде всего самое предание Церкви сократило Устав до размеров принятой приходской службы. Но есть обычай более продолжительного и более сокращенного служения. От мудрости и опытности пастыря зависит сохранить в своей службе все, что хранится в практике лучших приходов и обителей, по крайней мере не сокращать стихир, ирмосов и по возможности Псалтири. Руководством ему может служить указ Св. Синода о богослужении в церквах духовно-учебных заведений изданный в 1887 году.

Но как мыслить о более смелых применениях к духовным нуждам молящихся, которые допускаются особенно часто в столицах? Допускать их со спокойной совестью и чувствовать себя до известной степени в положении хозяина может только тот священник,

который имеет основание считать себя в этой области истинным выразителем общецерковного сознания, которого отношение к службе не будет уступкой тлетворному духу века сего, выражением личного недовольства преданием, вытекающего из лености или рассеяния. Но таким выразителем общецерковного мнения может быть только тот, кто смолоду привык послушанию Церкви, кто засвидетельствован от народа как истинный пастырь Церкви, кто прежде самого себя подчинил полностью игу церковного закона. Например, о. Иоанн Кронштадтский многое изменяет в богослужении против церковного устава и этим, однако, не соблазняются, потому что видят здесь не произвол, а выражение действительных духовных нужд сходящегося со всей Руси народного множества. Но пока ни личная совесть, ни свидетельство народа не дают пастырю такого дерзновения считать себя выразителем нужды общецерковной, он не должен вносить личное начало в сокращение служб, а присматриваясь к своей приходской или других приходов богослужебной практике, должен придерживаться, наиболее разумного, отнюдь не умаляя всей продолжительности богослужения, а лишь заменяя торопливость — пропусками, светские протяженные молитвы — более церковными краткими, но за то увеличивая число стихир и т.п.

Другое возражение против строя нашего богослужения: желают основываться уже не на условиях современной жизни, а под влиянием протестантов, — на ложном понимании слова Божьего. Говорят, что продолжительное богослужение есть лицемерное многословие, и что Сам Господь заповедал не многословить в молитве. На самом деле в словах Христовых мысль та, что многословная молитва не заслуга. Это справедливо, и те, кто смотрит на молитву как на заслугу как на *opus operatum*, заблуждаются; но продолжительная молитва нужна не для Бога, а для нас самих — рассеянных и косных, она согревает сердце человека и влияет на постепенное возникновение в нем религиозной настроенности. Не вдруг в человеке, занятом житейскими делами, возжигается религиозное чувство, но для этого требуется продолжительная сосредоточенность на молитвенных помыслах и некоторые другие средства. Кто постоянно готов на молитвенные прочувствованные воздыхания и пролитие умиленных слез, тому нет нужды подолгу молиться для согревания сердца, а разве для большего и бóльшего духовного совершенства. Правильное понимание нами слов Христовых подтверждается другими Его словами: “бесы изгоняются **МОЛИТВОЮ И ПОСТОМ.**” Неправедный судья и скупой друг уступили лишь продолжительным мольбам, и Отец Небесный услышит **вопиющих к Нему день и ночь.** — **Бдите и молитесь, да не внидите в напасть.** — Сам Господь **молился всю ночь.** Апостол Павел, особенно уважаемый протестантами, также заповедал “**непрестанно молиться,**” и говорил о себе: “**молясь всеусердно день и ночь**”(1 Сол. 3:10). Корнилий угодил Богу тем, что подавал милостыню и “**постоянно молился.**” Св. Апостолы, поручив дьяконам внешние дела церковного общества, так определили свое назначение: “**мы же в молитве и служении слова пребудем.**”

Уклонения от исполнительности.

Насколько легкое отношение к молитве вообще и в частности потворство обмирщенным вкусам современных христиан нехорошо отражается на богослужении, — в этом легко убедиться. Войдите на престольный праздник в городской храм, и там, вместо глубоко содержательного строя православной всенощной, воспевающей словами Библии всю историю нашего искупления, услышите лишь несколько концертов, да повторение дьяконских громогласных ектений, рассчитанное на занимание публики личностью священнослужителя. Все это непопозволенное стараются оправдать прихотливым вкусом городского

народа, равно как и введенные в ущерб стихирам и псалмам многочисленные безграмотные акафисты, свидетельствующие о явном упадке богослужебного творчества и вкуса. Известно, что только два акафиста — Христу и Богородице, переведенные с греческого языка, отличаются высоким достоинством; терпимы еще переводные акафисты Успению и св. Николаю, да переделанные из униатских архиепископом Иннокентием. (Акафисты же святым и иконам Богоматери представляют собой повторение бессодержательных ублажений, часто касаются нужд мирского житейского характера и в довершение всего являются почти дословным и часто неосмысленным повторением один другого). Правда, они по плечу современным христианам, но мало служат их духовной пользе, а более соответствуют религиозному утилитаризму. Совсем выводить их из употребления священник не должен, если это послужит к большому огорчению молящихся, но ему следует постепенно совершенствовать вкус последних уставным исполнением богослужебного чина и обиходными напевами: тогда они сами предпочтут лучшее. Во всяком случае, священник не должен ставить угождение вкусам, не только личным, но и обще приходскому, конечным правилом своих распоряжений по церковной службе, особенно в тех случаях, когда эти вкусы идут в разрез с церковным преданием, но последнее, то есть устав, считать богослужебной нормой и по возможности ее поддерживать.

Таковы главные свойства молитвы волевой — частной и общественной. **Терпение, самопринуждение, церковность** — вот ее свойства.

Внимание ума.

Вторая степень молитвы, молитвы ума, когда христианин достигает способности сосредотачивать свой ум, свое внимание на предметах молитвы. Внешним средством к тому, по мнению опытных в молитве и благочестивых старцев, служит неторопливое чтение молитв, с вдумыванием в каждую их мысль, чему пособием служит разделение черточками каждого предложения в молитвеннике. Внутренние средства к стяжанию сего подвига, изложенные Отцами, собраны в “Добротолубии” преосв. Феофана; эту книгу должно иметь в каждой церкви и по возможности в каждом иерейском жилище.

Высшая степень молитвенного дара и средства к ее стяжанию.

Высшая степень молитвы — это молитва **чувства**, когда молящийся живо чувствует или вполне переживает сам все заключающееся в содержании молитвы, — когда, при словословии Бога, сердце его горит радостью; при воспоминании евангельских событий, умилением о Христе, скорбью о греховном ожесточении людей, а особенно, когда при чтении молитв, содержащих прошения или исповедь грехов, сердце его всей полнотою выливается в произносимых словах, являющихся в это время как бы его собственным творением. Как же совершается переход к этой третьей ступени молитвы? Нужно прежде всего остерегаться подражать западным учителям, допускающим непосредственное напряжение самого чувства, о чем так много толковали тамошние духовные писатели-сентименталисты. Православные богословы-аскеты очень неодобрительно относятся ко взглядам последних. Они справедливо утверждают, что человеку дана непосредственная власть и над действиями воли и над вниманием ума, но не над чувствованиями сердца, каковую он получает разве на высших ступенях духовной жизни, а если кто вообразит, будто имеет ее в обычном естественном состоянии, то заблуждается, принимая физические ощущения за духовные чувствования. Действительно, если человеку недоступно сразу по одному желанию проникнуться умилением или страхом, то нервные природы могут

без труда создать себе те телесные ощущения, которыми обыкновенно сопровождаются означенные чувства, и вообразить, будто они достигли желаемых настроений. Самообман такого рода неминуемо ведет к прелести или духовному самообольщению, укоренение которого подчиняет подвижника духу бешеного самомнения и власти врага.

Различение прелести от благодатного дара.

Состояние прелести, являющееся плодом и иного рода уклонений от правильного прохождения подвига молитвы и вообще духовной жизни, познается по следующим своим проявлениям.

1) Подвижник, находящийся в прелести, после усердной молитвы, или восторженного чтения слова Божьего, или проповеди, или доброго дела, вместо ожидаемого покоя и внутреннего мира, чувствует непонятное беспокойство и неясные ему сомнения, или раздражение, или осуждение других, вообще — внутреннее расстройство, не сопровождающееся однако духом самоукорения и покаяния.

2) Не должно полагаться и на такие молитвенные и иного рода подвиги, личные и общественные (напр., богослужebные), которые удовлетворяя вкусу подвижников, причиняют только одно огорчение его ближним и возбуждают в них, а затем и в нем самом, злобу и ссоры. Таково, например, слепое следование Уставу в совершенно неподготовленном приходе, резкие обличения в проповеди на первых же шагах пастырства, неумеренный пост, производящий раздражительность, семейные ссоры и т. под.

3) Не спасительна молитва, если подвижник услаждается не содержанием ее, а только продолжительностью, видя в ней доказательство силы своей воли и взирая на молитву, как на заслугу перед Богом, вопреки словам Христовым.

4) Не спасительна она и в том случае, когда молящиеся, а особенно пастырь, отделяя себя от общества, вопреки словам апостола (Евр. 10:25), и считая себя выше церковной нормы, горделиво измышляют собственные правила для келейной и даже церковной молитвы. Известно, что лукавый враг, когда обольщает ревностных послушников, то именно через внушение им больших, самочинных молитвенных правил, вместо положенных старцем. Бывает, что к таким подвигам является особенно беспримерное усердие, но оно подерживается не чистой совестью, а тонким помыслом гордыни.

Если избегать описанных искушений, то, при усердном и внимательном прохождении молитвенного подвига в храме и доме своем, пастырь вскоре будет награжден от Бога этим даром третьего, высшего рода молитвы. Правда, Господь иногда будет испытывать его смирение и лишать его чувства молитвенного умиления, чтобы он понял, что оно дается от благодати Божьей, а не от достоинств человека.

Но все же в таких испытаниях Господь не надолго оставит пастыря, но облегчит его подвиг более, чем пустынножителем, имея жалость не только к душе самого пастыря, но и ко всем его чадам, которых молитвы и воздыхания приносит он к престолу Господню. Кто пожелает убедиться, сколь многих смиренных иереев и иерархов православного мира Господь обогащает сокровищем молитвы, тот пусть спросит у верующего народа о таких светильниках и, следуя его указаниям, он увидит, что в каждом городе, в каждом округе есть пастыри, молящиеся всегда со слезами, с восторженным умилением; дух их во время молитвы как бы выходит из тела и подобно огню исчезает в высоте небес, по слову псалмопевца (Ис. 118). И мы хорошо знаем, что сила нашей Церкви, обладающей многими миллионами умов и сердец, основывается именно на этих смиренных молитвенниках, что именно они суть колесница Израилева и кони его.

Свойство пастырской совести. Благодать хиротонии.

Мы сказали, что совесть пастыря объемлет собою всю паству, отождествляется с нею. Это значит, что отношение священника к нравственному состоянию своей паствы такое же, как и у всякого христианина отношение к собственной совести. У пастыря исчезает личная жизнь: он радуется духовным плодам своей паствы и плачет о ее падениях. Как женщина, сделавшись матерью семейства, теряет ощущение личной жизни и переносит ее в семью, как курица насыщается сытостью своих детей и, по-видимому, теряет инстинкт питания, когда едят ее птенцы, хотя сама наседка, высидевшись на гнезде, совершенно исхудала от скудости питания: так подобный же переход жизни или перерождение должно совершаться со служителем Церкви в таинстве священства, когда его, подобно брачующимся, обводя вокруг престола, венчают с Церковью, с его будущей паствой, для которой он является, таким образом, прообразующим Жениха Христа. Это, постоянно указываемая апостолами и отцами внутренняя связь служения пастырского с искупительным служением Пастыреначальника (1 Петр.5:4), Первосвященника (Евр.4:15) — Христа — утверждается тем крепче, что вышеупомянутое перелитие жизни пастырской в жизнь учеников или паствы отличается от всякого увлечения человеком своими занятиями, даже от материнского чувства — тем, что оно не ограничивается перевоплощением в естественный, обычный ход жизни того общества, которому пастырь себя посвятил, но стремится вознести последнюю ко Христу — говоря точнее, вознести ко Христу “заблудшую найдет овцу, ко Отцу приведет и своему хотению.”

Постепенное приближение духа ко Христу или постепенный переход от естественной жизни к благодатной, в связи с **подвигом пастырства** (проповедью этого благодатного возрождения во Христе и с духовным слиянием себя с учениками), — это **тема** большинства посланий апостола Павла; кроме того, она встречается в других книгах священного Писания. Здесь всего лучше можно убедиться в **аскетическом понятии** о пастырском служении в том, что успех последнего всецело обуславливается созиданием духовной жизни в совести самого пастыря; отсюда она **свободно** изливается и на паству. Высокие примеры такого духовного воплощения пастыря в жизнь своей паствы стоят перед нами. Такие святители, как **Тихон** Задонский, **Стефан** Пермский, **Иоанн** Златоуст, сам апостол Павел, и еще до явления благодати — Моисей, Иеремия и Иезекииль, конечно, не составляли себе искусственного плана для действий: единство последних по духу обуславливалось всецело единством их постоянного настроения в смысле полного слияния их жизни с учениками. Действительно, все эти угодники были или прообразователями (Евр. 11:26; Мф.16:14), или продолжателями Христова подвига, заключавшегося в принятии на Себя естества человеческого и возведении его на первое блаженство.

Итак, из каких же элементов состоит эта духовная, благодатная жизнь, перенесенная Христом и усвояемая сопастырями Его для передачи верующим? Вот основной вопрос пастырского богословия. Из двух начал: из 1) **самоотречения**, и 2) **любви**. Первое есть начало отрицательное, очищающее в нашей грешной душе простор для второго, второе —

зигдущее, творческое^{*)}. Из этих-то двух начал состоит пастырское настроение, и в них одних заключается успех пастырства, т.е. способность духовного рождения. Мы сказали, что из области естественной к этому закону благодатной жизни всего теснее примыкает настроение материнское: и подлинно, посмотрите, как даже здесь в области обычных отношений, не иное что, а именно это самоотверженное слияние существа любящей матери со своим чадом является из всех естественных сил наиболее могучим рычагом нравственного отрезвления. Кому не известно, что порочный человек готов более повиноваться одному слову любви материнской, нежели целому арсеналу самых разумных убеждений людей, к нему равнодушных? Конечно, мы далеки от того, чтобы изгонять логику и доказательства из области нравоучения: нельзя отрицать, что влияние одной воли на другую усиливается при помощи науки, красноречия и т.п.; но ежедневный опыт может легко убедить каждого, что центр тяжести всякого нравственно воспитывающего влияния заключается в силе любви. Только этим и возможно объяснить, что одно слово святого, проникнутое пастырскою любовью старца, оказывалось действеннее риторских доводов, даже для тех, кому был неизвестен авторитет учителя благочестия. В том и смысл изречения, что наша проповедь *“не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы”* (1 Кор. 2:4); в другом месте апостол грозил еретикам придти, чтобы испытать *не слова возгордившихся, но силу* (1 Кор. 4:19). Воля влияет на волю, когда выходит из самозамкнутости себялюбия и, отрекаясь от него, любовью и состраданием сливается с волею брата. На этом законе зиждется вера в наши молитвы друг за друга и молитвы за умерших.

Подобным-то подвигом глубокой скорби о грехах наших в саду Гефсиманском и привел нас Господь в благодатное естество, когда *“с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти”* (Евр. 5:7). Свою страдающую любовь к людям Господь сравнивает именно с настроением любящей матери (Мф.23:37). Через этот подвиг страдающей любви Он становится близок нам, становится не только примером святости, но и **источником** святой жизни, твердой опорой во всех искушениях. **Сей-то подвиг определяет собою и сущность пастырства.** Конечно, последнее не оканчивается внутреннею жизнью священника, но проявляется во всех различных отраслях его деятельности, но внешнее само вытекает их совершившегося в его совести таинства и влияет силою не своею, а именно тем залогом внутренней благодатной силы, которая проявляется в словах и деятельности пастыря. Мы увидим сейчас из Писания подробнее, что пастырское настроение состоит именно из этих двух элементов самоотречения и любви, — из них и в них оно рождается, или совершается и в них заключается. Как Христос Спаситель явился на землю, *возлюбил нас прежде* (1 Иоан. 4:19), *когда мы еще были (грешниками) врагами* (Римл. 5:8-11), и для сего умалившись и *приняв образ раба* (Фил. 2:7): так содержание Его земной жизни были любовь и самоотречение, ибо Господь помазал Его *благовествовать нищим, послал исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать слепым прозрение и пленным отпущение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное* (Лук. 4); и *Он понес на Себе наши немощи и взял на Себя наши болезни* (Матф.8:17). Таков же был и исход Его, о котором Он говорил: *“неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?”* (Иоан. 18:11) — исход страданий и любви, всех

*) Свят. Тихон считает любовь вполне правоспособною учительницею благочестия: “Никто не может более Христа любить, как тот, который спасения ближнего ищет. Любовь сыщет слова, коими может созидать ближнего. Она представит способ и ум, и язык твой направит, и дело сие не требует красных речей, — единого **напоминания** требует” (т.2:319).

привлекший к подножию креста (Иоан. 12:32). Ту же участь, в посильной человеку степени, проходит и пастырь: можете ли пить чашу, которую я пью? Спрашивает Пастыреначальник у сослужителей, и поручает им пастырство под условием любви (Иоан. 21:16).

Определив общий характер пастырского настроения, рассмотрим его зарождение, его деятельность в церковной жизни и конечный его исход. Говоря о зарождении в нас пастырской жизни, Божественное Откровение и здесь обращается к сравнению с чувством материнским, состоящим из тех же двух свойств: самоотречения или страдания и любви, как и пастырство, причем оба эти свойства взаимно обуславливают друг друга, так что, при появлении одного, возрождается к жизни и другое. Материнская любовь, предваряемая муками рождения, в них, конечно, получает свой источник. Эти муки побуждают женщину, жившую, быть может, весело и беспечно, вдруг потерять всякий вкус к личной своей жизни и жить единственно своими детьми. Подобное именно явление приводится Св. Писанием для объяснения духовного пастырского возрождения учеников **Слова. Женищина, когда рождает, терпит скорбь** — говорит Господь: *потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Иоан. 16:20-22): здесь речь о свойствах и действии апостольского, пастырского возрождения в душах самих апостолов, но и зарождение нашей жизни в слушателях Слова совершается не иначе, как чрез ту же муку внутреннего самоотречения, самопожертвования: *“дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!”* (Гал. 4:19 и 2 Кор. 13:4), восклицает Его апостол.

Как ближе понять это духовное рождение? Мы сказали, что созидающею силой духовного рождения бывает любовь, но самая любовь, чистая и учительная, может родиться в нас не иначе, как путем **внутренней смерти, путем страдания**. Как первая любовь супругов возгорается до высшей степени, когда *оставит человек отца своего и мать свою* (Быт. 2:24), или как сказано в псалме: *“слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народ твой и дом отца твоего”* (Пс. 44:11): так точно и напряжение духовной любви является лишь плодом: 1) **мучительного отречения от жизни для целей мирских**, и 2) **самоотверженного посвящения себя Богу**. В этом именно смысле пр. Иеремия сравнивает удаление Израиля из Египта в бесплодную пустыню за Господом и последовавший затем религиозный его энтузиазм с первою любовью новобрачных, когда во второй главе говорит от лица Божия: *“Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестой, когда последовала за мною в пустыню, в землю незасеянную. Израиль был святынею Господа, начатком плодов Его.”* Такое же отречение от родства и привязанностей земных должны были испытать для сочетания с Богом, для рождения духовного: Авраам (Деян. 7:3), Иосиф (Пс. 104:17-24), Давид и все апостолы (Мф. 19:27). Для многих, призываемых к Богу, это духовное рождение пастырское соединено было с такими муками отречения от жизни, что они усиленно от него отрекались, как Моисей и Иеремия, жаловавшийся Богу на мучительность этого духовного прозрения; но в этих самых жалобах мы видим и проявление второго элемента пастырства, той снадобной любви, которая в самых исповеднических муках находит наслаждение и потому не дает человеку возможности отречься от своего призвания: *“Ты влек меня, Господи, и я увлечен; ты сильнее меня, и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, — кричу о насилии, вопию о разорении; потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал*

я: не буду я напоминать о Нем, и не буду более говорить во имя Его: но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог” (Иер. 20:7-10). Унижение, и позор, и мука предваряют проповедь о Боге “в собрании великом” по смыслу псалма 21, где эта проповедь является непосредственным плодом мучения. Тот энтузиазм религиозной любви, который является плодом посвящения себя Богу, описан всего картиннее в книге Песни Песней. Только жалкая неспособность понимать духовную жизнь и скудость в библейской начитанности¹⁾ возбуждали подозрения против духовного характера этой книги. Кто был хотя один день пастырем Церкви, тот понимает, с какою художественною жизненностью переданы там оттенки церковно-религиозного чувства: тот увлекающий восторг, то забвение всего, кроме богопреданных духовных чад, та бесконечная нежность, тот опасливый трепет за души (“до ревности любит дух” Иак. 4:5), та неспособность на миг отделиться душой от своей таинственной оброчницы — Церкви, одним словом все те чувства, которые испытывает пастырь во время самого посвящения и первых шагов пастырской деятельности, пока не затмил дара благодати священства, полученного в хиротонии. Тут ему становится понятным и обрядовое сходство последней с союзом брачным по подобию тех чувств всепрощающей, горячей любви, которые соединяют как мужа с женой, так и священника с паствой. Понимает он, почему и Отцы Церкви, столь далекие от всякой чувствительности, так любили вспоминать это подобие словами кн. Песни Песней, соображая духовное с духовным.

Может быть читателю покажется, что мы слишком далеко пошли в область отвлеченного? В таком случае отвечу ему, как будущему пастырю: **“не понимаешь ныне, уразумеешь же потом.”** Но возвратимся к наличной жизни и дадим место могущим возникнуть недоумениям. Да бывает ли теперь такое таинственное рождение духовной любви в таинстве священства? Отчего о нем ничего не пишут и не говорят теперь? Неужели громадное большинство принимает священство неправильно? И тому подобное.

То, как неправильно смотрит на самую задачу пастырства большинство его кандидатов, мы видели раньше: истинные пастыри, которых у нас, конечно, немало, вырабатываются, к сожалению, вовсе **не школою** и не школьными воззрениями, а **самой жизнью**, и они, надемся, не иных воззрений держатся. Если же к этому прибавим, что и существующие-то в представлении кандидатов священства религиозные идеалы далеко не всегда идут далее теоретических представлений, ибо далеко не все они принимают священство по призванию, но многие из-за куска хлеба: то пойдем, почему практика для нас вовсе не может служить в данном случае показанием правильного хода дела, являясь почти сплошным от него отклонением. — Но нам могут поставить такое возражение: хорошо, я имею намерение и решимость самоотверженно отдаться служению Богу и подавлять на всяком шагу искушения себялюбия и гордости, но неужели во мне действительно появится такая горячая любовь и при том несомненно еще любовь не к кому другому, а к своей пастве? Я готов верить в благодать хиротонии, но такой могучий переворот для меня является решительно загадкой. — Подобные возражения у нас возможны потому именно, что любовь к людям посторонним и горячее участие в их нравственном благосостоянии кажутся нам, при современном строе жизни, по преимуществу недостижимыми добродетелями, а кажутся они нам таковыми по той причине, что, несмотря на постоянные современные издевательства над средневековым византизмом, на самом деле весьма почтенным, хотя и не совершенным мировоззрением, наше религиозное сознание, к сожалению, воспитано со-

¹⁾ Разумею книги пророческие, особенно Иерем. 2 и след. И Иезек. 16 и след, где в не менее рельефных картинах половой любви изображено отношение Бога в Израилю.

вершенно в направлении этого исключительно отрицательного склада духовного саморазвития, исчерпывающегося в одной борьбе со страстями и мало знающего о положительных плодах царствия Божия, о той жизни радостной любви к людям, которая заповедывается первыми стихами большинства апостольских посланий и проникает собою как проповедь Вселенских учителей, так и богослужебную литературу.

Если же мы примем во внимание, что речь у нас о самоотречении, не формальном и бессодержательном, но во имя Христова и во имя дела Христова на земле, ясно нами представляемого, то понятно, что насколько само наше религиозное чувство из рабского переходит в самочувствие друзей Христовых, согласно с Его обетованием тем, кому Он открыл Свою волю (Иоан. 15:15), насколько и та часть Его духовного царства, которая вручена Духом Божиим нашему отеческому попечению, становится уже тем самым столь же дорогим нашему сердцу достоянием, как матери ее новорожденное дитя, прежде чем она успела его увидеть, и только потому, что это — ее дитя. Так же точно и пастырь, прежде чем узнать свою паству, уже горячо ее любит, любит, не разбирая добрых от злых, и даже последних больше, ибо *“не здоровые, но больные требуют врача,”* как сказал Христос Спаситель.

Слово Его исполнял известный праведник Серафим Саровский, с тем большею нежностью принимавший приходившего к нему, чем более тяжким грешником тот оказывался. Вопреки свойству естественных филантропов, откровенно признающих, что питая любовь к отвлеченному человечеству, они именно ближних-то, окружающих не только любить, но и переносить-то часто не могут, — вопреки этому естественному взаимному отвращению людей, не умерших греху себялюбия, — самоотверженный пастырь весь исполняется любовью к своим духовным детям и общение с ними предпочитает всякому иному утешению, по слову Пастыреначальника, Который однажды *“обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои. Ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать”* (Марк. 3:34,35).

Чтобы привести еще подобие, могущее объяснить зарождение этой благодатной любви из решимости умереть для плоти и жить для Христа и Церкви, укажем на девицу, доверчиво преданную родителям и расположенную любить, но жившую в уединении, как это было в древнерусской жизни. Отец обещает ей привести жениха и обещает ей с ним супружеское счастье: нужно ли говорить, что душа ее сразу же прилепится к жениху и даже раньше, чем она его увидит? Подобное бывает со служителем Слова. Он любит свою будущую паству не за ее добродетели, не одевает ее в своем воображении ореолом святости, но знает, что она есть порученный для его благодатного возделывания Божий виноградник, он верит, что здесь будет действовать благодать; он уже заранее предвидит могучие движения последней, он видит во врученной ему местной Церкви ее истинного жениха — Христа, видит Христову домостроительную десницу, открывающуюся ему во всех явлениях, во всех слышащихся на исповеди признаниях. Может ли он не любить паству до самозабвения, до совершенного отказа находить себе счастье в чем-либо другом? — Подобное обнаружение любви Божьей находит почти современный нам христианский поэт (Ал. Толстой) даже в жизни природы, если созерцать ее очами отрешенности от мирских страстей и духовного единения с Господом:

“Меня, во мраке и пыли
Земли влачившего оковы,
Порывы духа вознесли
В отчизну пламени и слова.

И с горной выси я сошел
Обвеян весь ее лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Немолчный всюду раздается
И сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой
С любовью в листья сок живой
Струей подымается певучей.
И вещим духом понял я,
Что все, рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К Нему вернуться жаждет снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону.
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно Начало
И нет на свете ничего,
Что бы любовью не дышало”.

В жизни человеческой не все дышит любовью, но все призывается Христом к любви. Это призвание отыскивает Его служитель во всех явлениях нравственной жизни паствы, созерцаемой с точки зрения ее идеала, — и он всецело отдается на служение последнему с восторженным увлечением первой любви духовной, благодатной.

Кто еще не убедился подобными поэтическими изображениями первого энтузиазма духовного просветителя, тот пусть узнает еще более удивительное. Дело в том, что Господь облегчает тяжелый крест пастырства не только тем, что пробуждает пастырскую любовь с такою силою на первых шагах служения Церкви, но и пастве или слушателям влагает сначала и любовь, и доверие, и даже восторженное благоговение к Его служителю. Великими проповедниками были такие Святители, как Григорий Богослов, Иоанн Златоуст или Дмитрий Ростовский, но едва ли не сильнейшим духовным восторгом проникнуты их слова при вступлении на паству. По содержанию этих слов видно, что и народ их встретил с восторгом, что он сразу усвоил их любвеобильное пастырское попечение. Да не тот ли мгновенный восторг народа встретил первые слова проповеди самого Пастыреначальника и Его Апостолов, в обоих случаях сменившийся впоследствии или ненавистью, или холодным равнодушием большинства? Не о первых ли по преимуществу порах проповеднического служения Господа говорится, что *множество народа слушало Его с услаждением* (Марк. 12:37), что народ отовсюду сбегался *слышать слово Божье* (Лук. 5) не тогда ли рыбаки бросали сети свои и дома родителей своих, чтобы идти во след новому Учителю? те самые рыбаки, которые затем с той же легкостью разбежались от Него в день испытания? — Но вот их освятила благодать, чтобы продолжать дело своего Божественного Наставника и испытать на себе Его участь, согласно Его пророчеству. Что же? Их

первая проповедь побуждает креститься сперва 3000, а потом 5000 людей; а духовная радость о славе Божьей делает их совершенно нечувствительными к первым гонениям фарисеев, ибо, конечно, не эти последние, не внешние для Церкви враги, а жизнь самой паствы готовила им самую горькую чашу страданий, как и Моисею не упорство Фараона и его угрозы, а дальнейшее уже неразумие Израиля в пустыне, доведившее его почти до отчаяния. Апостол Павел точно так же упоминает о первоначальном духовном озарении учеников, даруемом им на первых порах общения со служителем Слова, в послании к Галатам: *“хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы... приняли меня как Ангела Божия, как Христа Иисуса. Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне”* (4:12-15). Вот как далеко простирается подобие участи пастырской с жизнью семейною, где, так называемая первая любовь или первый месяц представляют собою явление, весьма родственное, почему к ней и приравнивает пророк духовную ревность выведенных из Египта иудеев, как мы слышали раньше (Иер. 2). — И Господь поныне не лишает Своих служителей такого дара взаимной духовной любви на первых порах их служения, и опытные в духовной жизни старцы это знают. К одному из них явился однажды молодой пастырь через год после своего посвящения при переходе на новое место, как ему казалось изгоняемый или выживаемый за правду. Старец, простой монах-самоучка из крестьян, ослепший через несколько лет по вступлении в обитель совсем молодым человеком и подвизавшийся в монашестве около тридцати лет, беседовал о спасительной силе скорбей и несчастий, перенеся которые человек приобретает ничем не возмутимый внутренний мир и радость. “Я так теперь всегда доволен и радостен, как никогда не бывал, будучи мирянином — говорил он. Слепота моя меня не только не огорчает, но напротив, — я всегда с искренним усердием прошу Господа, чтобы Он навсегда меня оставил слепым, дабы я, не развлекаясь суетою разнообразных зримых вещей, мог духовным зрением углубляться в созерцание Его судеб. А ведь сначала как я скорбел о потере зрения, как плакался Богу на свое горе: видно Господь лучше нас понимает, откуда мы стяжаем истинную радость.” — А мне, батюшка, такая духовная радость дана без подвигов, отвечал собеседник в самом посвящении, и это меня весьма смущает, потому что я иногда в этом вижу обольщение (прелесть), ибо знаю по Отцам, что добрые дела **трудом делаются и скорбями приобретаются**. У меня как будто и есть скорби отвне, да я их не чувствую, и все весел: вероятно это искушение врага. “Нет, мой милый, отвечал старец: скорби тебе предстоят еще, и великие скорби, а этой радости не смущайся, — просто Господь хочет тебя привязать к Себе, чтобы ты потом не отступал от Него, не впадал в уныние.” — Мысль старца о такой цели Божественного промышления понятна: ею же, конечно, руководился Дух Божий, когда, по свидетельству Деяний Апостольских, ниспосылал дар пророчества и дар языков новокрещенным, еще ни в чем не подвизавшимся, а только расположившим сердца свои к принятию евангельских глаголов. Длинная, тяжелая борьба предстоит служителю Слова: что противопоставит он миру, с которым нужно бороться, если не воспринятое свидетельство Духа — Обличителя мира (Иоан. 16:8)? Какими духовными ощущениями будет он подавлять предсказанные пастырям обуревания врага (Лк. 22:31) и печали за слово (Иоан. 16:20), если бы он не воспринял ощущений благодатных, если бы Господь не дал ему предвкусить радости общения с ним, торжествующей над всяким лишением и мучением от мира? Без подвигов и трудов, за одну решимость жить для Бога, Господь в благодати священства дает человеку вкусить того величайшего дара взаимной любви духовной, в коем будет заключаться наше вечное блаженство в будущей жизни. Вкусив сего дара, пастырь имеет возможность взирать на

все явления жизни “новыми очами,” т.е. все их сцепления объяснять не по обычным вещественным соединениям случайных причин и следствий, но с точки зрения вечной борьбы злого и доброго начала, мира и Христа, и победы Христовой над миром. Может быть, самое ощущение любви, а особенно взаимная любовь паствы, удаляется от него на время, дабы он возвратил их уже подвигом упорной работы над своею духовной жизнью, но сознательная убежденность в несокрушимую действенность благодати, благодатной любви останется при нем. Он будет стремиться воссоздать в себе и вокруг себя эту любовь, как единую достойную цель жизни, и искать ее, как невеста скрывшегося от нее на время жениха Песни Песней.

На этом закончим письмо, в котором мы постарались раскрыть общее понятие о духе пастырском и затем, в частности, — свойства его зарождения в человеке через принятие благодати священства; свойства эти — самоотверженная решимость отдать всего себя на служение Христу и Церкви, а плод ее — дар горячей духовной любви к пастве и притом по большей части — любви взаимной. Дары эти еще не окончательные, но, как данные отвне — подготовительные и часто временные, ради усвоения человеку опытной веры в силу благодати для победоносной борьбы с миром и через то упрочения сих даров, как уже постоянных, неотъемлемых свойств истинно-пастырского духа.

Испытания пастыря.

Мы постарались показать, в чем заключается раскрытое в св. Писании зарождение пастырского духа и какие первые плоды его в церковной жизни. То и другое суть явления особенные, исключительные, представляющие собою по внешнему своему характеру не столько первую ступень постепенно поднимающейся вверх лестницы духовной жизни, сколько — некоторое предвкушение всего существа этой жизни, поэтический порыв в область “духа и силы.” Порыв этот останавливается при первых ударах или переутомлений, и тут пастырь входит, так сказать, в нормальные классы жизненной школы. Очарование исчезает, остается лишь ясное представление конечной цели своих стремлений и смиряющее, а иногда тягостное сознание своей внутренней — личной и обще-приходской отдаленности от нее. Это сознание является при первых ударах: но неужели они могут так сильно повлиять на человека, уже к ним приготовившегося? Не самоотречение ли избрал он основным девизом своей жизни? — ведь он не ищет счастья, но подвигов: почему же упадок духа? Откуда унылость лица? Чем объяснить общую подавленность по охлаждении первых порывов?

Здесь разгадку может дать лишь тот, кто собственным опытом прошел эти искусы. Дело в том, что помянутые удары падают всегда на ту сторону, на которую именно человек не ожидал, или которую одну он считал чувствительною, решившись терпеть раны на всех остальных. Он или тщательно оберегал эту Ахиллесову пятау или вовсе не знал об ее существовании у себя, — и вот по ней-то и раздается удар жизненного бича именно по тому месту, на котором выносить боль служитель Церкви не приготовился.

Священная История раскрывает нам множество примеров того, как избранники Божии были бичуемы Его воспитывающим жезлом именно по единственному чувствительному месту, и притом по большей части после минут вдохновенного восторга. Это-то их и повергает в то смиренное сознание своего недостойнства и безответственности пред Богом, которое вводит человека в благодатную жизнь. Таково повеление во всем покор-

ному и непривязчивому даже ко своей родине Аврааму — изгнать одного сына в старости своей и затем принести в жертву другого, любимого; таков обман в браке долготерпеливого и многотрудного Иакова, ранее лишение любимой жены и наконец горестная потеря лучшего сына. Таковы же явления неблагодарного коварства в жизни Иосифа и Моисея со стороны не врагов, но именно тех, кому они самоотвержением служили. Вспоминать ли еще жизнь Давида, Илии пророка, Иеремии, ап. Павла и прочих избранников, самоотверженно приготовившихся нести скорби за слово Божье, но встречавших горести не от врагов, а от тех немногих, кого они считали своими, и именно в то самое время, когда они с опасностью жизни творили им добро: ни один пророк не умирает вне Иерусалима (Лк. 33:13), — сосредоточия царства Божия.

Здесь мы находим раскрытие в примерах истории того же дела Божественного испытания и воспитания, которое перенес на себя Иов. Враг искал именно того, чтобы было особенно тяжело ему перенести и не сразу находил это, но ухищрялся в искусстве преодолеть терпение праведника. Иов не был корыстолюбив и горд, не был пристрастен к светским наслаждениям или к женщинам (Иов. 30:25-26; 31:7-34): только дорогого в жизни он и имел семью да светлую веру в победу правды над силой, он не боялся бы и смерти при сохранении этих двух богодарованных сокровищ: но их-то именно вырывает у него враг, *“ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигало меня, и чего я боялся, то пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады”* (3:25-26, ср. 13:20-23). — Тяжесть ударов заключается именно в том, что они колеблют внутренние основания веры в силу Божественного закона; в этом смысл жалобных псалмов, как 38, 40, 72, — 20-й гл. пр. Иеремии и известной жалобы Богу пророка Илии после коварного замысла неблагодарного и упорного царя, искавшего убийством воздать спасителю народа от голодной смерти: *“довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих... ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих избili мечом”* (3 Ц. 19:4-10). Уязвляемые в самые нежные струны своего сердца, служители Божии посылно испытывали по мере сил своих то, что и Господь их, когда, подавляемый непроницаемой тучей мирового зла и оставлением от Бога, *Он начал ужасаться и тосковать, и сказал им: Душа моя скорбит смертельно”* (Марк. 19:33), и затем в предсмертных муках возопил: *“Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?”* (Мф. 27:46).

Благодать Божья как бы оставляет и теперь на время последователей Христовых, давая им вкусить ту муку, которая тогда остается на долю насадителя правды евангельской. Самый корень жизни его будто бы подсекается, он вдруг видит бессилие в жизни своих благодатных полномочий и даров, по крайней мере в той степени, в которой он их усвоил, и если ничто другое его не привязывало к жизни, то он совершенно задыхается, умирает от горя, и притом тем более с тягчайшею мукою, чем крепче и безраздельнее был он предан делу Божью. Напротив, те служители веры, которые принимались за свое дело не с отречением от всякой другой цели жизни, при первом испытании скоро падают и переходят в разряд сакрификатов и либеллатиков, уверяются в невозможности исполнять церковные обязанности и, немного попечалившись, окончательно сливаются со служителями мира, лишь по внешним приемам деятельности причисляясь к проповедникам царства Божия. Трагические моменты таких испытаний замечены даже вышеназванною неприхотливою литературой, описывающей деятельность священника. Так, герой рассказа Ливанова встречает жестоко легкомысленное предательство со стороны дорогого ему и полюбившего было его народа, — когда явился расколуучитель; подобный ему священник в “Записках” Мещерского несет скорби от любимейшей для него школы. Романический

герой повести “На действительной службе,” встречает наисильнейшего, хотя и пассивного, противника своим намерениям в лице давно возлюбленной жены, — а глубоко церковный тип “Соборян,” тип иерея-законника в лучшем смысле этого слова, является караемым за правду от церковной же власти, пред которой он так искренне благоговел. Конечно, авторы названных повестей не имели в виду показать приложение этого вечного закона жизни и едва ли подозревали значение последнего, но случилось то же явление, которое по другим поводам указывалось в русской изящной литературе, именно, что художественный гений помимо сознания автора через картины реальной жизни сам собою раскрывает непреложные законы бытия.

Главнейшие виды этих жизненных ударов, из которых слагается пастырское развитие, сообразны с характером Ахиллесовых пят человечества: ненависть или непонимание и неблагодарность паствы, **вражда с родными по плоти**, непонимание или намеренное преследование со стороны власти, или клевета сотоварищей. Отчасти они перечислены в предсказании Господнем Апостолам: *“будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое... преданы также будете и родителям, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят. И будете ненавидимы всеми за имя Мое”* (Лук. 21:12-17). Чаще всего бывают печали от сотрудников по служению Слова и это надо предвидеть и по силам стараться предотвращать. Но прежде, чем коснуться наличных проявлений этого закона церковной жизни, исследуем, в чем заключается его значение и цель. Разочарованных идеалистов довольно видел всякий среди священников, но многие ли понимают значение этих жизненных ударов, по-видимому, столь принижающих нравственное сознание деятелей? “Чего ради пришла эта погибель?” спрашивает себя наблюдатель жизни, слушая плачевные жалобы униженных и оскорбленных пастырей, так часто навсегда лишенных необходимой в деле пастырском бодрости и даже веры в правду. Это уже не страдание добровольного отречения от жизненных благ, с чего начинается пастырский подвиг: нет, здесь крест, посылаемый отвне, здесь скорбь не только о своем несовершенстве, но гораздо более — о деле Божьем, о жестокой неблагодарности, наглости и коварстве человеческом, о кажущемся бессилии в жизни лучших, святейших намерений служителя Христова.

Пусть не все падают под бременем этих скорбей, но посмотрите, как они влияют на деятеля: в лучшем случае восторженная ревность первых шагов сменяется терпением, твердостью и незлобием, но решимость на прежние могучие порывы большею частью исчезает. Даже на апостолах Христовых отражается это смягчающее и смиряющее действие жизненных испытаний. Не сразу можно узнать Сына Громова в кротчайшем Старце, писавшем Послание к Гаию и Госпоже, уже не огонь хочет он низвести с неба для попаления нечестивых, но одной любовью учит спасаться. Такая же мягкость и как бы согбенность замечается в последних Посланиях апостола Павла, напр., в Послании в Филимону, сравнительно с громоносными глаголами к Римлянам и к Коринфянам. Та же перемена и в духе слов Петровых. Смотреть ли на подобное явление, а следовательно и на причины его произведшие, т.е. удары жизни и разочарования, — как на зло, или как на добро? Слово Божие и жизнь согласно учат, что это добро, а не зло. Дело в том, что во все, даже добрые наши намерения входит много себялюбивого, страстного, от чего необходимо очистить благодатное призвание служителя Божия, как изгарь отделяется от чистого металла в переплавлении, с чем и сравнивали пророки Божие испытание.

Действительно, как ни безраздельно бывает молодой иногда человек предан своей идее, но эта его преданность, хотя и соединенная с решительною готовностью отдать свою

жизнь за Христа, еще далеко не чиста от страстных примесей; мало того: она при всей своей искренности может бессознательно выходить из других, часто естественных побуждений, которые при встрече с иной обстановкой сложились бы в призвании совершенно иного характера, напр. в героизм воинский. Всякое дело, которому служат люди, едва ли половину их деятельности получает именно для себя, а другую половину его, или даже 99 сотых человек производит при несознательном служении своим собственным вкусам, страстям или прихотям. Вот почему говорили отцы: если иной монах слишком сильно стремится к небу, то надо держать его за ноги или даже стащить на землю. Так ли любил Моисей свой народ, когда убивал Египтянина сравнительно с тем, как следовало любить, как его научило любить продолжительное изгнанничество? То же самое значение имеет в жизни патриархов продолжительная бездетность, изгнание и жертвоприношение детей, пятеричные ошибки в назначении прав первородства и т.д. Да посмотрите и на теперешние типы молодых ревнителей веры: разве они чужды страстного начала в своем религиозном подвиге? Разве отстаивание пастырского авторитета не льстит в них беса гордыни? Разве стояние за правду пред старшими не приближается к чисто студенческому стремлению все делать по своему? Разве подавание пастырских советов и произнесение проповедей не надмевают сердца говорящих тщеславием? Разве не приходится замечать, что в священнослужении юные пастыри чувствуют себя не столько слугами таинств, сколько духовными начальниками народа, видят пред собою не Господа Бога, к Которому взывают, но простолюдинов, мирян, которые благословляют? Итак, если бы оставить этих пастырей без вразумляющего жезла Божия, то конечно терния естественного, ветхого человека заглушат в них семя благодати, а вместе с тем остановится и духовный рост паствы, который возможно поддерживать лишь силами внутренними, духовными, благодатными, а не искусственными (Кор. 4:2).

Вот почему то же слово Божие учит, что терния пастырского служения не только не умаляют его пользы, не только необходимы для совершенствования пастырского дела, но они представляют собою самый рост последнего, в них-то именно и выражается действие благодати, как посредством воспитания самого пастыря, так и в непосредственном его значении для паствы. Подтвердим этот общий взгляд на действующую силу служения пастырского из Библии, а затем при помощи ее же рассмотрим его частные проявления в жизни, подтвердив его примерами истории и современности. Остановимся на двух только священных книгах — прор. Иеремии и на Послании к Коринфянам. Иеремия был по преимуществу пастырь народа, отождествивший свое благо с религиозным настроением паствы и переживавший его как свое собственное, почему Израиль и считал Спасителя за воскресшего Иеремию, опираясь, быть может, на известное видение Иуды Маккавея (2 Мак. 15:14-16). Ему суждено было встречать постоянное жестокосердие народа к проповеди закона Божия, он готов был усомниться в верности Божией и вот слова его вопля к Богу: “Ты знаешь, что ради Тебя несу я поругание. Обретены слова Твои и я съел их и было слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего, ибо имя Твое наречено на мне, Господи, Боже Саваоф. Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился; под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко; ибо Ты исполнил меня негодования. За что так упорна болезнь моя и рана моя так неисцелима, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою? На сие так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоить пред лицом Моим; и если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста. Они сами будут обращаться к тебе, а ты не будешь обращаться к ним. И сделаю тебя для этого народа

крепкою медной стеной” и т.д. (Иер. 15:15-20). Здесь все: 1) и указание на первый энтузиазм, 2) и на сменяющее его под ударами человеческой злобы **уныние**, 3) — и благодетельное значение этих ударов, как для: а) благодатного просветления самого проповедника, так и для б) обращения к истине его непокорных слушателей. **Как объяснить эту тайну?** Действительно, как понять, что мучительный **неуспех** проповеди есть в то же время и **успех**, что болезненно переживаемые пастырем проявления жестокости народной в то же время носят в себе семя грядущего духовного обновления паствы? Что касается духовного возрастания самого пастыря при помощи этих средств, то мы, пожалуй, легко поймем, почему горести и несчастья, принимаемые с покорностью, являются сильнейшим и незаменимым к тому средством, по слову апостола, что внутренний человек обновляется в нас лишь настолько, насколько тлеет внешний (2 Кор. 4:16), что искусство в нас производится терпением (Римл. 5:3), и участие в святости Божией мы получаем лишь через наказание (Евр. 12:10) и жить вечно можем не иначе, как сораспявшись Христу) Гал. 2:19-20).

Все это, пожалуй, понятно, понятно и то, что прошедшая горнило огорчений спокойная и смиренная покорность Богу основательнее, чем первая восторженность новообращенных, как пишет Апостол к Римлянам: *“ныне ближе к нам спасение, нежели, когда мы уверовали”* (13:11): **но как объяснить, что скорби и оплакиваемые нестроения** могут быть **полезны для паствы**, для строения тела Христова, **и притом непосредственно**, а не в смысле только дальнейших проповеднических плодов той духовной опытности, которую стяжал скорбями сам пастырь Церкви? Что означают слова Христовы: *“Если Меня гнали, будут гнать и вас: если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше”* (Иоан.15:20). Какая связь между тем и другим? На это отвечает апостол Павел во 2-ом Посл. к Коринфянам: *“смерть действует в нас, а жизнь в вас”* (2 Кор. 4:12), т.е. духовное умирание пастыря дает жизнь не только ему, но и пастве: между ним и паствой существуют **таинственные связи, передающие жизнь даже помимо отношений внешних, которыми, следовательно, далеко не исчерпывается область воспитательных воздействий пастыря**, ибо хотя без них не обойдется отеческая любовь его, если она не самообольщение, но много ошибается тот, кто будет **лишь** по внешним своим отношениям судить о жизни паствы, никуда не поведет его такой взгляд, кроме как **к иезуитизму**. Напротив, как в отношении к нам возрождающей благодати высшею силою является Христова страсть. Его истощение, через которое живущие уже не для себя живут, но для умершего за них и воскресшего (2 Кор. 5:15): так и соратники Его на ниве Божьей (1 Кор. 3:9) столько вносят добра в жизнь, сколько имеют в себе духовной жизни. Внешнее общение, конечно, не будет покинуто ими, но всякий пастырь, сознательно наблюдающий свою деятельность, может удостовериться, что истинные успехи духовного делания его в пастве с математической точностью показывают собой не количество и ловкость употребленных им приемов, но показывают собою количество той духовной жизни, с которою он обратился к делу. Расположение внешних условий здесь решительно не причем: слово Божие не вяжется (2 Тим. 2:9), и Бог Сам дает уста и премудрость, чтобы противящиеся не могли отвечать (Лук. 21:15). Упомянутый выше слепец-старец, благословляя одного молодого монаха, по окончании курса, на общественную деятельность, а именно в смотрителя духовного училища, говорит: *“Поезжай, работай, но духовной жизни не оставляй и помни, что никогда ты не сделаешь добра ни больше, ни меньше, чем сколько будет его в тебе самом.”*

Непонимание испытаний. Исход Пастырского делания.

Так долго мы раскрывали эту истину о значении скорбей и печалей, как не только средства к духовному возрастанию пастыря, но и совершающей силы духовного рождения христиан, эту, по-видимому, и без того простую мысль — дабы полным раскрытием ее утвердить читателей в том далеко не простом, но страшно трудном деле, чтобы они практически смотрели на бедствия своей жизни именно таким образом. *“И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется”* (Иоан. 14:29), говорит Христос Спаситель, объясняя подобную истину жизни, как труднейшую для практического усвоения. Трудность эта заключается в искушениях жизни к приемам другого рода, особенно характерно проявляющихся на примерах современной деятельности пастырей, на которых мы обещали остановиться в разъяснении главной мысли. К этим искушениям жизни мы и обратимся. Насколько они серьезны, видно из того, что враг решился приступить с ними к самому Сыну Божию воплотившемуся. Итак, мы вступаем в борьбу со страшною силой, которой только христианская истина не поддается; поэтому последняя и противопоставляется всякому мирскому началу как единственная, действующая на свободу через воззвание к жизни лучших сторон души человеческой. Желающих ознакомиться с истинным значением искушений Спасителя отсылаем к поэме: “Великий Инквизитор”; искушение действовать насилием мы разбирать не станем, ибо уже достаточно выяснено, что **пастырство допускает воздействия только на совесть**, но и здесь является соблазн **действовать** косвенно, а не прямо, **не истиною слов** и воодушевляющих примеров, а **через духовное порабощение совести авторитету**, от чего предостерегал апостол Петр пастырей, умоляя пасти *“Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним непринужденно, но охотно... и не господствуя над наследием Божьим, но подавая пример стаду”* (1 Петр 5:2-3). Господство разумеется здесь, конечно, чисто духовное, ибо о другом тогда и речи не могло быть. Но как трудно бывает отказаться от такого рода господства, **т.е. от подавления совести ближнего своим авторитетом**, вместо воспитания ее? Как сильна должна быть вера в слово Божье, чтобы при виде легких успехов, коими пользуется всякий пастырь, вступивший на такой путь, сохранить однако уверенность в их тщетности — призрачности и не придти в отчаяние при виде собственных неудач. Часто бывает, что любовь, самоотвержение и всепрощение именно тем менее ценятся людьми, чем они выше и чище, чем меньше в них примеси лести, или себялюбия или обмана. На эту участь и жалуется Св. Павел: *“чрезвычайно любя вас, — пишет он своим ученикам, — я менее любим вами... Ибо чего мне у вас недостает пред прочими церквами, разве только того, что сам я не был в тягость? Простите мне такую вину”* (Кор. 12:13-15). *“Согрешил ли я тем, что унижал себя... что безвозмездно проповедовал вам Евангелие Божье? Вы терпите, когда кто вас поработает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда бьет вас в лице. К стыду говорю, что на это у нас не доставало сил”* (11:7-20). (Мало умеют люди оценить любовь, но легко преклоняются пред хитростью и важностью). Истинному пастырю придется постоянно видеть не только предпочтение других себе, но и прямо измену, и притом именно со стороны тех, кого он горячее и самоотверженнее любит. Поведет он борьбу, конечно, духовную, — с врагами Церкви и увидит, что никем иным будет он предан, как разуверившимися при виде его смирения друзьями, ибо

и Иуда предал Спасителя, наскучив Его смирением. 1) Это первое искушение — собственно от учеников. 2) Второе искушение **от сотрудников.**

Новый способ деятельности пастырской скоро возбудит зависть и ненависть в недобрых сопастырях, и притом иногда тем сильнейшую, чем смиреннее, искреннее и прощнее будет человек работать; он тогда будет тем чувствительным живым укором для них, каким был Спаситель для фарисеев (Прем.2). Известно, что труднее всего сохранить дружбу сопастырям: даже Павел и Варнава впали в искушение распри. Но всего сильнее это недружелюбие обрушится на пастыря, прямо идущего к предначертанной Божественным учением цели: припомните жизнь св. Григория Богослова, И. Златоуста, Максима Исповедника, Максима Грека, св. Митропол. Филиппа, Патриарха Никона, Митрополита Арсения Мацеевича; от кого терпели они сильней всего? Не от своих ли сопастырей? Но **эта вражда опасна** тем именно, что она осыпает клеветами самые средства истинной пастырской деятельности, обнаруживая в них несуществующее лицемерие, лесть или потворство (Иоан. 7:12) с такою настойчивостью, что сам служитель Божий начинает сомневаться в правильности своих действий и часто замыкается в полную бездеятельность и уединение, опасаясь, что обвинители действительно правы, обличая его в тщеславии. Это искушение как раз противоположно предыдущему и оно весьма, весьма часто встречается в современной жизни (постигло оно и о. Туберозова в “Соборьях”). Таким пастырям надо помнить, что открытое служение есть их обязанность: *“горе мне, если я не благовестую”* (1 Кор. 9:16) и что **бороться с искушениями тщеславия путем отречения от обязанностей они не имеют права**, но должны достигать этого иным путем, а именно “убивать духом плотские дела,” по Апостолу, (Рим. 8:13), т.е. преуспевая в **дейтельной** любви умерщвлять ветхого человека. Пути спасения два; один — отрицательный — убивает внешними способами ветхого человека и страсть и тем дает жизнь новому человеку, а другой — питает любовью нового человека и тем умерщвляет ветхого: *“поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти”* (Гал. 5:15), говорит Апостол. Пять только было хлебов у апостолов, говорит блаженный Августин: но когда их стали раздавать во имя любви голодным, то остатков собрали двенадцать корзин; поэтому буду и я делиться малым запасом своей духовной опытности, чтобы тем умножить любовью и самый ее запас (См. его “Христианская наука”).

Ясные подтверждения правильности таких пастырских воззрений скоро будут предьявлены жизнью прихода, которая не только доказывает их неложность, но и сама по себе дает пастырю бодрость и силу, п.ч. для истинного пастыря понятны слова апостола любви: *“Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине”* (3 Иоан 4). Но сохраняя твердую непоколебимую веру в правильность своих взглядов, **пастырь должен** со всею силою остерегаться противопоставлять **в своем сердце себя лично своим противникам**, как олицетворенную святость живому пороку; напротив, он должен сохранять уверенность, что хотя неудачу встречает он именно с тех сторон, куда он вложил наилучшие чувства своего сердца, самая возможность этой неудачи обуславливается для него тем, что и у него на душе не все было чисто: пусть он был прав пред неблагодарной паствой, но **Господь устроил бы так**, чтобы она **иначе** к нему отнеслась, **если бы душа его была тогда совершенно непричастна всякому греху**, а потому при всех столкновениях и неудачах **надо искать греха в себе самом**, как Иисус Навин — при неудаче завоеваний Гая (Нав. 8) искал греха на народе Божьем, или Ахиор в зависимости от того же условия обещал Олоферну исход его осады иудейского города Ветилуи (Иудиф. 5:20-21). Высшее развитие этой мысли встречается в псалмах, где молящийся праведник,

угнетаемый врагами за ревность по Боге, сознает однако, что он страдает потому, что не освободился от греха, и просит Бога не только заступиться за свою же попираемую славу, но и очистить его молящегося от беззаконий, которых у него больше, чем волос на голове (Пс. 39:13; ср. 40:5; 21; 101; 108). Один священник на исповеди жаловался духовнику, что он, страдая за правду от сослужителей и властей, проникается неудержимым негодованием, — и просил совета, как бороться с этим чувством. “Да самая простая вещь! — воскликнул духовник — и неужели ты, выучившись в Академии, этого не знаешь?” — Нет. — “Да считай себя виноватым и все тут! Ведь не бываешь и ты без вины вовсе: вспомни об этом, и как рукой все снимет. Святителя Тихона ударили по щеке за слово правды, а он сам пал на колени перед обидчиком и просил у него прощения за то, что допустил его до такого греха.”

Итак, вот ближайшие искушения истинному пастырю, опасные именно по своей тонкости, по своему внешнему подобию пути праведному — это: 1) подавление чужой совети авторитетом, вместо воспитания, 2) затем противоположное, уныние и потеря веры в самую возможность нелицемерно и смиренно любить, наконец, 3) гордость внутренняя, — мысль о полном осуществлении собою пастырских задач, уподобление себя по степени святости мученикам или апостолам. — Против второго искушения **средство** — **мысль о долге** пастырском и основанная на нем **деятельная любовь**, против третьего — **самоукорение**, основанное на **самоиспытании**, а против первого и всех трех — то **средство**, которое для пастырской жизни **всегда необходимо**, как воздух для дыхания, — **это молитва**, исполненная верой. Ее-то как единую истинно-действенную силу противопоставляет он **ухищрениям духовного иезуитизма**: соединяясь ею с Богом, с силою благодати Божьей, он чувствует себя могущественнее целого мира.

Говорить ли **подробно о конечном исходе борьбы пастырской** в жизни, борьбы в его лице благодати с миром? Если, как мы видели, самая **сущность его служения** заключается в том, что он “*каждый день умирает*” (1 Кор. 15:31), то конечно **эта борьба** своим логическим **завершением** имеет **смерть** за слово Божье. Конечно эта смерть не есть непременно казнь, но тогда она есть явное умирание от забот, трудов и печалей в продолжение нескольких лет еще не в престарелом возрасте. Господь прямо говорит, что добрый пастырь душу свою полагает за овец (Иоан. 10:11); здесь Он оставляет приточную речь, ибо пастух за овец не станет умирать, — но понимает пастырство духовное. В том же смысле и апостол Павел говорит: “*Я становлюсь уже жертвой за служение жертвы*” (Фил.2:17). Да и на всех апостолах осуществились слова Господни: “*Чашу Мою будете пить и крещением, которым Я крещусь, будете креститься*” (Мф. 20:23). Поручив апостолу Петру в качестве высшего выражения любви к Себе пасение духовных овец, Господь прибавил: “*Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь... давая разуметь, какую смертью (Петр) прославит Бога*” (Иоан. 21:18-20). **Церковь** в своих песнопениях тоже **связывает пастырство с мученичеством**, когда в кондаке святителю говорит: “Христово, Преподобне, Евангелие исполнив, положил еси душу твою о людех твоих,” или в тропаре Священномученику: “слово истины исправляя, пострадал еси даже до крове.”

О том же говорит и история Церкви, в которой высшие образцы пастырской ревности, даже в мирное время, или были убиваемы, или истлевали от жизненных скорбей: таковы св. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Филипп Московский и т.п. Ныне усопший лучший пастырь Иоанн Кронштадский всегда но-

сил **мертвость** Господа Иисуса Христа **на своем теле** (2 Кор. 4:10), ибо глубокое сострадание к исповедуемым ему постоянно горестям, заставляло его переживать мировые скорби, о чем свидетельствовал измученный вид его лица. Конечно, в этом обстоятельстве нет ничего странного для христианина, напротив великие пастыри просили себе смерти; так ап. Павел говорил: “для *меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение*” (Фил. 1:21), а Григорий Богослов неоднократно просил Бога взять у него многотрудную жизнь. Молились они так потому, что смерть за паству бывает, преимущественно перед всеми прочими подвигами, началом духовного рождения, ибо зерно, “*если не умрет, останется одно, а если умрет, то принесет много плода*” (Иоан.12:24), а пр. Исайя в 53 и 54 главе вместе с 10 главой 3-й книги Ездры и 21 псалмом прямо раскрывают закон животворной смерти праведника за истину, как единственное средство духовного возрождения народа. Как Господь наш “*пришел водою, и кровью, и Духом*” (Иоан. 1:5-6), Который мог явиться только после Его вольной смерти, чтобы обличать мир (Иоан. 16:7), так точно теперь подобное же, неумирающее при кончине своих пастырей, продолжение и рассвет духовной жизни показывают, что и по ныне наша вера сохраняет за собою свидетельства неумертвимого Духа, в отличие от всех других учений, хотя бы и готовых запечатлеть себя кровью, но лишенных свидетельства Духа, — как это разъяснял мудрый Гамалиил в качестве отличия учения Божественного, истинного от человеческого, условного (Дн. 5:35-40).

Все это понятно само собою, но гораздо нужнее предостеречь служителей истины от мученичества или исповедничества неразумного, страстного, произвольного, что строго осуждала Первенствующая Церковь, отказав в мученическом достоинстве христианину, сорвавшему противохристианский эдикт императора в Никомидии. Христос Спаситель бежал в Египет от Ирода и несколько раз спасался от рук иудеев пока не пришел его час, пока учение Его не выяснилось окончательно и не пустило корни. Св. Игнатий Богоносец только в глубокой старости признал себя созревшей пшеницей Божьей, которую теперь пора измолоть зубами зверей, чтобы она стала хлебом Божьим. **Вот почему всего менее** должно торопиться посредством обличений жизни в ряды исповедников и мучеников, **не очистив** предварительно своего сердца от страстей. Следует насаждать в жизнь положительные начала любви и истины, что хотя труднее но полезнее, чем обличения, уместные при более нормальной церковной жизни, чем теперешняя, когда нет наличной почвы, стоя на которой можно бы изобличать все от нее уклоняющиеся направления жизни. Утверждай лучше самую почву; если ты достоин мученичества, если настолько выше мира, что он не может выносить тебя, как огонь воду, то будь спокоен, что он не лишит тебя мученического венца и помимо обличительной деятельности; а потому ожидай, пока ясный голос пастырской совести и руководимые Промыслом обстоятельства твоей жизни, а не нетерпение и страсти, приведут тебя к делу прямого обличения. Будь добрым пастырем, и мученичество всегда будет при тебе, и в жизни твоей, и в смерти.

Ныне в одной семинарии лежал в чахотке первый ученик 6-го класса, идеальный, даровитый поэт и мечтатель о разных подвигах; ужас смерти иногда показывался на лице. “**Попомни** мое слово, дитя мое, — говорил ему один священник, что если ты выздоровеешь и останешься в жизни таким добрым, сострадательным и правдивым человеком — христианским деятелем, то **много, много раз пожалеешь, что не умер теперь**, не испытав жизни; будешь завидовать и этим месяцам бессильного и беззаботного сравнительно лежания, как часто завидую я тяжело больным, приходя смотреть на них в часы тяжелой грусти. Ты только по неопытности, по недоразумению боишься смерти. — Так надо бросить свои планы? — спросил умирающий. Нет! **все блага мира ничто в сравнении с тем**

наслаждением духовным, которое мы только получаем среди наших пастырских скорбей; в этих радостях нам открываются ощущения жизни райской, которых один миг готов зарабатывать мучениями целой жизни.”

Проявление пастырской жизни в деятельности.

Излагая основоположения пастырства с точки зрения жизни **внутренней или аскетической**, мы останемся не вполне понятными для читателей, пока не покажем, какими главнейшими проявлениями отразится раскрытый пастырский уклад аскетизма на пастырской деятельности, на церковно-общественной жизни, или говоря точнее, к каким проявлениям пастырства должна вызывать эта жизнь своих руководителей, как по ее современному состоянию, так и по некоторым, всегда присущим ей свойствам, предусмотренным уже в Откровении, когда последнее начертывает общие понятия о пастырстве не только **в его существеннейшей, аскетической стороне**, но и в его деятельных проявлениях. К этим двум заключительным отделам наших рассуждений присоединим и краткие указания на окружающую нас действительность пастырского делания. Правда, мы уже касались последней, но только по вопросу о том, насколько она является несоответствующей духовным нуждам паствы, когда обращается не к совести человеческой, а к приемам деятельности мирской. Теперь же мы обратимся к тем не слишком многочисленным элементам современной пастырской жизни, которые заключаются в атмосфере действительной, религиозной т.е. в совести. Мы привели несколько примеров такой жизнедеятельности; теперь посмотрим, представляют ли хотя бы эти примеры и подобные им элементы нашего пастырства **качественную полноту**, а если нет, то в каком отношении подлежат пополнению. — Итак, приступим к раскрытию богооткровенного учения об основных свойствах **деятельности пастырской**, как **внешнему выражению** пастырского аскетизма. Было показано, что пастырская совесть обнимает собою в чувстве пламенной сострадающей любви всю паству, всех ее членов, радуясь их успехам в духовной жизни (Фил. 4:1) и скорбя об их несовершенствах, как о своих собственных. Понятно, что насколько в христианстве вообще все внешнее должно исходить всецело из внутренней жизни совести, настолько и **во внешней деятельности** пастыря должен отражаться именно этот **всеобъемлющий характер пастырской совести**. 1) Священник должен знаться с жизнью общества **в ее целом**, во всех ее сторонах, которые мало-мальски соприкасаются с совестью человеческой. Для него не должно существовать двух разграниченных областей нравственной жизни пасомых — области светской и области духовной, 2) он не дожидается, пока жизнь, уложившись в формы обычной церковности, некоторыми своими течениями сама прихлынет к его исповеданию или в его метрические книги: **он первый должен сам идти навстречу** жизни и возводить ее на “гору Господню.” Вот первое богословское основоположение пастырской деятельности, достаточно ясно раскрытое в св. Писании и св. Предании.

Наиболее типическими изречениями Христа Спасителя относительно **пастырской деятельности принято считать**: 1) притчу о добром Пастыре, 2) притчу о заблудшей со-той овце, 3) наставления апостолам в нагорной беседе и при отпущении их на проповедь, 4) избличения фарисеев, 5) прощальная беседа и молитва Божественного Учителя о Сво-

их учениках. Затем, в св. Писании подобное же пастыреводительное значение имеет одна глава у Иеремии (23) и Иезекииля (24), прощальная речь ап. Павла к пресвитерам Эфеса (Деян. 20:17) и его послания к Тимофею и Титу. Мы не будем рассматривать каждый из священных отрывков в отдельности, но спросим, какому **типу пастырства** они более благоприятствуют: 1) жизненному ли, или 2) тому, который **вовсе чуждается** всего мирского, **удаляется от изучения светской мысли, светских идеалов?**

В ответ на это можно сказать, что едва ли не руководственной идеей библейского пастыреводства является именно **идея снисхождения до настроения пасомых**, или обращаемых, та идея, которая придает единство всем приведенным евангельским повествованиям. Так, слова Христовы: *“вы свет мира, вы соль земли,”* сейчас же сопровождаются указанием на то, что зажечь свечу — мало для освещения горницы: должно свечу поставить на свещник. Ближе пойдем мы смысл этих слов, когда соотнесем их с вводными словами к наставлению апостолам, посланным Спасителем на проповедь. Господь сожалел, что люди были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. И вот не ожидает, чтобы овцы сами пришли к Нему, но за ними вслед посылает апостолов: *“моли-те Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою.”* В этих словах, как и в словах о постановлении свечи на сосуд, сказывается та мысль, **что пастырю недостаточно иметь высокое настроение духа и знание веры, но необходимо еще некое движение к людям**, некое вхождение в круг их понятий, следование за ними по распутьям жизни, чтобы оттуда собрать их на Христову пажить. Понимать эти слова, как относящиеся только к апостолам, просветителям язычников, воспрещает нам христианское предание, которое в лице св. Иоанна Златоустого и других **пастыреводительных отцов** да, наконец, в богослужебном чине архиерейского служения единогласно относить эти слова Спасителя ко всем пастырям Церкви. Сам Господь дает ясно понять, что вхождение в понятия и жизнь людей не есть только дело миссионеров, но и всех нравственных руководителей духовной семьи. Он грозно избличает фарисеев за то, что они, обойдя море и сушу, дабы обратить хотя бы одного и затем, возложив на него тяжкие бремена, сами не хотят и пальцем подвинуть, и, таким образом, являются виновными в том, что человек тот становится сыном геенны, хуже них самих. Насколько Господь представляет существенным в пастырской деятельности это вхождение к отделившемуся от духовности руслу жизни, — видно из слов Его о пастыре, оставляющем свое стадо в горах ради отыскания одной заблудшей овцы, найдя которую, он радуется о ней одной, более чем о 99-и заблудших; та же мысль высказывается в притче о женщине, нашедшей потерянную драхму, и отчасти в притче о блудном сыне, в сретение которого исходит милосердный отец, издавеча узрев кающегося. Насколько широким со стороны обоих должно быть это отыскивание овец Божьих, Спаситель показал в Своей прощальной молитве и в притче о “добром пастыре,” сказав, что всех овец Его, которые **не от двора сего, подобает Ему привести, и глас Его услышать, и будет одно стадо и один Пастырь.**

Божественный **Учитель не стоит одиноким** в ряду прочих провозвестников Откровения, представляя дело пастырства как исхождение на жизненные распутья и возведение оттуда заблуждающихся на правый путь спасения. Действительно, даже самый **образ пастыря и стада**, в который Он облек нравственно-руководительную задачу религиозных деятелей, **почерпнут Им из Ветхого Завета**, где этот образ имеет свое приложение ко всей истории домостроительства, начиная с благословения патриарха Иакова, продолжая речами Моисея, историей Давида и учениями мудрецов и пророков.

Особенно наглядное **развитие пастырского долга** мы находим в 34 главе Иезекииля, где Бог укоряет пастырей народа, изрекая горе пастырям, которые пасут сами себя: “Не стадо ли должны пасти пастыри?” А они между тем “*слабых не укрепляли и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью. И рассеялись они без пастыря и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому. Блуждают овцы мои по всем горам и по всякому высокому холму и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них, никто не ищет их.*”

Итак, **учение Библии**, как ветхозаветной, так и новозаветной, ясно **говорит о жизни пастырства**. Но учением дело не ограничивается: **эта идея** сама воплощается в **библейской истории**; мало того, она и составляет **сущность последней**. В Ветхом Завете Господь Свои отношения к Израилю, кроме образа пастыря и виноградаря, представляет еще под видом отношений жениха, отыскавшего себе невесту и прилагающего тысячи забот о ее благополучии. Высшее раскрытие этой идеи находим в книге пр. Иезекииля. Но что в Ветхом Завете относилось к народу Божию, то самое Завет Новый распространяет по отношению ко всему падшему человечеству. “*Все блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу,*” — говорит Исайя о состоянии рода человеческого. И вот когда Господь, по слову апостола: “оставив времена неведения, повелел всем людям покаяться,” то “**Он** не с неба призывал их к обращению и не в вихре бурь говорил им, но **верный** предвозвещенному через пророков **пастырскому правилу**, он не только **Сам сошел** с небес на рассеяние путей человеческих, но **вошел** в самое **естество наше, в нашу брнную плоть**, *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни.*” До конца продолжая Свое “Божественное снисхождение,” Он в учении Своем не предавал чуждую насущной жизни доктрину, даже не для того пришел, чтобы упразднить закон, но **пришел** прямо в овчий двор **наличной жизни и ее-то поднимал до Себя, просвещая грубое сознание людей притчами и начиная Свою проповедь через восстановление того же самого света, который еще брезжил в человеческой совести**: поэтому Он говорил о Своем учении, как о чем-то для всех известном: “*покайтесь и веруйте в Евангелие.*” Вот почему Он мог называть свои святейшие заповеди бременем легким и игом благим, потому что они не навязывали людям какого-либо чуждого их сердцу и их жизненным идеалам учения, не отрицали всего доброго, что было дорого душам их прежде, но это-то добро и возводили к его вечному оправданию, так что новое иго христианства не отягчало душ; напротив, принятием его оправдывалось Божественное обетование: “*обретете покой душам вашим.*”

Говорит ли о том, что апостолы Христовы остались верны завету своего Учителя и продолжали вникать в жизнь и возводить до Христа присущие, людям надежды? Не блаженный ли Павел говорит: “*Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести. Для иудеев я был, как иудей, чтобы приобрести иудеев... Для чуждых закона, как чуждый закона... Для немощных, как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых*” (1 Кор. 9:19-22; ср. 10, 33). “*Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?*” (2 Кор. 11:29). Обращаясь к Афинянам с проповедью о неведом Боге, а к Евреям с учением о Новой Скинии и первосвященник по чину Мельхиседекову, апостол Павел и пастырей Церкви увещевает внимать не себе только, но и всему стаду, побуждая их к тому предсказанием о дальнейших бедствиях церковей; своего же возлюбленного ученика и сотрудника Тимофея он учит прилагать особые попечения о каждом роде людей,

особенно учить старца, особо юношу, особо вдовиц, сообразно настроению каждого. **Отцы Церкви держались того же пастырского приема.**

Так **св. Григорий Богослов** в знаменитом **Слове о Бегстве** ясно показывает, что руководящим началом в пастырской деятельности должна быть не отвлеченная доктрина, преподаваемая по пунктам, а наличное состояние душ в его зависимости от бытовых условий, в которые они поставлены, и возведение душ от наличного состояния в благодатное. Сравнивая пастырскую деятельность с врачебным искусством, Святитель говорит (1:26): “Какой предлежит подвиг и какие нужны сведения, чтобы хорошо и других врачевать, и самим уврачеваться, чтобы исправить образ жизни и персть покорить духу? Ибо не одинаковы понятия и стремления у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у веселого и печального, у больного и здорового, у начальников и подчиненных, у мудрых и невежд, у робких и смелых, у гневливых и кротких, у стоящих твердо и падающих. — Поскольку общее тело Церкви, подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов: то предстоятелю Церкви совершенно необходимо быть вместе, **как простым, относительно к правоте во всем**, так сколько можно более многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно способным к полезной со всяким беседе.” — Ту же мысль **о проникновении пастырского духа во все сферы нравственной жизни человечества** развивает и **св. Иоанн Златоуст** в “Словах о Священстве” (стр. 124 по изд. 1874 г.): “священник должен знать все житейское не менее обращающихся в мире и вместе с тем должен быть свободен от всего более иноков, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, которые имеют жен, воспитывают детей, владеют слугами, обладают большим богатством, исполняют общественные должности и облечены властью, то он должен быть разнокачественен.” Из приведенных изречений видно, что изучение окружающей жизни — вот первая задача церковного учителя и пастыря. Особенно важно узнать, что **та же точка зрения лежит в основании даже канонических постановлений Церкви**, а вовсе не понятие **о самодовлеющем праве**, как это бывает в жизни государственной, по необходимости руководящейся известным юридическим правилом: *fiat justitia, pereat mundos*. **Вот, что говорит Иоанн Схоластик о правилах церковных:** “Ученики и Апостолы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, а также и Церкви Его Святой архиереи и учителя, при Апостолах и после Апостолов жившие, получив поручение пасти множество их иудеев и язычников, не полагали, что согрешающих должно терзать физическими муками, как то предписывают гражданские законы, — ибо это представлялось им попечением мало разумным и весьма мало заботливым. Напротив, со всею готовностью сами подвергались за них опасностям и старались отставшее возратить, заблудших и отклонившихся от пути, — обгоняя, как добрый пастырь, а падших уже и низринувшихся в пропасть, — употребляя все усилия, извлечь оттуда; то, что уже сгнило на них и совершенно омертвело, отделяя весьма благо разумно и искусно духовным мечом, а надломленное и растерзанное обвязывая некоторыми духовными врачеваниями и перевязками, — и таким образом больных возвращали благодатью и содействием Духа в первоначальное здоровое состояние. Итак, дабы и последующие предохраняли невредимыми подчиненных им, некоторые из сих преблаженных Отцов, время от времени сходясь вместе, при содействии благодати Божьей, собиравшей Соборы их, изложили некоторые законы и правила, не гражданские, но божественные, о том, что должно делать, что не должно делать, исправляя жизнь и образ деятельности каждого” (каждой вверенной души).

Григорий Двоеслов все свое сочинение “**О пастырском попечении**” расположил в зависимости от этих-то духовных нужд, а именно: как должно учить богатых, как бедных, как униженных, как гордых, как молчаливых и как многоречивых, и т.д., и т.д. Искупительное снисхождение Божие к роду человеческому, как бы повторяемое в пастырской деятельности Его служителями по отношению к пастве, таким образом, узаконено в христианской практике через священное предание; оно же составляет любимое содержание богослужбных молитв, воспевающих Христа, “*иже заблудшее, одичавшее в горах обретет овца, к Отцу приведет и своему хотению.*” Так и в молитве по покаянному каноне читает грешник: “*оставих Тя, не остави мене, изыди во взыскание мое и возведи мя от пропасти погибели*” и т.д. Наконец, когда архиерей возлагает на себя знак своего архиерейского достоинства — омофор, то диакон возглашает: “*на рамо заблудшее взем естество, к Отцу и Богу вознесл еси.*”

Расширяя таким образом свое пастырское внимание далеко шире пределов, так называемой (в отличие от светской), духовной сферы, пастыри однако должны действовать мерами не гражданскими, **как выяснено Иоанном Постником, но духовными**. Этим само собою устраняется, как и отговорка о том, что вмешательство духовенства в светскую жизнь есть папизм (ибо папизм есть стремление действовать посредством мер государственных — поощрений и насильственной кары), — так и тщетное самооправдание духовенства, что оно-де лишено полномочий для воздействия на светскую жизнь, — так как для такого чисто духовного, воздействия никаких государственных полномочий не нужно, а **только знание этой жизни и вера в действие благодатных сил пастырства, т.е. молитвы, примера и особенно учительства церковного**, которое по преимуществу и может быть употребляемо для возведения всех сторон общественной и народной жизни к христианским началам. — Впрочем, если пастырь действительно овладел пониманием какого-либо направления нравственной жизни и интересов общества, то, и помимо учительства в смысле проповедничества, **в его власти** остается полная возможность говорить о нем и в печати, и на уроках Закона Божия, и на исповеди, и в беседах с прихожанами по домам.

А, все-таки, **все ли средства сводятся к говорению?** — спросят некоторые, верующие в действенность только государственной кары и наивно убежденные, что уничтожение всякого неправомыслия зависит от последней, как значится и в одной магистерской проповеди на 2-е марта настоящего года, в которой проповедник, понося Толстовщину, выражает в заключение надежду от лица русского народа, что мирская власть положит конец этому вредному шатанию умов в России. Да, **к говорению и примеру**, ответили мы; иначе для чего бы называть пастырем служителями Слова (Лук. 1), а пастырство служением слова? (Деян. 6:4) и кто не верит в силу слова, тот прекрасно сделает, если будет бежать от пастырского служения, как от пожара. Говорить ли при этом о том еще, как современное русское общество и народ уважают **убежденное слово?** И тот и другой различают священников не по степени образования и не по положению их в епархиальной иерархии, а различают **на проповедующих и молящих. Проповедник**, мало-мальски проникнутый жаром убеждения и искренности, принимается обществом, как пророк: **после старцев он есть второго рода служитель веры**, пред которым забываются чины и возрасты и каждый чувствует себя только мирянином и учеником. Это уважение и послушание возрастает тем сильнее, чем исключительнее пастырь опирается в своих действиях на силу благодатного слова, чем менее соглашается пускать в ход свои государственные полномочия. Говорят, что у нас не слушают проповедей, но это совершеннейшая неправ-

да: лишают внимания не проповедь слова Божьего, проникающую во внутреннее настроение паствы и умеющую угадать последнее и указать от него путь ко Христу, не проповедь, следовательно, лишают внимания, но словоизвержение с церковной кафедры, и притом часто такое, которого и расслышать невозможно.

Почва для пастырства в России.

Но к каким же явлениям современной жизни, наиболее связанным с нравственным настроением общества, должна устремляться по преимуществу пастырская деятельность? Что должен пастырь сделать предметом изучения и научения в жизни общества и народа? Особенно в первой, найдет ли он куда закинуть якорь христианского назидания в любом его виде? Не все ли интересы общества отчуждились от религии и не представляет ли современное состояние образованных умов, если не бесплодной пустыни для пастырства, то прохожего пути, на котором прозябает всякое семя благодати, того тернистого угла, где оно совершенно заглушается сорными травами безверия и страстей? Действительно, с первого взгляда может показаться, что пастырь среди общества, почти как среди язычников; но пусть даже так: разве не язычники предварили верных сынов Израиля в Царствии Божьем? Не легко, пожалуй, пастырю проникнуть до слуха образованных людей: придется начинать с малого — с царских дней в кафедральных соборах, со дней Страстной седмицы, да с исповеди и, наконец, с молодого поколения, обучающегося Закону Божью в школах. Но раз проникнув до слуха общества, истинный пастырь скоро убедится, что почва в высшей степени благоприятна для насаждения евангельских истин, хотя сами его слушатели далеко не соображают этого.

Маститый ученый Запада Леруа-Болье в печатаемых им статьях “Религия в России,” в журнале “Revue des deux mondes,” проводит ту мысль, что русская душа по своей природе всегда стремится к началам христианской религии и морали, даже в тех случаях, если теоретическая мысль человека совершенно безрелигиозна. Этим положением он объясняет то явление, что самые рационалистические беллетристы наши, например, Тургенев или Л. Толстой, никак не могут, однако, сойти с вопросов религиозных и нравственных в лице своих героев, искателей истины. Та же бессознательная близость к некоторым сторонам Божественной религии замечается и у упомянутых публицистов, хотя они себя считали прямыми противниками православия: посмотрите, какие принципы ставят они в основание своих систем? Прежде всего, принцип самоотвержения, хотя и объявляют себя утилитаристами, принцип помощи слабым, принцип справедливости. Толкуя об экономическом благополучии, они, однако, слишком плохо умеют скрыть свое конечное стремление собственно **к нравственной правде**, и только к ней. Не будем уже и говорить о политических идеалах панславистов, которые выросли из церковного учения Хомякова, остановимся на современном движении общества в смысле отрешения от прерогатив своего сословия и перехода к мужицкому труду.

Все эти движения идут как бы в разрезе с Церковью, а между тем, если бы собрали воедино все подобные светские стремления, с отрешением от их крайностей, то мы бы получили нечто, очень близкое к целям христианского пастырства. И вот, с каким горьким чувством должны мы, духовные, задать себе вопрос: как же это мы не сумели показать людям, что искомое идеалистами есть именно **у нас**, что они ищут те самые рукавицы, которые у нас за поясом, что не только народ, вместо штунды и молоканства, но и общество, вместо баррикад или цыганских таборов, все то доброе, что влекло их по дебрям не-

ведомых исканий, могло бы получить от Церкви, от христианства, которое не желает допустить, чтобы могло существовать что-либо из созданного Богом доброго, не находящегося у Него; *“все еже даст Мне Отец, ко мне приидет,”* — говорит Господь. Но наличная жизнь русского пастырства заботливо удалялась от всего, что не имело знака церковности, хотя бы по содержанию и приближалось к ней, так что оставалось только заявить об этом и прибить знамя. За то все обозначенное этим знаменем, с противоположным, однако, содержанием, вроде кулака-грабителя, жертвующего на церковь, все это мы принимали, вопреки ясному слову Христа, Который даже пророкам Своим, преступившим заповеди, скажет: *“Не знаю вас,”* — врагу же Своему, сумевшему разъяснить две важнейшие заповеди закона, сказал: *“Не далек ты от царствия Божия.”* Итак, от него недалеко все почти мирские течения нашей общественной и народной жизни: это есть вызревшая жатва, которая только ожидает делателей-жателей, чтобы стать **пшеницей Божьей**; но как приняться за такую жатву? Должно в каждом течении жизни выделить этот-то нравственно-добрый элемент от тех наслоений, что к нему привели человеческое неразумие и страсти. Так, например, толстовское направление, которое, с философской точки зрения, есть чистейший пантеизм, с какою силою умело, однако, выяснить жизненное значение христианства, показать то нравственное удовлетворение которое оно дает! Проповеднику остается показать, что это самоудовлетворение не только не исключается православием, но в более высокой степени достигается именно в нем, ибо здесь оно имеет для себя и непоколебимое основание в идее личного Бога-Промыслителя и Искупителя, тогда как в религии Толстого оно предоставлено шаткой опоре одного только случайного настроения человека.

Так или иначе, но полемика должна происходить с точки зрения основного начала каждого учения. Тогда она, во-первых, получает то, чего лишена наша церковная литература, получает **интерес** в глазах последователей разбираемого учения; она достигает, во-вторых, более или менее непредубежденного отношения; убеждаемый не боится, не трепещет перед тем, что дорогой ему идеал будет разбит в прах логикою церковного представителя, он слышит, что последний принимает его за исходную точку. А наша-то догматическая проповедь — может ли она иметь значение для прямых, или тайных последователей, например, пашковства? Представьте себе, что безрелигиозный прежде человек вдохновился учением этих людей о личном единении со Христом, нашел в этом учении полное удовлетворение давно алкавшей душе, по жалкому недоразумению не сумевшей ничего найти в православии, кроме внешних обрядов: да станет ли этот человек слушать, или вникать в проповедь, если она начнется с исторических доказательств в пользу необходимости подчинения иерархии? Да он с последнею соединяет мысль о врагах Божьих? Он кипит негодованием, прежде чем успел услышать первый довод, и мысль его направлена вовсе не к оценке доказательства, но исключительно к подысканию возражений. Что сказано о заблуждениях теоретических, то надо сказать и о заблуждениях практических: о светскости, о показном либерализме и пр. Если эти симпатии развились в том или ином обществе напряженнее, нежели любовь к Церкви, то не трудитесь доказывать их несовместность с последнею: лучше усмотрите в них-то, в этих симпатиях нечто доброе и разъясните его содержанием Церковью и его неисполнимость вне ее и уже затем опровергайте крайности. Не слушайте толков о необходимости схоластического догматизма в нашей проповеди: будем отныне знать, что не только практическая польза, но само слово Божье требует от пастырей Церкви, чтобы они пошли вслед за заблудшими овцами по распутьям этой жизни, и всех, кого найдут, призывали на брачный пир Небесного Жениха.

Итак, наша пастырская деятельность должна пользоваться чисто церковным направлением народной жизни.

Этот третий, благоприятный для церковного созидания элемент заключается в воспитанной веками в русском народе привязанности к христианской святине, к храму, к богослужению и церковным обычаям, к слушанию житий Угодников Божьих и духовных стихов народных поэтов. Это область, конечно, религиозная, которая и сама собою приближает людей к спасению, но не с достаточною полнотою, для приобретения которой она нуждается в пастырском поучении. Конечно, мы совершенно далеки от пристрастного взгляда на русский народ той лжеинтеллигенции, которая считает народную религию за фетишизм, отрешенный от нравственной почвы; мы хорошо знаем и видим, что всякое религиозное представление в уме народном непременно соединяется с чувством умиления, и Божественная вера наша сознается им прежде всего как правда и святость Божья, противопоставленная мирской лжи и злобе. Но как многое здесь не восходит выше степени смутного, хотя и сильного чувства, как мало сознается народом та нарочитая связь между каждым религиозным обычаем и внутреннею жизнью совести, ради которой он и установлен Церковью. Разъяснение этой связи имеет огромное, исключительное значение, ибо если твердая вековая симпатия, сопряженная с готовностью трудиться и лишаться, соединиться с сознательным к ней отношением, основывающемся притом на авторитете слова Божья, то такой склад религиозной жизни приобретает ни с чем не сравнимую жизненную силу. Если народу будет выясняемо нравственно-воспитательное значение его церковно-бытовых обычаев, богомолий, крестин, браков, водосвятий и т.д., значение, повторяю, не историко-каноническое, а нравственно-воспитательное, то и самая приверженность к ним народа удесятерится в своей силе, и дело прямого христианского нравоучительства облегчится во сто крат, и надвигающиеся грозные тучи ересей сделаются безопасными. Что же пастыри? Есть у нас много пастырей, которые разделяют любовь народа к церковности обрядовой, но сколь немногие из них дают себе труд выяснять народу ее внутреннее каноническое значение; скажу более: они сами относятся к ней полусознательно.

Есть и другого рода пастыри, которые, напротив, первым долгом ставят себе сознательное отношение ко всякому своему поступку. Делают ли они то, от чего уклоняются те? Увы, к стыду нашему, надо сознаться, что из всей богословской мудрости мы наименее осваиваемся с истинным значением нашего церковного быта: он нам знаком только с археологической точки зрения или со стороны его механического исполнения, в не со стороны внутренней, аскетической, — и как часто бывает, что в храме Божьем при каком-либо велико-празднественном священнодействии, среди общего религиозного восторга и умиленных слез, наименее бывает проникнут одушевлением сам совершитель. Стоя среди духовных сокровищ, получаемых народом, он один остается не насыщаемым, как сановник царя Иорама, при чудесном бегстве Сириан, по пророчеству Елисея.

Итак, вот три области современной жизни, наиболее подлежащие изучению и попечению пастырскому: нравственный подъем в обществе образованном, выражающийся в литературных направлениях; затем, мистико-моральное одушевление народа, которым пользуются штундисты и пашковцы и, наконец, всегдашняя преданность народа церковному строю, которая, будучи лишена пастырского просветительного попечения, переходит в русский талмудизм и дает почву для старообрядческого раскола.

Еще несколько слов о современной жизнедеятельности того пастырского направления, которое уклоняется от самоопределения чиновничьего характера и ставит на первый

план идею внутреннего, духовного развития. В таких пастырях-аскетах у нас нет недостатка: напротив, образцы высокого подвижничества пред нами не только в монастырях, но и на поприщах церковно-общественного служения, и притом не только в рядах черного духовенства, но и белого. Являются ли они лучшими пастырями народа? Увы, очень редко. В этом отношении наиболее типичны такие характеры, как покойный Преосв. Игнатий Брянчанинов, Иеремия Нижегородский и др. Это были истинные монахи, м.б., стяжавшие себе неувядаемые венцы в вечной жизни, но едва ли венцы Пастырства. Они проходили путь аскетизма отшельнического, знающего лишь свою собственную личность в ее отношении к Богу и к самому себе, но не к ближним, ибо правила, коими они руководились, таковых отношений почти не предусматривали, ибо были даны отшельникам, а не пастырям Церкви. Поэтому внимание таких пастырей было сосредоточено только на себе самих, а к делу пастырскому они относились как к послушанию только, т.е. исполняли с неумолимою точностью все те инструкции, которые даются пастырям в Регламенте. С меньшею, благодаря Бога, последовательностью, но, к сожалению, под тем же общим настроением, действует и большинство тех пастырей из белого духовенства, которые, по преимуществу, проникнуты христианским благочестием; они живут жизнью внутренне-уединенною от всех, а в области пастырства они знают преимущественно одну только добродетель: добродетель послушания и притом не тем общим основоположениям пастырства у Отцов и в Библии, которые мы раскрывали, но послушание прямо выраженной воли закона в отдельных параграфах всяких уставов; поэтому они являются лишь исполнителями, людьми строгими, а в глазах неопытной паствы — только педантами, формалистами. Имеют они светильник веры, но под спудом, а не на свещнике. Они знают не с живыми людьми и не с живою действительностью, а с логическими машинами; но поскольку таких в жизни нет, то и труды их разбиваются в ничто, как бы о крепкую стену. С особенною яростью это сказывается в их проповедях.

Проповедь есть убеждение слушателей. Убеждение есть действие, которое от некоторых принимаемых собеседником положений путем наведения, сравнения и выводов, приводит его к другим положениям; если же нужно не положения теоретические привить собеседнику, но добиться от него известных решений воли, то опять же убеждающий прикрепляет свои слова к известным, уже сложившимся стремлениям воли собеседника и, комбинируя их с новыми сообщениями, старается приблизить вывод из них к этим-то первоначальным стремлениям. Положим, я хочу убедить христианина-филантропа относиться внимательнее к церковному богослужению, и вообще к дисциплинарно аскетической стороне религии. Сейчас я опираюсь на его филантропические симпатии и убеждаю его путем примеров, что приносить благо ближним удастся не столько расточителю сокровищ и даже не герою внешних подвигов самоотвержения, сколько тому, кто действительно имеет живую любовь к людям. Он соглашается. Тогда я показываю, что столь трудное усвоение безгневного расположения сердца ко всем и каждому является только под условием постоянной сдержки противоположных ощущений, ежечасно врывающихся в душу, путем господства над ощущениями и внутренней борьбы. Отсюда уже недалек путь к наглядному показанию бессилия в ней людей, не живущих в постоянном единении с Богом, не молящихся. Но молитва наедине не всегда удастся, наконец, она лишена большею частью характера той восторженной мощи, который ей внушается при дружном, исполненном братской любви, молении всей церкви, особенно во дни торжественные, посвященные памяти Искупительных Событий. Подобная речь убедительна для такого человека, но только для него, а не для человека иного, например, полу раскольнического направ-

ления. Ясно, что и при теоретическом, и при деятельном убеждении первое место занимает в уме говорящего мысль о количестве и степени тех убеждений или стремлений, которые уже разделяются данным лицом или обществом. Так и Спаситель, и Апостолы обращались всегда к лучшим стремлениям своих слушателей и возводили их к евангельским откровениям или заповедям. Первое требование от проповедника, чтобы он сумел охватить и проникнуться хоть каким-либо из убеждений, разделяемых большинством слушателей. Ассоциация его мыслей располагается, таким образом, не по различным сторонам изъясняемого предмета, взятого отвлеченно: это ассоциация не метафизическая, не схоластическая, но именно специальная гомилетическая, — телеологическая, если хотите. Приводить известный предмет к готовым уже идеям или стремлениям слушателей значит — **изъяснить** его, изъяснять, экзегетировать, а не доказывать; изъяснить не в смысле современного ложно ученого экзегеза, не в смысле разложения предмета на метафизические или исторические первооснования, но на те идеи и побуждения **воли**, которые имеются в душе слушателей. Очевидно, что таким образом гомилетическая экзегетика, или вообще гомилетическая логика одного и того же предмета принимает столько же разновидностей, сколько их в разных классах слушателей, как это и понимали Вселенские Учители и выразили в приведенных выше изречениях о сущности пастырства.

Наши проповедники в большинстве случаев поступают вовсе наоборот, именно по неумению или нежеланию проникнуть во внутренний мир данных слушателей. Что может быть мучительнее, как слушать длинные и искусственные обоснования тем требованиям совести, в которых и без того всецело убежден? Что может быть скучнее, как слушать весьма логические построения на посылках, которых истинность или вовсе отвергаешь, или хотя не отрицаешь, но вовсе не считаешь их близкими твоему внутреннему миру? А такие послышки, почерпнутые из богословских учебников и руководств, почти всегда лежат в основании столь притязательных, так называемых, **ученых проповедей**, которые, при теперешней своей постановке, по преимуществу, отличаются способностью разгонять слушателей. Не менее печальная участь выпадает на долю тех **практических поучений**, которые отправляются от давно забытого обществом Номоканона. Те и другие послышки сами по себе истинны, но если их истинность слушателями не сознается, то она должна быть целью доказательств разного рода, а отнюдь не посылкой их. Естественно, появляющаяся холодность слушателей к подобным доказательствам и юридическим проповедям отбивает охоту у проповедников, и эта губительная скудость учительства в русской церковной жизни, вопреки прямым требованиям Вселенских соборов и иерейской присяги, является ясным доказательством тому, насколько для отправления важнейших обязанностей пастырства необходимо нашему духовенству проникнуть во внутреннюю жизнь общества и народа и предлагать им доводы, убедительные с точки зрения слушателя, а не говорящего, — не с точки зрения схоластической разумности вообще.

Та же внутренняя отчужденность даже лучших наших пастырей от паствы проявляется и в других сторонах пастырской жизни, в управлении приходами. Наиболее характерные недоразумения из этой области можно указать в церковной жизни тех окраин, где являются пастырями наиболее типические выразители наших школьных понятий — пастыри-великороссы. Вместо того, чтобы возводить к православным понятиям и затем к православному строю окатоличенных, напр. Бывших униатов, так сильно дорожащих своими местными церковно-богослужебными обычаями, наиболее благочестивый пастырь-великоросс заботится почти исключительно о том, чтобы ему самому в богослужении и жизни ни на шаг не отступить от того уклада, который он себе усвоил в каком-

нибудь Весеьгонском уезде, хотя бы ценою окончательного отступничества и ожесточения против православия всех вверенных душ. Рьяно, и, разумеется, при содействии полиции, столь же мало умеющей отличать Православие от Царевококшайских порядков, сокрушает он “остатки унии,” иногда более древние и исторически православные, чем непогрешимые обычаи его захолустной родины. Так, лет 20 тому назад, многие уничтожили общее пение прихожан, бракосочетание не с медными, а с цветочными венцами, как всегда делалось и делается в церкви Греческой, держание приходскими братчиками зажженных свечей в торжественнейшие моменты всенощной и литургии, хождение первого братчика или экклезиарха со свечой впереди кадящего священника (что у нас теперь творит дьякон, вопреки прямому указанию Типика о Всенощном Бдении, где это предоставлено именно экклезиарху). Некоторые доходили до того, что боролись с обычаем шестикратно-го или десятикратно в год причащения мирян, хотя Номоканон приказывает причащаться всем присутствующим на каждой литургии и т.д. Многие заботились о том, чтобы на клиросе были вычитаны все кафизмы и стихиры, разумеется с быстротою молнии для краткости, а народ, уже отвыкавший, под влиянием костелов, даже прислушиваться к чтению, нуждался в медленном и внятном воспроизведении хотя важнейших молитвословий, к чему и приучили его некоторые священники, но, увы, вовсе не русского, а австрийского воспитания. Совершенно подобные же известия о неумелом пастырстве великорусских духовных воспитанников приходилось получать и с северо-западных, и с юго-западных, и с юго-восточных окраин. Если угодно, вся надежда на воспитанников местных. Но кто их воспитывает? Отправляя однажды туда даровитого кандидата Академии в наставники Семинарии и рассказав ему все животрепещущие духовно-образовательные нужды края, как грустно был я удивлен, когда читал его письма к приятелю с сообщениями такого рода “скучно здесь, нет православного русского духа; поэтому великороссу живется здесь плохо: свои напевы в церкви (говорят Киевские), нет порядочной бани, квасу за деньги не сыщешь, да и в трактирах вместо водки подают какую-то дрянь.”

Насколько мало проникают в жизнь лучшие элементы нашего пастырства, запряганные от нее в алтари и моленные келии, это видно из того, какие элементы общества тяготеют к церковно-иерархической жизни. Те ли, которые с особенною силой проникнуты разумением существеннейших сторон нашей веры, ее недостижимой высоты, ее чистоты, ее Евангелия? Увы, такие люди, как Достоевский, первые славянофилы, даже Рачинский или Тернер, при всем глубоком теоретическом уважении к духовенству, не находят с ним точки соприкосновения в жизни. Находят ее такие писатели и деятели, как покойный Аракчеев, А. Н. Муравьев, Ф. Булгарин и им подобные здравствующие писатели, интересующиеся всеми сторонами религии, но никак не главною, не внутренне освящающей; это в лучшем случае любители церковно-богослужебной эстетики, а в худшем — сторонники своих антипатичнейших сословных притязаний, безнаказанно облакаемых ими в форму требований церковной жизни. С ними-то суждено иметь дело нашим пастырям, и, хотя немало от них приходится страдать, по собственному признанию, но найти себе лучших спутников жизни, более сообразных с высокою целью апостольского служения, нам удастся лишь тогда, когда мы воспримем в себя выше раскрытые начала апостольского духа, и не только воспримем внутрь себя, но и облечемся ими пред лицом мира. Аминь.

Исповедь пастыря пред Крестом Христовым.¹

Читатели наши привыкли встречать в Страстную неделю на страницах нашего издания или соответствующую воспоминаемым скорбным событиям проповедь, или историко-догматическое исследование о последних днях земной жизни нашего Искупителя; но так как огромное большинство наших подписчиков сами изучали богословские науки, то они, по всей вероятности, и смотрели на подобные статьи больше как на пособие для своей деятельности (проповеди или преподавания), чем как на обращенные к ним самим, к их собственной совести. Попытаемся же на этот раз, в виду возникших вновь пред нашими глазами “Голгофы и креста, гроба и плащаницы,” открыть друг пред другом нашу пастырскую совесть и, удалившись ради святых дней от житейской гордости, откровенно проверить себя пред судом осужденного ныне Спасителя.

К сожалению, мы так мало привыкли к взаимному обмену своим душевным содержанием, так мало стали склонны к пастырскому взаимообщению, что в нашем введении читатель вероятно предполагает просто прием для статьи “о важнейших недостатках нашего духовенства”; но мы желаем вести речь вовсе не о недостатках, не о пресловутом корыстолюбии, честолюбии или нетрезвости, в чем нас так злорадно обличает светская печать; нет, — всмотримся не в деятельность нашу, не во внешнюю жизнь, а во внутреннюю клетвь нашего сердца, в нашу пастырскую совесть. Ведь, конечно, позыв к этому, а может и более чем позыв, испытывал каждый из тех многих наших читателей, кому, как и пишущему эти строки, приходилось говорить пред плащаницею слово о том, например, что Господни страдания имеют в жизни человеческой значение не только однажды совершившегося исторического, но и всегда продолжающегося в истории грешного человечества, попрания Христовой правды, поругания Его священного закона. Невольно при таких случаях приходит в голову мысль: сам-то я — проповедник, кому уподобляюсь между лицами, участвовавшими в событиях Христова предания, святых Его страстей и погребения? Не мало было там пастырей старой и новой веры, но — увы — громадное большинство и тех и других приносили моему Господу не утешение и облегчение, но скорби: бегство, отречение, предательство, клевету, подстрекательство против Него толпы народной, наконец, ужасный суд и богоубийственную казнь, при виде которой померкло солнце, потряслась земля, распались горы и разодралась церковная завеса. Итак, даже из Его избранных апостолов ни пылкая ревность Петра, ни богословская любознательность Филиппа, ни практическая сметка Иуды не спасли их от падения; только тихая любовь Иоанна и глубокое смирение Магдалины с прочими мироносицами удержали их при кресте небесного Страдальца. Если теперь православное русское пастырство, углубившись в свою совесть, спросит себя, как оно относится ко Христу, пребывающему и поныне с нами (Матф. 28:20), в чем является Ему угодным, а в чем пред Ним виновным, то, конечно, это будет почти тот же вопрос, что и вопрос о чистоте нашей пастырской совести. И вот, прежде всего, что это за **пастырская совесть**? Действует ли она в нас? Не потеряли ли мы даже понимание этого слова? Не заменили ли его другим, гораздо более сухим и внешним понятием **пастырской деятельности**?

¹ Первый раз была напечатана в “Церк. Вестник,” 1889 г. № 14 (Страстной), в качестве братского обращения к сопастырям.

Пастыреначальник наш и Господь, ныне “положивший душу Свою за овцы своя,” учит меня быть истинным пастырем, а не наемником, “ему же не суть овцы своя” (Иоан. 10:12). Я привык объяснять эти слова в смысле самоотверженного исполнения своего долга, но они заключают в себе смысл более глубокий, раскрывают мне понятие именно о пастырской **совести**. Наемник может быть и честный, и трудолюбивый, но он все-таки “наемник есть,” для него овцы — нечто внешнее, для него побуждением к заботе служит не самое стадо, не любовь к нему, но награда. Так точно пастырей честных, трудолюбивых и боголюбивых у нас не мало, но многие ли между ними живут духом в своих овцах? Многие ли из них в самых овцах, в их-то спасении видят себе награду, а не во мзде внешней, хотя бы даже в личном своем спасении? “*Знаю Моих, и Мои знают Меня... и жизнь Мою полагаю за овец*” (Иоан. 10:14-15), говорит Господь, и этими словами указывает, что пастырь должен относиться к пастве не только как к предмету внешней деятельности, но должен как бы в своей совести носить ее со всеми ее грехами и немощами, болеть ими как бы своими собственными, подобно Моисею, который уподоблял свое отношение к народу чревоношению женщиной младенца (Числ. 11:12). Пастырская совесть — это есть слитие своей жизни, своей души с жизнью паствы и посильное поднятие ее к пажити спасения. Прежде, чем спросить себя, насколько мы живем этою пастырскою, а не личною только совестью, обратим внимание на те места св. Писания, где объяснено, что пастырство вовсе не есть внешняя деятельность только, но просто **жизнь** — особенный род жизненного настроения духа, особый род самосознания. Остановимся на тех именно местах, которые отцами Церкви признаны за специально пастырские. Вот Господь дает своему пророку проглотить тот “плач и стон и горе,” которыми болело Его стадо, велит напитать ими чрево свое и наполнить внутренности его и затем говорит: “*Я поставил тебя стражем дому Израилева и ты будешь слушать слово из уст Моих и будешь вразумлять их от Меня*” (Иез. 4:3, 13). Видите, не на внешнюю деятельность посылает Господь пророка, но всего его наполняет горестью народной и ставит его не поденщиком, не пахарем, а **стражем**, который никогда не может сказать: “Я кончил сегодня свое дело, могу идти на отдых,” нет, он всегда ответствен, если воры или разбойники зажгут дом. Так и пастырь Церкви не может сказать: “я отслужил сегодня литургию, сказал проповедь, теперь я до завтра уже не священник, а семьянин, хозяин, собеседник.” Нет, ты везде и всегда пастырь, и людской “плач и стон и горе” всегда должны наполнять твое чрево. Посмотрите на пророка Иеремию: он было раздумал говорить беззаконникам о воле Господней, — “*но было в сердце моем как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог*” (Иер. 20:9). Почему же так? А потому, что “*обретены слова Твои и я съел их; и было слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего*” (15:16). Итак, не награда внешняя, хотя бы даже в небесном царствии, но самое слово Божье, самая ревность о спасении паствы — вот те побуждения, которыми наполняется жизнь пастыря. “*Для меня нет большей радости, — писал апостол — как слышать, что дети мои ходят в истине*” (3 Иоан. 1:4). “*Узы и скорби ждут меня, — говорит другой апостол, — но я ни на что не взираю и не дорожусь своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедывать Евангелие благодати*” (Деян. 23-24). Итак, жизнь пастыря всецело сливается или даже поглощается пастырством. “*Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести*” (1 Кор. 9:19, ср. 2 Кор. 4:5). Апостол уже не живет сам, но “*мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в нас*” (пасомых), (2 Кор. 4:11), а пока

эта жизнь не открылась в них, то учитель находится “в муках рождения” (Иоан. 4:19); наконец, самое заключение его земной жизни есть **жертва** (Фил. 2:17 и 2 Тим. 4:6); но хотя он не только не боится смерти, а напротив, имеет желание разрешиться и быть со Христом, но его влечет другое желание оставаться во плоти, ибо это “*нужнее для вас*” (Фил. 1:24).

Вот вам жизнь пастырской совести: человек живет уже не собою, а своей духовной семьей и вслед за Богочеловеком в продолжение всей своей жизни приносит себя в жертву. Мы взяли на себя это служение жертвы и ныне пред Голгофскою жертвою призываемся испытать свою пастырскую Совесть. Увы, мы всего менее думали о ней; не случайное падение это было — нет, мы утратили или потемнили даже представление идеала пастырства. У наших пастырей есть живая вера, есть горячая молитва, есть богословская ученость, бывает и светская образованность, и любовь, и патриотизм, но пастырства, слияния своей души с пастырским делом — у нас очень, очень мало. Поэтому к нам малоприменимы слова: “*когда выведет своих овец, идет пред ними, а овцы за ним идут, потому что знают голос его.*” Овцы за нами не идут, но бегут, и не знают нашего гласа (Иоан. 10:4-5).

Возврем же еще раз на Голгофский крест: вот, Он, истинный Глава вселенской Церкви, вот во что разрешился Его пастырский подвиг. Вот пред Ним вожди иудейского народа: “кому уподобилась окаянная душа!” Нет, мы далеки от богоубийц по своему настроению. Но вот еще другой вопрос: “*И ты был с Назарянином Иисусом?*” Такой вопрос ставит нас окружающая жизнь на каждом шагу. “*Не знаю и не понимаю, что ты говоришь*” (Марк. 14:67-68), — так политично отвечаем мы на требования жизни. Но когда Христос возрел на Петра, то “*вышедши вон, горько заплакал*” (Лук. 22:62). Ныне со креста взирает Он на нас, Своих служителей и проповедников. Будем же и мы плакать, отцы и братья, о небрежении пастырского служения нашего, дабы через покаяние вновь приблизиться ко Христу, воскресить Его в своем сердце и получить через то новое пастырское помазание: “*Симон Ионин, любишь ли ты Меня? — Паси овцы Моя*” (Иоан. 21:17). Пора, пора нам вспомнить, что нам поручена вся Церковь для назидания, весь мир для проповеди, что наше дело — руководить всею жизнью мира на пути к небесному царству, что все эти идеалы должны быть нашею пищею (Иоан. 4:34), нашею жизнью (Сил. 1:21), что мы за забвение их дадим ответ Господу, когда Он придет не умирать за мир, но судить мир. Но и раньше того суда, самая жизнь судит нас: паства наша разбежалась по всем горам и долинам мира сего (Иез. 34:6) и восстала на нас, да не на нас только, но и на Христа и ругается Ему. А мы? Будем ли мы только смотреть, *греясь у огня* (Иоан. 18:25), или будем впадать в отчаяние, как Иуда, или лучше подобно святым женам послужим страждущему Господу, дабы первым Ему поклониться в Его святом воскресении?

Свято-Троицкая Православная Миссия
Copyright © 2001, Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(pastyrstvo_m_antony_hrapovitsky.doc, 12-10-2001)

Edited by	Date
Мария Рахматуллина	10-26-01
Е. М.	11-09-01
Е. М.	12-12-01, 2-8-02